

Резниченко

Дехо О. А.

САМОШИРОКОЮ

УЛЫБКОЮ

... — ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК.

Annotation

Неважно, кто ты и чем занимаешься. Всё равно влюбляешься, мечтаешь, боишься... Человек. Ты — человек. И никогда не забывай об этом. История противостояния правоохранительных органов и преступников. Где кто-то еще человек, а кто-то — уже зверь.

За широкой улыбкой

Стихи от читателей по роману "За широкой улыбкой"

Автор: Mokus (Оксана)

В жестоком мире правды
Так много глупости людской,
Порой обидеть может каждый
Когда есть рядом "слабый", "не такой".
И норовят тыкнуть на шрамы пальцем,
Задеть похлеще, поострей,
Прийтись обутыми подальше,
Туда где кожа понежней.
И всё с улыбкой, между прочим,
Так искренне, в глаза
Сказать, что ты урод и не достойна
"Любви" такого мужика.
А для Ерёмы всё до боли просто:
"Будь рядом и не жмись,
Расслабься, и в моих объятиях
Топи свой, Тома, маргарин".

Автор: Sensa (Света)

(глава 12)

Максик Томку разозлил
До того, что дым валил
У нее з ушей и рта,
Берегись теперь братва!
Огнедышащий дракон
Нервно курит в сказке той...
Гриша... тот еще герой,
Как фанера над Москвой,
Тож в пролете оказался
И по полной облажался...
Кто ж ведь знал, что тараканы,
Так могучи й кровожадны...
Только нам все нипочем...
Жанну вызовем на дом...
И соседу прямо в глаз,
Профилактика как раз
Никому ж не помешает,
Да й на прочность проверяет...
Томка прям как та лиса
И сама не съест, эт да,

Да й другим давать не хочет,
Й себе голову морочит...
И когда ж поймёшь ты Тома,
Что пора бежать с дурдома,
Что себе в душе слепила,
И на дверь замок вцепила...
Где ж разбойник иль герой,
За собой что поведет...

Вступительное слово

Жанр: социально-философская современная проза, любовный роман с элементами боевика (среди героев — бандиты и сотрудники правоохранительных органов), с примесью детектива и триллера.

Год написания: 2016 г.

Автор: Резниченко (Гудайтис) Ольга Дехо Александровна

Слоган:... - тоже человек.

Кредо: выжить вопреки всему.

Аннотация: Неважно, кто ты и чем занимаешься. Всё равно влюбляешься, мечтаешь, боишься... Человек. Ты — человек. И никогда не забывай об этом. История противостояния правоохранительных органов и преступников. Где кто-то еще человек, а кто-то — уже зверь.

Рейтинг: 18+

* — **все совпадения случайны**; вне политики, призван прославить доблестных и честных служителей правопорядка, а в остальном — просто элементы сюжета.

Если некоторые названия, слова, или какие другие моменты произведения задели или оскорбили кого, то заранее прошу прощения, неумышленно и не со зла, ведь использовано лишь для реалистичности изображаемого.

** — Присутствует нецензурная брань ("запикана").

В произведении содержатся сцены, демонстрирующие курение табака и употребление алкогольных напитков. **Помните, курение и чрезмерное употребление алкоголя — вредит Вашему здоровью и здоровью Ваших близких!**

А также присутствуют сцены убийств, насилия и эротики.

Посвящаю: П.Т.Б.

Благодарю за смелость, принципиальность и честность!

(Хотя жизненный путь в романе описан не ваш, однако именно вы меня вдохновили на сию историю! Простите, если что не так!)

Посвящаю Елене Миллер: выражаю огромную благодарность за поддержку и наставления!

Посвящаю всем поклонникам романов «Отпускаю прошлое» и «Спиною к будущему».

Отчасти вдохновителем выступил и фильм «Майор», режиссера Ю. Быкова.

За широкой улыбкой

~~*~~

Герои:

Тамара Федоровна Балашова (Тома) — Ггня, (1984 г.р.; 2016 г. — 32 года)

Григорий Викторович Ерёмов (Ерёма) — ГГ, бандит. (1974 г.р.; 2016 г. — 42 года)

--

Борис Федорович Кузнецов — "Верзила", товарищ, человек Еремы.

Алтухов Виктор Семенович — бандит (1958 г.р., 2016 г. — 58 лет)

--

Максим Дмитриевич Фирсов — друг, следователь (майор) (1976 г.р., 2016 г. — 40 лет). Жена — Марина.

Андрей Иванович Грановский — следователь (майор) (1982 г.р.; 2016 г. — 34 года).

Иван Александрович Заболотный — начальник (подполковник) (1954 г.р.; 2016 г. — 62 года).

--

Анатолий Сергеевич Евсеев — серийный маньяк (18.04.1967 г.р.; 2016 г. — 49 лет)

Василий Васильевич Каренко — на 1 м курсе учился вместе с Евсеевым, но потом вылетел. Больше десяти лет прожил в Воронежской области. «Подражатель». (1968 г.р.; 2016 г. — 48 лет)

~~*~~

Муз. вдохновители:

Нурногаја — Here comes the rain again

Lana Del Rey-Serial Killer (K Theory Remix)

Краски — Мама, я полюбила бандита

Gipsy Kings — Bamboleo

James Arthur — Recovery

Смысловые галлюцинации — Все в порядке, все нормально

Статьи УК РФ (ознакомительный характер)

УК РФ, Статья 69. Назначение наказания по совокупности преступлений

1. При совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление.

2. Если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению, либо покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

3. Если хотя бы одно из преступлений, совершенных по совокупности, является тяжким или особо тяжким преступлением, то окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

4. При совокупности преступлений к основным видам наказаний могут быть присоединены дополнительные виды наказаний. Окончательное дополнительное наказание при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса.

5. По тем же правилам назначается наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу. В этом случае в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

.....

УК РФ, Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, —

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

б) в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего;

в) общеопасным способом;

г) по найму;

д) из хулиганских побуждений;

е) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

ж) в целях использования органов или тканей потерпевшего;

з) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, - наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в отношении двух или более лиц, -

в) утратил силу.

наказываются лишением свободы на срок до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, -

наказываются лишением свободы на срок до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

.....

УК РФ, Статья 126. Похищение человека

1. Похищение человека -

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) утратил силу.

в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

д) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

е) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

ж) в отношении двух или более лиц;

з) из корыстных побуждений, -

наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены организованной группой;

б) утратил силу.

в) повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Примечание. Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

.....

УК РФ, Статья 296. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования

1. Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, — наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Пролог. Глава 1. Нелепая шутка

Пролог

12 ноября 2009 года.

"... Суд приговорил: признать Евсеева Анатолия Сергеевича, 1967 г. р., на основании недостаточности доказательств его вины по п. "а" ч. 2 ст. 111 и ч. 4 ст. 296 УК РФ — невиновным. Что касается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, а именно: "Умышленного причинения тяжкого вреда здоровью..."; а также по п. "в" ч. 2 ст. 126 УК РФ, а именно: "Похищение человека с применением насилия, опасного для жизни..." — признать виновным. И назначить ему наказание, пользуясь ст. 69 ч. 3, в виде 10 лет лишения свободы, с отбытием срока в исправительной колонии строгого режима."

Глава 1. Нелепая шутка

Июль. 2016 год.

Вспыхнул огонёк в руках бармена. Машинально тянусь к нему и позорно уступаю вредной привычке. Странному ритуалу, который понятен лишь мне. Короткий вдох — и неспешно выпустить дым наружу. Учтиво (на автомате) сбить пепел и аккуратно положить сигарету на край пепельницы. Взять стакан, взгляд в бурую пучину. Лениво взболтнуть по кругу напиток — и сделать глоток.

Мысли непослушной чередой на грани сумасбродства.

Бесцельный, задумчивый взгляд на дно посуды, будто там что-то разумное нарисовано, будто там подсказка, предсказание о том, когда всё это... закончится. Стоит ли вообще такого счастья ждать, или сии муки жалованы мне навечно?

Оглянись я вокруг, и что увижу? Одиночество. И не то, что бы я его ненавидела, но и полюбить не смогла. Эдакая... естественная часть нынешней моей вселенной, с которой все никак не свыкнусь. Вынужденный, предпочтительный, рациональный выбор. Ведь куда проще так жить, нежели взять и вернуться в те дни, где тебя никто не понимает, чего-то хотят, что-то ждут, а ты просто ни физически, ни душевно не в состоянии пойти им навстречу, выполнить требуемое. Даже просто сдвинуться дальше, перечеркнуть прошлое, отпустив его навеки... Когда даже муж тебе не за друга и соратника, а за судью и черствого обвинителя. Будто в моих силах было что-то изменить, избежать. Будто я была всему тому виной...

Но нет. Слова все сказаны. Решения приняты. И теперь прения позади. Со мной остались лишь странные ритуалы и сумасбродная тяга отмечать те дни, что так перевернули мою жизнь: от радости и до полного погребения под толщей гнетущей обреченности. День свадьбы — день развода. День происшествия — день оглашения приговора. Вот и сегодня один из таких поводов. Станный, шизофренический... предлог выбраться из рутины и выйти на свет божий. Закурить сигарету, сделав только одну затяжку, и выпить газировки вместо алкоголя. Семь лет уже таких празднований. Семь лет! Глупо всё это, безмерно глупо. И я понимаю. Осознаю, что давно пора со всем этим покончить — действительно покончить, внять старым советам. Забыть всё целиком, а не только детали тех гадких суток. Забыть напрочь, как душа забывает минувшее в момент соития двух клеток, в момент погужения оной в драгоценный сосуд, в венец эволюции — в плоть зачатого ребенка.

Начать всё с нуля, переродившись полностью.

Однако, легко сказать, да тяжело сделать. А потому очередная дата — и безвольный каторжник вновь плетется в ближайший бар за приторной порцией самобичевания и тоски.

Не свезло. Ни в чем мне не свезло. Ни сейчас, ни даже тогда, когда ДНК моя плелась. Острый ум, изрядно привлекательная внешность (по крайней мере, раньше). Кукла, мать её, — и всё в один флакон. Мечта любого... И поверьте, я не делаю этим себе комплимент. Ведь ко всему этому нужна приправа, жидкость, соединитель, приемлемая среда обитания — называйте, как хотите. Нужно — везение, удача. И вот её как раз таки мне и не дали. Отчего всё пошло не просто насмарку, не просто впустую, а стало жгучим, истинным проклятием, жутким наказанием, которое душит пуще всякого ярма. За первое — ненавидят товарищи, коллеги, мужчины. За второе — подруги и соперницы. И опять-таки мужчины. Ведь первое не позволяет с легкостью отдать им в пользование второе. А неоспоримый отказ сродни плевку в лицо, доказательство их несостоятельности, ущербности, а потому вызывает отвращение и неприкрытую ненависть, ярость, маниакальное желание взять силой, овладеть, покорить недоступное, плюя на чувства, стыд и последствия.

Но и этого было мало. Ирония судьбы. Знаете как она выглядит физически? Вы, наверняка, встречали таких людей, у которых на лице — вечная улыбка. Причем всегда, даже когда они... грустят или плачут. Это самая зверская насмешка, на которую способна природа...

Вот и сейчас... очередной липучий кавалер никак не может втолковать, что я вовсе не рада его обществу. Причем давно. Да что там? С самого начала! И когда я открыто, откровенно грублю, рычу — я не шучу. Я действительно уже на грани того, чтоб не кинуться на него с кулаками или не вгрызться зубами в шею, словно дикий зверь.

— Да ладно, ну, хватит играть! Признайся, как тебя зовут! Я же тебе уже, практически, всю душу излил!

— Я не просила! — рявкнула.

— Шикарная моя! Ну, зачем эти кошки-мышки? А? О! У тебя выпивка закончилась? Я сейчас, — резво подался вперед через всю стойку, махая рукой. — Пс-с, братишка! Бармен! Да, ты! Иди сюда!

— Слушаю.

— Организуй нам, — машет-колдует над стаканами. — Повтори, в общем, виски это ее, или что тут? — взгляд на меня. Но не дождавшись ответа, продолжил: — И мне водочки плесни...

Смеюсь невольно, раздраженно закатив глаза под лоб. Еще миг — и взгляды наши с барменом встретились. Буквально доля замешательства в очах того, но поймав мой настрой — поддается, заливаясь ухмылкой.

— Ну, повтори... это моё "виски", — шепчу уже я.

— Сейчас, — коротко кивает молодой человек и отдалается к полкам.

И вновь я грубо, бесцеремонно отворачиваюсь от этого нахала, что буквально уже пытается повиснуть на мне — злобно пинаюсь локтями в бок, не давая свершиться задуманному.

— Ну, хватит, родная моя...

Морщусь, из последних сил сдерживаю матерные выражения.

— Ты такая красивая, такая... — шатается, будто флигель на ветру. — А какие ямочки на щеках, когда улыбаешься! А улыбка! УЛЫБКА какая! — попытка коснуться моей щеки,

увиливаю. — Ух, прям дух захватывает! Сердце замирает! Ангел — не иначе!

Взгляд около пускаю, ища спасение.

— Кстати, — словно очнулся. — Твоя сигарета уже потухла!

Невольно разворачиваюсь и обрушиваю взор на этого идиота.

Пытается отковырять из пепельницы несчастную и продемонстрировать мне, однако движения аляповатые, хватка медвежья, отчего не только не быть сему питекантропу хирургом, но и даже простым привлекательным, ловким джентльменом.

— В-вот, смотри! — еще миг и психанул, сломал и раздавил остатки. — А черт с ней!

Ну, ты поняла. Давай новую дам прикурить?

— Не стоит.

— Так ты ж эту совсем даже не тронула!

— И не собиралась.

Скривился, поморщился, задумавшись. Но буквально секунды — и вновь вырвался поток бреда из его уст.

— Вот, держите, — вовремя подоспел бармен, отчего оправданно грубо, насильно отталкиваю собеседника от себя в сторону и поворачиваюсь к столешнице.

— Благодарю, — живо хватаю стакан и делаю привычные круговые движения, гоня напиток по посуде, выпуская лишний газ. Вмиг все вспенилось и заискрилось, словно мыльный раствор.

— Стоп, — оторопел кавалер. Выжидающий, сверлящий, впивающийся в меня взгляд, а затем украдкой, наверняка, желая шепотом, однако в силу дурмана — громко и обличая, произнес: — Это — газировка?!

Саркастически смеюсь над его умирающей надеждой:

— Что ты? — язвлю. — Конечно нет! Это виски... просто пенистое.

И вновь хмурится, злится, однако, уступая лени и немощности в данный момент, резко меняет тему:

— Ну, слушай. Хватит мне голову морочить. Поехали уже, а? Сколько можно здесь торчать? Часа три, не меньше.

— И двух нет... — бурчу злобно себе под нос, вновь отворачиваясь.

Силой пытается ухватить меня за плечи и повернуть к себе лицом.

— Поехали ко мне, а? Или хочешь — к тебе, — и вновь шатание, жуткая пляска "нерадивого танцора". — Смысл здесь дальше тухнуть? Накурено, пропито, шумно. Балаган ей-богу. А так — купим винца или шампусика, сладенького... и завалимся ко мне на чай, а?

— После виски и водки? — ехидничаю. — С вином... на чай?

— Ну да, а что? — морщит лоб. — Ну, не хочешь...

Внезапно взглядом уловила я за его спиной лицо какого-то старого моего знакомого. Вернее, ощущение такое, будто откуда-то знаю его, но где, как и когда пересекались — сплошной провал. Однако чувства этот человек вызывает нейтральные, даже добрые, а посему вряд ли он связан с моей прошлой жизнью, то бишь работой. Может, бывшего мужа товарищ, коллега или еще кто. Шумный вздох — решаюсь на трюк. Шутку...

Откровенный, смелый взгляд в очи своему пылкому кавалеру.

Обмер, словно боясь спугнуть удачу. Не дышит. Ждет.

Едва заметно облазала я губы и мило улыбнулась.

— К тебе говоришь?

— Ага, — живо закивал головой. Движение ближе — присел рядом на стул. Щенячий

взгляд в глаза.

Немного помедлила, накаляя интригу, — решаюсь. Едва слышно:

— А по деньгам потянешь?

— В смысле? — оторопел тот.

Молча пожимаю плечами и заливаюсь многозначительной улыбкой, подначиваю взглядом.

— А! — словно прозрел. — В этом плане? Ну, да! Конечно! Я просто... не думал, что ты... по этой части.

— Скажем так, я — из редкой коллекции, а потому не каждый может себе это позволить.

Довольно засмеялся. Резвое движение — и живо, идиотически ныряет себе в карман и тотчас достает оттуда округлый, плотно набитый купюрами бумажник.

— Ты чего? — хохочу уже искренне. — Не здесь и не сейчас.

— А... ну да, — попытка быстро спрятать обратно позорную опрометчивость.

— Сначала поговори с моим... другом. Ну, ты понимаешь, о ком я, — киваю головой ему за спину. Живо оборачивается тот, ища взором цель. — Расскажи ему о своем предложении. Только предупреди, что ты мне безмерно приглянулся — пускай скидку сделает, как для своих.

Обмер, не веря своему счастью. Резво метнул на меня взгляд.

Радостная, победная улыбка.

Но еще миг — и встрепенулся. Выровнялся на ногах, да так уверенно, будто и не он вовсе несколько минут назад здесь устраивал колебания маятника вокруг меня.

— Куда? К кому?

Потешаюсь над ребяческой наивностью и беспринципной похотью.

— Во-он, — вновь киваю головой в нужную сторону, указывая уже конкретно на этого моего непонятого "знакомого". — К нему... Только не забудь про скидку.

— Хорошо! Я мигом!

Залпом допить "Колу", оплатить оба своих заказа, в том числе оставляя чаевые, и встать со стула. Спешный разворот к выходу.

— Ты хоть знаешь к кому его послала? — внезапно послышалось за моей спиной.

Обмерла. За и против. Оборачиваюсь. Взор на бармена.

Улыбаюсь.

— К кому?

— К местному криминальному авторитету. А у них плохо с шутками. Я б на твоём месте побыстрее отсюда убрался, и безлюдные места отныне избегал.

"По работе" — словно колокол раздалось в голове прозрение. Значит, по работе. Бывшей работе.

— Спасибо, — тихое, шепотом — и торопливо пошагала, полетела на выход.

— Вон та сука! — послышалось за моей спиной...

И что им только от меня нужно? Уже одеваюсь невзрачно, не крашусь, дорогими духами не пользуюсь. На голове давно не модельный боб каре брюнетки, а позорная, торчащая во все стороны, копна. Да толку?

Все равно слетаются, словно мухи на... мед.

Пытаюсь не реагировать на шум за спиной, и не вспоминать ту потасовку за столиками.

Дура. Идиотка! Но ничего уже не изменить. Недалекая шутка брошена — тот клюнул и получил по заслугам. Наверно, по заслугам. Моя же задача — удрать куда подальше и не схлопотать вдогонку. Если что — бармен сам вызовет наряд. Или нет? Маякнуть ребятам?... если еще кто помнит меня.

Черти что! Так вляпаться!

— Далеко собралась? — преградил путь верзила.

И ни крики, ни мольба, ни оправдания не смогли меня спасти. Буквально за шкуру потащил обратно, пока и вовсе не встретили на дороге автомобиль с его товарищами... и те не запихнули меня в багажник, втиснув буквально в объятия окровавленного недо-кавалера.

Жуткое, сводящее с ума рычание мотора под не стихающие болезненные стоны "соседа". Вонь, мерзкий запах перегара, сигаретного дыма, пота, страха буквально смогом стали в сим малом пространстве, что куда больше напоминало готовый гроб, нежели карету для перевозки будущих трупов. И чего я, ублюдочная, милицию не вызвала? На идиота наплевала, не пожалела его — теперь и самой расплачиваться. Благо, если сразу пуля в лоб и закопают, а если...

Черт, даже не знаю, что делать!

Попытаться ногами выбить, оторвать дверь и выскочить на ходу? Не заметят? А то еще и под колесами нарочно задавят, или сильнее прежнего сделают калекой. И то, если подобный трюк вообще удастся.

Шныряю пальцами по щелям — плотно, с*ки. Не наши делали — идеально, мать ***ю, не придерешься. Всё для людей. Всё для родимых...

Даже кричать нету смысла — легкое мычание как максимум всех стараний, и то мотор хрен перекричишь.

— ЧЕРТ! ЧЕРТ! ЧЕРТ! — злобно забарабанила, застучала я кулаками по шершаво обивке.

— Т-тварь ты... — едва слышное, подытоживающее рычание, сопение Второго обитателя обреченности.

С животной силой, похотью, запалом, с сумасбродной дерзостью, с бесчеловечной беспринципностью... мерзкие твари ухватили нас за шкуру и выволокли на улицу. Растянули в разные стороны. Его к забору — и давай избивать ногами, пока тот сопротивляться не перестал...

А меня — за волосы и в амбар.

— Ну, вот и побалуешь всех нас, раз так хотела!

Живо стащить с меня кофту, обувь, джинсы — и распять за руки, за ноги на каких-то деревянных поддонах. Ору, визжу, пытаюсь изо всех сил сопротивляться, вырваться долой — да тщетно: эти ублюдки куда сильнее меня.

— С*ка, заткнись! — гневная пощечина вмиг влипла мне в лицо, отчего тотчас в очках стемнело, и заплясали золотистые звезды. — Не сопротивляйся, и не будет больно! Мы мальчишки хорошие, если нас не злить!

В момент забрался, завалился на меня гад сверху:

— Посмотрим, насколько ты сладкая... — рванул футболку, оголяя грудь.

И тут — застыл, словно статуя. Испуганно уставилась и я на него (силясь сквозь

помутнение)...

Пробормотал что-то непонятное.

Ржут товарищи.

— Чего замер? Забыл, как делается?

— Отпусти ее!

— Что? — оторопел шутник.

— ОТПУСТИ! — живо вскочил с меня верзила и силой вырвал мои руки из чужой хватки, пнул в сторону.

— Ты чего? — ошарашено шепчет соратник.

— Ничего! Пошел нах** отсюда! Никто ее не тронет! ПОНЯЛИ?

Глаза в глаза.

... буквально вдох — и сдался голодный шакал. Не выдержал напора. Попытка заглянуть на меня, но "защитник" не дал, нарочно загораживая собой (а я уже давно свернулась клубком и дрожу от позора и страха в углу).

— Вали отсюда, Блоха. И остальных забери!

Недовольно, злобно сплюнул на землю "товарищ". Короткие сомнения — и все же подчиняется...

Развернулся Верзила, бросил взгляд на меня, молчаливый, пронизательный. Сверлящий.

Нервически сглотнул слюну. Вдруг словно очнулся: что-то понял. Торопливо стащил с себя куртку и подошел ко мне ближе. Насильно оторвав от стены, накинул оную на плечи. Хватаюсь за лацканы — испуганно прячу наготу.

— Не реви, — внезапно коснулся моей щеки, стирая слезы. — Не бойся. Ничего не будет... больше не будет. Отпустим. Немного позже: сделка пройдет — и отпустим.

Шумный вздох. Взор около — ловкие движения и поднял с пола все мои вещи, положил рядом, но не решаюсь забрать их. Молча из-под лба метаю взгляды, шумно сопя и иногда всхлипывая.

Присел неподалеку, неожиданное движение ко мне — и, нащупав карман своей куртки, нырнул в него: пачка сигарет, зажигалка. Подкурить — и сделать глубокую затяжку.

— Будешь? — разворот ко мне. Но затем, догадавшись: — А, ну да. Прости. Не подумал. Дурак...

И вновь отвернулся — взор перед собой.

Шумные, тяжелые вздохи, погоня мысли.

— Ты это... прости, — нервически потер глаза кулаком. — Просто, реально не вовремя всё это случилось. Тут и так всё, словно высоковольтные провода. Любой левый шорох — и всем бы башку снесли. Но нет. Какой шорох? Тут бомбище влетело. А потом еще эти менты на хвосте — еле оторвались.

Хмыкнул сам над своими словами. И вновь вздох, короткий, косой взгляд на меня:

— Давно?

— Что? — отваживаюсь, едва слышно, шепотом.

— Ну, это... твоё... — машинальный взмах руки.

Понимаю. Конечно, понимаю о чем он.

— Лет восемь назад.

— Пожар?

За, против. Вру:

— Да.

Едва заметно кивает головой.

— А у моей двоюродной сестры тоже это... — почесал затылок, — ну, вырезали.

— Пересадка?

— Да... Пересадка. Чего это я? — печально ухмыльнулся. — Но ты не волнуйся. Тебя не тронут — сиди здесь тихо, никто и не заметит.

— Я замечу, — послышалось где-то сбоку, нагло вклиниваясь в разговор, пронзая меня словно током.

Звук шагов — и буквально за секунды перед нами застыл... тот самый мой "старый знакомый".

— Гриш, — как-то добро, упрасывая, произнес Верзила, тотчас вскочив с места.

Попытки сдержать товарища. — Там такое дело...

— Какое? — кивает, все еще не сбавляя обороты гнева.

— У нее... это.

— ЧТО? — рявкнул, не выдерживая.

— В общем, у нее сердце того, вырезали.

— И не вставили?

Оторопел "защитник" от такого сарказма.

— Вставили, — растеряно прошептал.

— Так с какого х**, она еще здесь?! И н**я вы вообще их сюда притащили?! Или не их, а вас нужно пи****ть?! А?

— Да чё ты кипишуешь?! Никто ее здесь не заметит, а потом — домой отправлю.

— Я че-т не вкормлю, — нахмурился "командир"; косой, колкий взгляд на меня и снова на друга: — Мы че здесь, б***ь, благотворительностью занялись, или что?

— Всё под мою ответственность, — уверенно отрезал Верзила и ухватил, обнял моего знакомого за плечо.

Сцепившиеся взгляды — и мысли, словно тот кровавый бой.

Еще миг — и, проиграв, шумно выдохнул Григорий:

— Хорошо. С тебя спрос. Если что — обоих прикончу.

Еще один косой взгляд на меня — резкий разворот и пошагал прочь, теряясь в полумраке среди стеллажей, заставленными какими-то ящиками.

Шум мотора на улице. Зашевелился народ — словно рой пчел, повалил на улицу. Встрепенулся и мой "защитник".

— Сиди здесь, и ни звука! Что бы там не происходило! Ни в коем случае. Даже если всех перестреляют. Ясно?

Неуверенно, несмело киваю я.

— Если что, кто что — ничего не знаю. Как забрела сюда — не помнишь, что случилось — ума не приложишь. Ясно?

И вновь киваю головой.

— Скажи!

— Да.

— Смотри мне!

Не знаю, что было с моим "кавалером", но ни видно, ни слышно его не было. Зато всю эту шатию-братию во дворе: что на ладони. Жуткое зрелище — за такое, и вправду, могут

отправить червей кормить. Хотя чего могут? Отправят. Непременно отправят. Если Верзила передумает вступаться, точно отправят: кому свидетели нужны?

Черти что!

Тело заледенело от страха, страшно разомкнуть хватку даже ради того, чтоб одеться.

Глубокие, но тихие вдохи. Главное — не паниковать. Иначе точно... уже никто мне не поможет.

Открыли большие ворота, пропустили гостей и сами зашли внутрь. Захлопнуть полотно и пуститься в направлении (лишь им известному, между стеллажами, невольно скрываясь от моих глаз).

Звуки доносятся, но разобрать действительно сложно.

Да я и не силюсь — не в том уже положении. Продала всех: веру, правду, ответственность. Теперь, как мерзкая крыса, сижу в засаде, позорно трясясь за свою жизнь...

Взгляд через мутное, местами краской замазанное, окно на улицу... Ждать. Непонятно чего, но ждать.

Не знаю, куда смотрели те, кто был снаружи. Но я первой заметила на горизонте милицейские тачки и группы захвата грузовик. Зашевелились, задержались спустя секунды силуэты во дворе, словно готовясь к обороне, но внутрь никто так и не вбежал...

Черт побери! Это же месиво! Наши, их — неважно! Горы трупов. ГОРЫ!

Живо срываюсь на ноги и, плетясь, спотыкаясь, ежась от страха, босыми ногами по шершавому, местами колкому, до кости морозом пробирающему полу, иду в лапы смерти своей... на ходу натягивая на себя врученную "другом" куртку.

— МЕНТЫ! МЕНТЫ ЕДУТ!

Еще миг — и обмерла я рядом с изумленной толпой. Взгляды с моим "знакомым" сцепились в мертвой хватке. Секунды:

— Боря, проверь, — тихо, неуверенно скомандовал Верзиле тот.

— Хорошо.

— КУДА?! — отчаянно взвизгнула я, осознавая вероятную кончину молодого человека, единственного моего заступника. Но тотчас распахнулось полотно — и влетели новые гости. Послышались выстрелы...

А затем и вовсе из темноты вышел избитый мой недавнишний кавалер. Шатаясь, рассмеялся самодовольно, нервически сжимая в руках телефон:

— Ловите подарок, с*ки!

Резвая, ловкая хватка — дуло пистолета тотчас застыло в направлении его. Миг — взвизгнула пуля, рванула вперед, словно гром, оглушая всех нас своим приговором, пока и вовсе не раздался глухой стук упавшего трупа.

Григорий. Стрелял Григорий.

Шаг его ко мне ближе. Цепенящий взгляд, глаза в глаза:

— Скажешь, что все забыла, или вали на него, — кивнул в сторону мертвого. — И знай, мы тебя еще найдем.

Уверенный взмах, удар рукой, сжимающей пистолет, — и тотчас стемнело в моих глазах, словно швырнули в бездну.

"И знай, мы тебя еще найдем."

Последующие дни эти слова мне были не только за наставление, но и за святую истину.

Однако, не так страх меня сдерживал от правдивых откровений с правоохранительными органами, как благодарность, что ли... в какой-то мере, перед Верзилой, даже не смотря на предшествующие события. Ведь сама виновата: сама дошутилась.

А вот гости... Гости были упрямые, напористые, голодные. Они жаждали подробностей от единственного живого свидетеля всего того, что там случилось. Ведь ко всему прочему (раненных милиционеров, убитых бандитов) — у них завис теперь и труп бизнесмена, и его надо было куда-то лепить — и желательно к делу организованной группы преступников под предводительством Григория Викторовича Ерёмов (он же — Ерёма), 1974 года рождения.

Однако я твердила настойчиво (и мое упрямство было куда сильнее их):

"После такого смачного удара по голове, что было в тот вечер — напроочь забыла. Помню бар, очередное "празднование" развода. Да и только. А что дальше, и как там оказалась — полный ноль..."

Былые заслуги, а так же то, что основное дело вел мой старый добрый друг, Максим Дмитриевич Фирсов, бывший коллега (то бишь, я — бывшая; я — предатель, а никак не он), то напор был сдержанный, в рамках приличия, внимая советам врача. Который, кстати, в свою очередь, заботливо запрещал меня нервировать: "Короткий вопрос — короткий ответ, и проследуйте, господа, на выход."

— Но ты бы мне сказала, если бы хоть что-то помнила о том вечере, да? — бросил на прощание товарищ.

Секунды молчания, паузы (моей), отчего враз нахмурился тот.

Глубокий вдох и, обливаясь внутри желчью собственной никчемности и ненависти к себе за такие поступки, за такое предательство, отваживаюсь ответить я:

— Конечно... — шепотом.

Победно просиял Максим. Ласковая, добрая ухмылка.

— Поправляйся. Мы все по тебе соскучились. Заходи, как будет время...

— Непременно, — вновь солгала я.

Но это Фирсов. А были так же те, кто не хотел церемониться: ни со мной, ни с врачом, ни даже с коллегами. Однако палку не перегибали... сильно, и пока...

— А если детектор лжи? — задумчиво, загадочно пробормотал мужчина.

— Свидетелю? Который ничего не помнит? — удивленно кинула ему я.

Дернулся на месте. Коварно, лживо ухмыльнулся:

— Но если вспомните, хоть любую мелочь, хоть одно лицо... с этих фотографий, скажете?

— Скажу...

И снова гости...

— Я же уже всё сказала! — не выдерживая, со старта рывкнула на молодого человека я.

— Я не по этой части.

Удивленно вздернула бровью:

— А по какой?

— Я от них.

— От кого?

— От тех, кто вас предупреждал...

Пристальный, многозначительный взгляд.

Но глупо... верить.

— Не понимаю, о чем вы.

— Да, конечно, однако... мой товарищ хотел бы с вами переговорить.

— Какой товарищ?! — гневно, отчаянно рычу, испуганно играя роль. — Я ничего не помню! НИЧЕГО! Да когда вы уже от меня отстанете?! НИЧЕГО И НИКОГО — Н ПОМНЮ! Будь проклят тот день дважды! Уйдите, прошу! — запищал отчаянно кардиомонитор, погоняя синусоиду, словно бешенную змеюку. — УЙДИТЕ! ОТСАВЬТІ МЕНЯ В ПОКОЕ!

В замешательстве отступил пару шагов назад. Попытка что-то сказать, но уже не осмеливается — лишь прожевал слова, эмоции.

Тотчас в палату врывается медсестра, за шприцы — и к капельнице.

— Уйдите, мужчина! — рычит девушка незнакомцу. — Уйдите, не видите, что ей и без того плохо?!

Немного времени — и уже даже я поверила в свое вранье.

Затихло и растревоженное сердце.

Напялить одежду, что каким-то чудом раздобыл для меня Фирсов и привез на выписку. Поблагодарить за помощь, поддержку, цветы. Передать привет его жене — и отправиться на выход.

Такси... Наконец-то меня ждет дом и теплое мое... одиночество.

Теплое, однако уже больше... не мое.

Буквально в последний момент, когда уже полностью расплатилась за поездку, и даже выбралась наружу (оставалось лишь только захлопнуть за собой дверь), как вдруг: пронзительный взгляд, глаза в глаза. И мерно так, четко, пробирая до дрожи, заговорил водитель:

— Тамара, мы следим за тобой. Не вздумай бежать из области. Ни сейчас, ни через год, ни когда-либо еще. Иначе... будет то, что и с твоим "клиентом". Уяснила?

Глава 2. Прошлое

Глава 2. Прошлое

Ноябрь. 2016 год.

Страх. Беспощадное чувство. Хорошо, если оно не дает нам вляпаться во что-то мерзкое, опасное для жизни. Но что, если ты и так давно уже по шею в дерьме, правда, еще волочишься, существуешь в этом мире. Что тогда? Он душит, сковывает и без того неохотные, вынужденные движения, вдохи. Спасает жизнь, но и не дает затем ею воспользоваться.

Так и со мной. Так и теперь. Из одного болота — в другое. Хотя, если честно... то кончина "моего клиента" — не самый худший итог, вариант. Уж я-то знаю. Так что... может, это как раз таки — не кара, не новое измывательство, а выход. Шанс, шанс вырваться из западни — быстро и практически безболезненно покончить со всем, стереть подчистую.

Давно уже не беспокоила меня милиция, не вспоминала прокуратура. Тихо, мирно ждали "явки с повинной", если что вспомню, если какие подробности того вечера всплывут в голове.

А тут на тебе — звонок от Фирсова... Причем ничего внятного: бегло, скудно, не недоговаривая, явно что-то скрывая, будто страшась заранее выдать себя.

А еще эта дата на носу.

Черти что. Не знаю, что думать.

Живо натянуть первые попавшиеся вещи — и рвануть напрямиком в отделение.

В дежурке, в холле — везде незнакомые лица. Да и оно понятно: за семь-то лет!

Но пропустили без лишних вопросов.

Ждал. Ведь ждал меня майор Фирсов.

Уже майор... как время бежит! А когда-то был таким же как и я: отважным капитаном с горячим сердцем.

Неуверенный стук в дверь.

— Да-да, входите.

Глубокий вдох — и дернуть на себя полотно.

Беглый взгляд около — и отыскать своего друга у шкафчика: перебирал какие-то бумаги. А вот за столом сидел никто иной, как... Не сразу даже поверила своим глазам: дать невольно слаbinу — и оторопеть от ужаса.

— Проходи, чего стала? — кинул мне удивленно Макс.

— У-у тебя... человек на приеме, — неуверенно, запнувшись, шепчу. Попытка сгладить неловкость и скрыть свою прореху. Глупо улыбаюсь, корча смущение.

— А, — колкий, косой взгляд на мужчину. — Ничего, проходи.

Шумный вздох — и принять приглашение. Замерла рядом с Фирсовым.

На секунду позволить себе взглянуть на "свидетеля" встречи — игнорирует, взгляд около, полная расслабленность, будто и не признал меня.

Выдох. Нервно сглотнуть слюну да вновь обрушить взор на Макса:

— Что случилось? К чему такая официальность? Спешка?

Скривился. Схлопнул бумаги (что так усердно перелистывал). Прошелся к столу — со стуком бросил пачку.

Слегка помедлил, но еще немного — и находит силы сделать разворот. С опаской, робкий взгляд на меня:

— Ты присядь.

— Чего пугаешь? — нервически смеюсь.

Прожевал эмоции. Нахмурился. Виновато опустил взгляд.

— Что случилось? — не выдерживаю и уже грублю я.

— Тут такое дело...

— ЧТО? — отчаянно рявкнула. Руки невольно сжались в кулаки, до боли стискивая ключи в ладони.

— Евсеев. Его выпускают на днях...

Мертвая, жуткая тишина.

Мир остановился.

Казалось, вместе затиханием слов, замерло и мое сердце.

Секунды, минуты, мгновения — потребовалось время, дабы смогла я найти силы издать звук:

— К... когда? — с ужасом, заикаясь. — погоди, — вмиг нахмурилась, поморщилась я, задумавшись, — ему же еще три года сидеть! Как так?

Округлила очи и уставилась на него.

Скривился. Несмелые, неспешные шаги ближе — попытка обнять за плечи, вырываюсь, уваливаю.

— Как так, Макс?! КАК?! — едва уже не плача.

— Прости, там... за хорошее поведение и...

— Какое, на**й, ХОРОШЕЕ ПОВЕДЕНИЕ?! — дико, гневно ору, отчаянно перебивая этот невероятный бред.

— Ну, а я что поделаю?! — гаркает на меня в ответ.

Взгляды сцепились в эпической схватке...

Чувствую, как черная дыра, как истинный страх начинает мерзкой змеюкой вылезать из недр души и поработать, уничтожать все живое внутри меня. Полная прострация. Мороз сковывает конечности, кровь замедляет ход. Вдохи делать все сложнее, словно камень на груди, громадный валун. Невольно оседаю на пол — вовремя подхватывает Фирсов.

— Том, тебе плохо? — испуганно заглядывает в лицо.

И снова морщусь, пытаюсь отвернуться, увильнуть, спрятаться — да не как. И некуда...

Больше некуда.

Везде теперь он. Везде Евсеев. Даже сейчас, кажется, я чувствую его дыхание своей кожей.

— Присядь, — невольно подчиняюсь дружескому напору.

А в голове — ад. Мысли просто закипают в черепушке, превращая оную в бесовский котёл.

— Когда? — одно-единственное. — Когда его выпускают?

Сконфужено, неуверенно пожимает плечами:

— Честно, не знаю. Я те бумаги видел так — мельком, и то... сугубо по одолжению. В общем...

Не договорил.

Да и так всё понятно. К чему слова? Когда и так всё ясно...

Невольно качаю головой. Тяжело сглатываю ком скопившейся слюны.

— Если точно узнаешь, скажешь? — живо подрываюсь, вскакиваю, как черт из табакерки. Потерянный, бесцельный взгляд около. — На связи...

— Давай ребят к дому приставлю?

Изумленно, сквозь туман, оборачиваюсь я:

— Шутишь, да?

— Нет, — на лице глубокая серьезность.

Морщусь от боли и невозможности думать ясно.

— Не поможет, — качаю головой, — сам знаешь. Да и... кто я теперь?

Шаг ближе — попытка схватить меня за руки, вырываюсь. Мерзко так, будто он во всем этом виноват.

Не уступает:

— Не чуди, найдем оправдания. Давай приставим?

Отступаю в сторону.

Вновь качаю головой:

— Нет. Благодарю, но нет. Я тебе позвоню...

Тотчас бросаюсь к двери и вырываюсь наружу, словно обезумевший преступник, так неожиданно и болезненно теряющий драгоценную свободу...

(Ф и р с о в)

Раздраженно стираю ладонями с лица напряжение. Неспешный разворот — и невольно обрушиваю взгляд на Ерёмову... С*ка, как же я его ненавижу. Так и придушил бы сейчас... прямо здесь, без суда и следствия. Сколько разбоя, контрабанды, угонов, трупов на них. А посадить — не за что. Докажи! Докажи — а х** вам. Полная пустота. Даже Балашова не смогла дать показания...

И вот сейчас... сидит скалится, улыбается подонок.

Что, тварь, смешно, когда кому-то хе*ово? Да?

Замер я, руки в боки.

— Что смешного? — жестко, с отвращением, из последних сил сдерживая матерные слова.

Хмыкнул тот и вдруг закачал головой:

— Менты — тоже люди, да?

Внезапно дверь резко распахнулась — и влетела в кабинет Тамара. Глаза бешенные, выпученные. Шумно, часто дышит. С лязгом захлопнула за собой полотно и рядом притиснулась спиной к стене. Не шевелится более, словно страхась выдать себя. Безумный, пустой, мечущийся, как птица в клетке, взгляд по сторонам...

Медленно, дабы не спугнуть, подхожу ближе. Немного наклонившись, заглядываю в лицо:

— Что случилось? — молчание. — Том, ты меня слышишь?

Тягучие секунды, а то и минуты — пока не моргнула, вздрогнула. Заметила меня. Глаза в глаза.

— Он здесь.

— Кто? — удивился я, невольно даже съязвив (кто ЗДЕСЬ такой ужасный может быть? ЗДЕСЬ, где на каждый сантиметр — по вооруженному бойцу).

— Евсеев.

Улыбаюсь. Нервически смеюсь — не так над ней, как над собой: не может такого быть. Зачем?

Но миг глаза ее заблестели, взмах ресниц — и покатались градом слезы.

— Он здесь, Макс... — отрешенное, такое же жуткое, как тогда... когда ей после всего еще приходилось проходить ад следствия и судебных заседаний, почти год, где каждый раз лицом к лицу со своим палачом, со своим самым мерзким страхом.

Попытался обнять — но тут же пресекла это, оттолкнула.

Отчаянный, молящий взор в очи — а мне и нечего сказать: нет правды, чтоб успокоить.

Шумный вдох.

— Стой здесь, — приказываю. — И никуда ни шагу. Дверь запри, вот ключ, — живо хватаю ее свободную руку и сую туда электронную карточку. — Никому, кроме меня, не открывать! Услышала?

— Эй, а я? — послышалось за нашими спинами.

Гневный разворот, на грани мата:

— Облезешь! Жди адвоката.

(Т а м а р а)

Движения машинальны, едва осознанны. Щелчок замка — и раз десять дернуть дверь, дабы удостовериться, что та заперта.

И что теперь? Куда?

Я даже не успела до дома добраться.

Ни вещей, ни документов.

Он уже здесь.

Черт.

Мигом бросаюсь к столу. Бесцеремонно шуршу, перекидываю бумаги. Открыть выдвижные ящики — пусто. К сейфу, перебрать несколько старых кодов — и вуаля, как часы, — только и скрипнули завесы. Раскидать документы, чьи-то паспорта, деньги — и снова пусто.

— Что ищешь, а, мышка-норушка?

Испуганно обернулась.

С*ка... (словно очнулась) забыла про него. Как так? Чертов Еремов...

Нервно сглатываю слюну.

— Пистолет.

От удивления даже вскинул бровями.

Но вместо сарказма, издевки, насмешки, тотчас нырнул за пояс и достал оттуда ствол.

Оторопела, побледнела я от прозрения и ужаса.

— Такой сойдет? — тычет.

Мямлю в ответ:

— Откуда?.. Вернее, как... как ты его сюда пронес?

— Каком кверху. Не нужен, так и скажи.

Не даю даже мгновения для сомнений — молнией делаю шаг вперед и, выбросив долой (на стол) домашние ключи, тотчас выхватываю оружие из рук.

— Хо-хо, — паясничает. — Полегче, девочка.

— Тебя только за это могут посадить, — злобно рычу, тыча в него им.

— А тебя нет?

Стук в дверь.

Словно током прошибло: передернуло меня на месте.

Смеется ублюдок.

— А вот и пригодилась пуколка, да?

— ЗАТКНИСЬ! — несмелые, неуверенные шаги ближе к стальному полотну, дрожу уже от паники и страха. Несмело: — Кто там?

Но за шумом в коридоре слова вовсе не разобрать.

— Ну, ты открываешь? — внезапно вставляет свои пять копеек Григорий.

Игнорирую.

— КТО ТАМ? — еще громче кричу.

Движение позади — огибает сбоку и тотчас выхватывает "ключ" Еремов.

— Какого хе*а? — воплю.

Но не реагирует, все так же с умным, спокойным видом отбирает, выдирает и пистолет из моих рук.

— Ну, во-первых, без пуль далеко ты не заедешь, — точное движение — и зарядил, вставил магазин. — А во-вторых, мне осточертел этот цирк. Меня дела ждут, а потому нет никакого желания и дальше наблюдать эти ваши сопли.

Провел по датчику — запиликала сигнализация, мигая зеленым светом.

Ошарашенная, раздавленная, преданная, я даже забыла, как дышать.

Однако — стремительный взгляд и силой, пнув в грудь, рукою прибил к стене, так чтобы меня никто с коридора не видел.

Дернуть на себя полотно...

— Ефим Павлович! — внезапно радостно вскрикнул Еремов.

— Здравствуй, Гриш. Опять приключения?

— Ну, вот, нашлись, а вы не верили! — узнаю задорный голос майора, еще один участник этой толпы.

Движение — и оба зашли внутрь.

— О, Балашова. И ты здесь? — удивленно. Взгляд мой скатился к погонам старого знакомого: подполковник, теперь уже Заболотный Иван Александрович — подполковник. — Какими судьбами? Как ты?

— Евсеев... он здесь, — едва слышно, испуганно шепчу.

— А? — нахмурился мужчина, не понимая о чем я. — Евсеев? А... Евсеев, — словно прозрев. — Да. Это наши его вызвали.

— Именно сегодня, сейчас? — растерянно, сухо, мертвым голосом хриплю.

Скривился недовольно.

— Ну, знаешь... дел у нас по горло. И ни одно не ждет. Когда смогли — тогда и вызвали.

Движение, разворот: — Сейчас Фирсова к вам пришло.

Мгновение — и поспешно скрылся в дверном проеме.

Поджала я губы, дрожа от обиды. Киваю головой.

Ну, конечно, куда там... до Балашовой? Только одному Максиму и нужна. Хотя... и то спорно.

Живо захлопнуть дверь — и замереть в ожидании...

— Вы чего, девушка? — испуганно протараторил "знакомый" Еремова.

— Не обращай внимания, Ефим. На вот, — резво перебил неловкость Григорий, — лучше почитай. Подпишу да покатаемся. З*****ся я тут с ними уже...

Недолго пришлось ждать Макса: буквально минуты — и постучал в дверь, окликнув меня. Однако не я, а вновь Ерёмов открыл дверь, а затем и вовсе торжественно вручил ключ оторопевшему от удивления следователю.

Тотчас кинулась я к Фирсову, жадно ухватив за грудки:

— Где он?

— У Колмыкина. Не бойся. Можешь пока домой идти, я присмотрю за ним. Потом сюда, а там — решим.

— Я уеду... — отчаянное, слезное.

Несмело закачал головой, но потом пресек себя. Пожал плечами.

— Куда?

— Куда угодно!

— И думаешь, это тебя спасет?

Невольно заметила за спиной товарища Ерёмова: пристальный, сверлящий, угрожающий взгляд.

Игнорирую — тут же перевожу взор в очи Максу.

— Пожалуйста... — несмело шепчу.

— Сделай, как я говорю, — бережно, аккуратно убирает мои руки со своей груди, высвобождая из хватки свитер. — А дальше решим. Толково решим. Без паники...

Однако... вот я уже на вокзале. В руках — мелкая поклажа. Ничего лишнего: документы, предметы первой необходимости и сменное белье.

— Один до Москвы.

— Уверена? — послышалось за моей спиной.

Сердце заколотилось, словно бешенное. Узнала. Конечно, узнала голос.

Боюсь обернуться — но, не сделай я это, и того будет хуже.

Подчиняюсь: медленно, дабы не вызвать неверную реакцию.

— Ерёмов, пожалуйста...

— Что "пожалуйста"? Тебе же дали понять. Х**и вые*****шься?

— Я не могу, — отчаянно качаю головой.

Шаг ближе — и шепотом, на ухо, обдавая жгучим дыханием кожу:

— Зато я могу. Рыпнешься — замочу. Всё ясно?

Взгляд за спину тому — узнала. Вдалеке его люди, среди них даже "Верзила".

— Ау, ясно, или как? — отдергивает меня за локоть.

Невольно пошатнулась от напора.

— Ясно, — обреченно.

Глава 3. Старая добрая тройка

Глава 3. Старая добрая тройка

Словно избитый шакал, что так нахально, подло пытался избежать драки, вовремя оставить чан со всем этим... смертельно-изуверским дерьмом, тихо скуля себе под нос и пораженчески поджав хвост, я мчала через весь город в родное отделение.

Раньше надо было уезжать. Раньше... до всего этого. А не держаться за старый мир, за прошлое. Ведь никто больше здесь меня не держит, никто и ничто. Ни мужа, ни друзей — все отвернулись. Ни даже родителей: они ушли буквально подряд, болезням уступив неожиданно... хотя и не без помощи этой моей жуткой истории. Да и Евсеев, возможно, никогда бы меня не нашел, потом, где-то там, за горизонтом...

Но уже поздно... Слишком поздно. Паниковать, что-то решать. Вовремя не сообразила, никто не предупредил — и получай. Сполна. По самое горло...

Мышей проскочить через дежурку, на ходу бросив:

— К Фирсову!

Помчать на третий этаж.

Отчаянно забарабанила в дверь я.

— Пробьешь же! — послышался насмешкой знакомый голос за спиной.

Мигом обернулась.

— Грановский? — оторопела я.

— Да ладно! — расхохотался молодой человек, не веря своим глазам. — Балашова?

Жива что ль еще?

— И тебе не хворать... — сдержанно рычу.

— Не обижайся, — подступил ближе и обнял за плечи, не сопротивляюсь... пока. — Ты как ушла, так вообще не осталось с кем погрызться, подискутировать. Ох, были деньки! Да и ночи какие!

— Ты там не намечтай себе! — бурчу сквозь улыбку.

— Да я к чему, — хохочет, разворот и начинает насильно меня куда-то уводить вбок. —

Безмерно рад видеть старую знакомую!

— Не такую уж старую, — язвлю.

Смеется.

— Ты это... куда меня? — резко прерываю наш ход, отдергивая руки нахала от себя.

— Дак Фирсова нет.

— В смысле? — оторопела я, округлив очи. — Как? Домой уехал?

— На выезде они. Труп.

— Труп? — невольно, на автомате, по старой привычке, интересуюсь.

— Ну да... причем, вроде как, почерк Евсеева, — похолодело всё у меня внутри от такого заявления. — Вон Колмыкин изо всех сил его придерживает у себя, если эксперты подтвердят — то задержим и начнем шить дело.

И вновь пытается обнять и куда-то увести. Вырываюсь.

— Причем тут шить? — рывкаю злобно. — ПОЕХАЛИ!

— Куда? — оторопел тот.

— А ты что, больше не в команде Фирсова?

— Нет, — вполне серьезно и даже как-то хмуро. Вздернул плечом: — Вообще-то, я уже майор, если не заметила. Могла бы и поздравить.

— Да все вы тут майоры-подполковники! — рычу. — Что это меняет?

— Да ничего, — гаркнул недовольно, съязвив: — Ка-пи-тан.

— Может, мне тебе еще честь отдать? — открыто грублю.

— Не помешало бы.

— Говори адрес, сама поеду.

— Куда? — хохочет. — Мало было прошлый раз, да?

Нервно сглатываю слюну:

— В самый раз, потому и поехали, пока этот ублюдок здесь — а иначе придется потом гоняться за ним по всей области, и то — в лучшем случае.

— Гос-споди, — раздраженно протянул, закатив глаза под лоб. — Чё-т я переборщил, говоря, что соскучился.

— Хватить девочку из себя корчить, — уже готова кинуться на него с кулаками. — Поехали! Я бы и сама — но знаешь, вдвоем у нас получится куда лучше.

— О да, вдвоем у нас многое может получиться куда лучше, — вдруг откровенно пошло стал издеваться надо мной сквозь улыбку.

— Иди на**р, — сплевываю. Резкий разворот — и по лестнице.

Догоняет. А как иначе?

— Да ладно, не злись, — попытка ухватить меня за локоть, увиливаю...

Чертова погода. На улице такой дубарь стоит, что кажется, будто не ноябрь, а давно уже январь-февраль кости ломит.

Стою, дрожу, переступая с ноги на ногу, дышу на руки.

— С*ка, хоть бы снег выпал, а то уж совсем уныло всё, — прорычал Грановский.

— Ага, — злобно язвлю. — И следы бы нам все замел.

— Андрюха, Том, — позвал нас Фирсов, махнув рукой. — Идите сюда...

Быстро подчиняемся. Пробраться за ленту, замереть около девушки.

— Короче, всё — наши закончили. Давайте по-быстрому — и сворачиваемся.

Киваю головой.

Глубокий, шумный выдох делаю. Присесть рядом.

— Что, о приятном прошлом вспомнила? — съязвил «майор», опускаясь на корточки.

— Ищи, давай — гаркнула, едва сдерживая злость.

Взгляд около. И снова на девушку — измучена, изрезана, но следов сексуального насилия не видно. Не душили и не били. Исключительно нож (а скорее всего скальпель) и кислота — всему тому виной. Опять игра... в «хирурга», опять «символы»... И, наверняка, смерть — тоже по плану... Да только вскрытие окончательно всё покажет, подтвердит, но... история уже сейчас уж больно тужится себя... повторить.

— В общем, — отзываюсь. — Похоже, очень похоже.

— Ну, так, старался ублюдок, — язвит Андрей.

— Но что-то не так...

— А ты-то помнишь!

Гневный взгляд в глаза гаду:

— Я-то — помню.

— Ага? А с Ерёмовым что? Выборочная амнезия?

— Харе грызться! — рывкнул на нас Фирсов и прикурил сигарету. — Время тикает. Народ ждет.

Встаю, снимаю резиновые перчатки.

Лихорадочно качаю головой.

— Нет, здесь что-то не так. Это не он.

— Че-го? — ржет с меня Грановский.

Но Макс как всегда серьезный. Выжидает, слушает, анализирует. Банальная, классическая тройка: я, Макс и Грановский. Но лишь так мы всегда могли чего-то умного, толкового, порой невероятного, достичь.

— И пусть всё бережно, аккуратно: по большому счету, как наш «перфекционист» любит. Но смотри: листок (какой тут?), — приглядываюсь лучше: — ...ольхи вроде, на ней — раз.

— Может, упал на нее во-он с дерева, — на бум ткнул взглядом Андрюха. — Поди, не за минуту доехали...

— Нет. Он в грязи, смотри, — тычу пальцем. — А еще, — оборачиваюсь по сторонам, — здесь одни клены растут.

Присел, отодрал «улику» Грановский.

— И не только лист — по копейке, а в итоге — от идеала невероятно далеко. А наш с***н сын никогда бы себе такого не позволил. Вот, к примеру, во-вторых...

— Подожди, — перебивает Андрей. — Ну, ты скидку то дай ему — поди, человек семь лет отмотал. Может, у него всё поменялось там в голове.

— Сомневаюсь, — злобно гаркаю.

— Не поменялось, — вмешивается Макс с задумчивым видом. Выпускает дым. — Я был у Колмыкина. Видел урода... На нем — всё как с иголки. И это буквально сразу после тюрьмы. И сидел ровненько-ровненько, как по струнке. Этот крякнутый... еще на своей волне.

— Кстати, а еще раз... судебную-психиатрическую экспертизу по невменяемости?

Качает головой Фирсов.

— Сделаем.

— Хотя вот, смотри, — отдергивает нас словом Грановский. Тычет пальцем на рану. — Криво, да?

Радостно поддерживаю:

— Чуть-чуть, но да.

— А Евсеев... — загадочно ведет Андрей.

— Человеческий фактор, да и вообще, мало ли что могло, — недовольно бурчит Фирсов. — Вообще, если по уму, ребята, то на все это стоит смотреть, как впервые. Мы уже Евсеева совершенно не знаем. Где у него что дрожит, или какие предпочтения.

— Но и подражателя никто не отменял, — вставляю свое слово я.

Встречает нас Колмыкин.

— Ну, что там? — бросает ему Фирсов.

— Да ничего. Утверждает, что у него алиби. Ждем результата экспертов по точному времени смерти девушки и заодно проверяем его версию. Ну, по сути, что тут? Сутки, парни, говорят?

— Да, она больше бы не выдержала, — тихо, расстроено прошептал Грановский.

— С-с*ка, — злобно гаркнул Макс и сплюнул вбок.

— Ну, что думаешь? — отозвался Фирсов, пропуская меня к себе в кабинет.

Оборачиваюсь:

— Ты о чем?

— О чем, о чем? — бурчит недовольно, стягивая с себя куртку. — Ребяг приставить к дому?

Замерла я, перебирая все за и против.

Но миг — и качаю отрицательно головой:

— Нет. Не надо... Все равно это не поможет.

— И что теперь?

Пожимаю плечами.

— Сегодня домой, раз Евсеев у вас. А там...

— А там... опять в дежурке ночами, да?

— Ну, а что? — пристыжено улыбаюсь. — У тебя же дома жена...

Молча кивает головой, виновато поджав губы.

Шумный выдох, и признался:

— И у Грановского теперь тоже.

Обмерла я, округлив очи. Смеюсь.

— У этого придурка?

Поддается на мое настроение — улыбается в ответ:

— Ага. И вроде даже неплохую отхватил. Чай?

(замер с кружками около чайника)

— А? А, да... Чай.

Глава 4. Последний день

Глава 4. Последний день

Свобода...

Странное понятие. И уже не раз перетертое великими умами.

А вот что оно значит для меня? И что оно несёт в себе?

Не без нашей помощи вот уже сколько людей ее лишились. Заслужено лишились.

(надеюсь и верю, что заслужено...)

А Евсеев... — это мой кат, мой судья. Мой обвинитель. И он куда «щедрее», чем прокурор: этот гад просит для меня пожизненно. Хотя, и не без его помощи, это — не так уж и много. Врачи дают максимум тридцатку лет? От нее отними восемь (и, кстати, в пору бы поблагодарить за это судьбу, ведь могло бы и того не быть) — получается не так уж и много. Приятная математика, верно?

Шумный вздох, сдувая щеки, словно лопнувший пузырь. Так и я теперь...

Он вышел — и ныне моя очередь отправляться в «заклЮчение». Страх мне — за решетку, трусость — за вину.

Послать всё к чертовой матери и уехать? И плевать на слова Ерёмова?

Да я бы так и сделала! Непременно сделала. Ведь пулей-то меня особо не напугать.

Но вот Евсеев... и все те девушки, а тем более — новый труп. Тут... всё гораздо запутанней и весомее. Да, я боюсь его. Безмерно боюсь, но это же — не повод предавать невинных жертв?

Однажды я уже его засадила, пусть и не за все убийства, и то... по другим статьям, но все же — какая-никакая, но месть, справедливость.

А уеду, чего добьюсь?

Ведь как ни крути, а истина одна: лишь только пережив всё то, что случилось со мной, благодаря ему, я, и только я — истинный, дотошный, маниакальный фанат сего ублюдка. Только мне придури хватит его додушить до конца, каких невероятных сил это бы не стоило.

Чертова погода, как и вся моя жизнь.

Вчера мороз драл, сегодня — хляби небесные. И ни осень, и ни зима... Чушь какая-то.

Стереть с лица гадкие капли дождя и забросить ногу на ногу (все так же неосмотрительно сидя, развалившись на холодной, мокрой скамейке в парке в центре города).

Последний день свободы, да? Правда, даже если Евсеева и закроют, «подражатель» всё равно останется. А в то, что он существует, я непременно верю! Хотя и не так его боюсь, как эту тварь. Мне кажется, я со всем белым светом готова справиться. Со всем... кроме Евсеева. И пока у него, конечно, все шансы править балом, загнав меня в угол.

Странное оживление на входе кафе, что напротив парка. Перевожу взгляд. И вдруг, буквально миг — и среди молодых людей, что там собрались, узнаю ублюдка — Ерёмов...

Ерёмов и Евсеев. Две кошмарные «Е» на мою тугую, нелепую жизнь.

Мерзкие гады. И чего вам от меня надо?

Словно почувствовал: взгляды встретились, отчего резко отвожу глаза в сторону.

Но минуты — и еще больший переполюх там. Испуганно бросаю взор: через проезжую часть чапает ко мне это... чудовище.

Поежилась; собралась с духом, выровнялась: гордый взгляд, царская осанка (не вставая с места).

— Какие люди! — едкое приветствие паскуды.

— И вам того же, — не уступаю я.

Буквально миг — замер около. Едкая ухмылка:

— Рад, что не уехала.

— А у меня был выбор?

Пристыжено рассмеялся. Взгляд по сторонам, шумно вздохнул.

Резвое движение — и без приглашения присел рядом.

— Слушай, — разворот ко мне. Лицом к лицу (да так близко, что от неловкости немного подалась назад, отодвинулась). — Я чего-то не догоняю, — продолжил. — Столько зеков: постоянно кого-то садят, кого-то выпускают. И что теперь, из-за каждого ссаться? Что это за х**ня? Нах*р было вообще тогда идти в мусора? Сидела бы нянькой где-нибудь в детском саде, горшки мыла, и не парилась бы. А?

Обмерла я от такой прямоты, взволновано сглотнула скопившуюся слюну.

— Чего молчишь? — не выдерживает.

Хотелось, было, оправдаться... да не то, что слов не подобрала. Нет: напрасно. Думаю, напрасно. Как и со всеми. Всегда. И в прошлом, и теперь, никто меня не поймет: почему Евсеев, почему настолько безумный, просто животный, страх... Никто ничего не поймет.

Резво подрываюсь с места — и бесцеремонно валю прочь, нарочно даже прибавляя скорость.

Оторопел ублюдок. Но миг — и тотчас летит вслед. Догоняет, скотина. Нагло хватает за локоть и силой заставляет остановиться, замереть, обернуться к нему лицом.

— Нет, ты чего? Слышь, чё ты уходишь? Я же с тобой разговариваю! И хочу помочь!

— Помочь? — язвлю, откровенно хохоча. — Чем? И как, глумясь? Не надо мне помогать! — грубо вырываю свою руку из его цепей.

Вновь попытка уйти, но тотчас преграждает путь и опять силой останавливает.

— Да неужто?! — гневно, саркастически сплевывает в лицо. — Ты посмотри на себя! В кого ты превратилась?! Дрожишь, словно подзаборная шавка! Где, б***ь, та Тамара, что мужиков строила одним только словом, взглядом. ГДЕ ОНА?

Обмерла я, выпучив глаза, ошарашенная.

— Так... ты меня узнал? — тихо, сухим, испуганным голосом. — И тогда тоже?

— Когда тогда? — сдержанно.

Сомнения: за и против. Решаюсь:

— Полгода назад.

Скривился, отвернулся на миг. Прожевал эмоции.

— Сейчас не об этом, — недовольно поморщился. — А о твоём... этом, Евсеев.

Глаза в глаза.

— Ты не понимаешь, — качаю головой в сердцах. — Он — зверь. Дикий зверь!

Рассмеялся саркастически.

— А ты думаешь, я — ангел? Или те, кого ты сажала?

Вновь качаю головой:

— Вы, по крайней мере, находите в себе человечность... кончать человека быстро, а не

смакуя зверством.

— Не всегда.

Словно выстрел — обмерла я, огорошенная.

Взгляды сцепились.

Нервно сглотнула лезвие жути я.

Попытка сменить тему, позорно уваливая от такого сенсационного, непростительного признания.

Мотаю головой, словно выбрасывая мысли; вновь вырываюсь (из уже расслабленной) хватки — и спешно иду, едва не бегу, кинув на прощание:

— Ты ничего не понимаешь!

— Х*ли тут понимать?! — резво хватает меня за куртку и отдергивает назад, крича в лицо. А я уже трясусь от перенапряжения. Застыли слезы на глазах.

— Х*ли? — язвлю отчаянно, сквозь сдержанные рыдания. — Хорошо, давай ловить такси — и я тебе покажу... «х*ли»!

— Зачем такси? Я на машине...

За городом. Кладбище. Тихая, молчаливая, пробирающая до дрожи, обитель памяти и душ. Некрополь... огражденный серой, кирпичной стеной, так усердно прячущий за ней свои заветные тайны...

Все так же хлыщет дождь, и вокруг — коварные сумерки.

— Вот, — метаю взгляд на черный гранитный памятник с изображением улыбчивой, очень даже красивой девушки. — Олеся. Двадцать один год. Умерла от потери крови. Хотя этот су**н сын был предельно осторожен. Как всегда — ни малейшей прорехи. Хирургическая точность... Родители бедной пытались покончить с собой — но ребята со скорой... — немного помедлила я, подбирая слова, — оказались молодцами.

Пошли дальше.

Молчит, сопит, покорно следует за мной.

— Анна. Самая младшая. Восемнадцать только исполнилось. Вся жизнь впереди. А он ее истязал дольше всех... Смотришь на ее ангельское личико — и ничего, кроме доброты и тепла внутри, не вызывает. Только желание обнять, приголубить. Вот за что... эта с*ка так издевалась над ней? За что, спрашиваю? Молчишь? Идем дальше?

Глаза в глаза. Лишь только нервно сглатывает слюну.

Витиеватые дорожки промеж могил — и выходим к следующей.

— Зоя... Не знаю, — пожимаю плечами, шмыгая носом, — почему она мне снилась тогда постоянно. Никто из них — только одна она. Двое карапузов сиротами остались. А этой твари, Евсееву, — нипочем. Никак его не привяжешь! — оборачиваюсь к Ерёмову, пронзительный взор в очи: — И это лишь трое! А таких — больше десятка. Понимаешь? А доказали лишь по ОДНОМУ делу! И то, только потому, что жертва — выжила!

— И что? — кидает мне жуткое, отчего я оторопела в ужасе. Продолжает: — Тома, это — ЖИЗНЬ! Так что теперь — по подвалам прятаться?!

— Ты серьезно? — мертвым голосом шепчу.

— А ЧТО? — уверенно. Окидывает взглядом около: — Тут каждый — за что-то, да загремел! Всех их жалко! Разве нет?...И ЧТО?

— Т... ты... ты — конченный!

Резкий, отчаянный разворот — и бегу изо всех сил, неволью скользя по мокрым

кривым земельно-глиняным дорожкам (что лишь местами побиты травой).

— СТОЙ! СТОЙ, Б***Ь! — летит за мной, старается, однако сейчас я на удивлении ловче и быстрее (наверно, уж слишком хорошо знаю этот путь).

А там и вовсе — до остановки подать рукою...

Замечаю на трассе автобус, да еще в нужном направлении: поддаю скорости на грани невозможного.

Буквально среди последних пассажиров влетаю в салон.

Нырять за мной и Ерёмов.

Протискиваюсь между рядов — живо запрыгиваю ближе к окну.

— Ты чё удумала? — рычит, словно зверь (так и не присаживаясь; уцепился руками в спинки кресел по бокам). Вынужденно сдерживается в рамках приличия.

— Ничего. Езжай дальше! — гавкаю я.

— Пошли в машину, — тихо, смиренно, но приказным тоном.

— Я с таким уродом — никуда не пойду! — сплюнула желчь в лицо. Глаза в глаза.

Взоры сцепились.

Дрогнул автобус — и неспешно покатился по своему маршруту.

Тягучие, бешеные минуты молчаливой перепалки, пристальных взглядов, не моргая. Прожевывает эмоции, матерные слова Григорий.

Еще миг — и нервно цыкнув, но, так и не сказав ни слова, сделал разворот — по проходу, да к водителю вышел.

Взвизгнули шины, тормозя...

Исчез. Ушел, не оборачиваясь. Вот и отлично.

Одно «Е»... я всё же пережила.

Глава 5. Свои, чужие

Глава 5. Свои, чужие

Добраться домой. Принять горячий душ, взять самое необходимое — и отправиться в отделение, к Фирсову.

— О, пропажа наша! — искренне обрадовался мне Макс. Выставил стул из-за стола, жестом пригласил присесть. — Чай?

— Ага... — подчиняюсь.

— Где шастала целый день? — косой взгляд из-под лба, колдуя над чашками. — А то я уже переживать стал. Ребят хотел дергать.

Печально усмехнулась.

— Ох, — качаю в негодовании головой, вспоминая сегодняшней день: думаю, за него меня Фирсов по голове не погладит. Шумный вздох: — Где шастала? Да со свободой прощалась.

— Ой, да брось ты! — скривился недовольно. Разворот — и оперся спиной на шкафчик. Размешивает ложкою сахар. Взгляд на меня. — Справимся! На, — протянул кружку.

...

Ну да, справимся. Куда деваться?

— Что там Грановский? — дую на кипяток. — Придумал что-нибудь интересное?

— Шутишь? Без тебя у него на это дело совсем не стоит... Это же Андрюха! Забыла что ли? Без пинка или злости этот человек — полный ноль: как с гуся вода, ни до чего нет интереса. То ли, когда его завести!

— А на прошлом выезде мало задора было что ли? — смеюсь.

Почесал затылок. Развел руки в стороны.

— Наверно. Может, думает, что это так: подразнила и исчезнешь.

— В смысле? — нахмурилась я.

— Ты же не думаешь бросать это дело?

— Ну-у... — растеряно тяну. — А, вообще, как ты это всё представляешь? Мне же нельзя: посторонний человек.

— Я к чему и веду, — ухмыляется Фирсов. — Поговорить надо с Заболотным. Чего-нибудь да придумает. Раз такое дело, да и тебе бы оправдание, чего здесь торчишь.

— Ну, да...

— Кстати, что с нынешней работой? Как, где сейчас?

— Да уволилась сегодня... Какая работа с Евсеевым?

— А жить на что?

— На пособие... — «по инвалидности»... не осмелилась договорить я.

Поморщился от неловкости и печали Макс.

— А они такие большие? — тихо, грустно пробормотал в попытке пошутить.

Смеюсь:

— Спасибо и на этом...

Кивает головой.

— А лекарства?

— Что лекарства?

— Сильно дорого всё?

Хмыкнула:

— А ты как думаешь? — язвлю. Смолчал. Немного помедлив, добавила: — Но ничего все как-то живут, и я проживу...

— Фирсов, мать т***! Вот ты где! — влетает к нам в кабинет без стука Грановский (замер на входе).

— А где мне еще быть? Не у тебя же! — смеется Макс.

— Балашо-ова! — ядовито протянул Андрей, округлив очи. — И ты здесь?! — улыбается. Ухмыляюсь на эту нашу «пылкую дружбу».

— Всё никак не изгонят тебя отсюда! — продолжил тот.

Хохочу.

— А ты, небось, первый выстроился провожать! И Заболотному жалобу подал.

Нахмурился.

— Стоп, я не понял, — шаги ближе. — Ты чего тут, работать собралась?

— А тебе жарко со мной, да? — ехидничаю.

Заикнулся от такого откровенного намека, даже побагровел враз. Но затем миг — и, полностью осознав, что дразню, злобно махнул на меня рукой:

— Ой, ты как всегда! Между прочим, мне больше не до тебя!

— Ну, и слава Богу! А то я уже переживать стала!

— Ох, ох! — паясничает. Но буквально секунды — и тотчас насупился от раздражения: — КОРОЧЕ! — и вновь взмах руки, — вы меня вообще сбили! Не за тем я пришел! Фирсов одевайся! Опять труп!

— В смысле? — оторопели мы оба. Ошарашенные взгляды на товарища.

— В прямом! И опять почерк Евсеева!

— Так он же за решеткой, — растерянно шепчет Макс.

— Вот именно! — качает головой Грановский. — Хренак — и всё: выпускайте героя, он здесь ни при чем! Представляете? — искренне возмущился. — Короче, куртку в зубы — и поехали. У нас еще есть время. Пока туда-сюда, бумажная волокита, ребята его придержат. Балашова, ты с нами?

— Ну, что скажешь? — скривился Андрей.

Грызу ногти от нервов. Осматриваю землю вокруг. Присела.

— Че молчишь? ОН? — рявкнул на меня Грановский.

Оборачиваюсь:

— Не знаю... — растеряно.

— Ну, приехали! Фирсов, а ты что думаешь?

— Это вы тут специалисты по этому ублюдку, я другое смотрю.

— Ну да, ну да... Биг босс — большие идеи. Мелочью не торгует! Том, — тихо позвал, приблизившись ко мне: уже оба сидим на корточках рядом с девушкой.

— А? — оборачиваюсь к нему.

— Ну, что ты, как ты?

Печально ухмыляюсь (эх, не ожидала такой доброты и искренности от него, по крайней мере, не так скоро):

— Да живу пока...

— Ты это, — морщится, подбирая слова, — не отчаивайся. Засадим мы его: и одного, и другого, — кивает головой. — Эти твари поплатятся, кто бы, и почему бы не творили такое.

Благодарно улыбаюсь, невольно краснея:

— Спасибо. А ты как?

— А? Да как? — смутился; пристыжено рассмеялся. Взгляд около, а затем в глаза: — Женат, двое детей.

— Двое? — радушно удивилась.

— Ага. Пацаны. Погодки. Сам охренел, когда узнал, что опять беременна. Но я рад. Ни капли не жалею.

— Молодец! — искренне. — Поздравляю! А Фирсов?

— Что? — вздернул бровями.

— Как Марина? Дети есть?

— Да они там... то всё расходились, то сходились. Не знаю, не вникал. Но дочь нажили. Вот в школу в том или в этом году пошла.

— Ясно...

— А ты? Что там твой?

— Да мы почти сразу и развелись.

— В смысле? — оторопел, едва чуть не упав на землю — пошатнулся.

Иронично улыбаюсь сама над собой:

— А что? Кому нужна калека? Да еще и... «на всю голову е****тая», — невольно цитирую.

Вздернул бровями:

— Нормальному мужику и такая баба сойдет, если до этого он сам её в жены выбрал. А то что получается? Пока конфетка — пока и жую? Или что? Вот меня бы так разбомбили, как тебя, — и жена бы ушла? Да нахрен она тогда мне б вообще такая сдалась, даже сейчас?

Поджимаю губы.

— Там всё не так просто было... Я действительно его достала.

— Ты всех тогда достала. И что? Мразь он! И нечего тут оправдывать его. Ясно?

— Давай лучше о деле думать, — от неловкости улыбаюсь. — А то уже, воистину, холодно очень стало, да и Евсеева скоро отпустят.

— Ох, этот Евсеев, — бесцельный взгляд пред собой, ухмыляется смущенно Андрей. — Он уже мне самому пару раз снился.

— Да ладно? — не сдержалась от смеха.

— Ага... — задумчиво. Шумный вздох. — Ты это, Том, прости нас...

— За что? — удивилась я. Глаза в глаза.

— За то, что тогда не успели... Эти гады раньше нас приехали, и так вцепились в этого ублюдка, что мы уже ничего не смогли с ним поделаться. А так бы еще тогда со всем покончили. И не было бы уже ничего всего этого. И девки бы были живы, наверняка...

— Эй, романтики! — послышался где-то сбоку грозный голос Фирсова. — Хватит ностальгировать! Народ нервничает. Изучайте скорей — да поедем!

— Слушай, — игнорирую я, обращаясь к Грановскому. — Ты в голову-то не бери. Он даже в колонии выжил, а говорили — невозможно. Всё возможно. У него — всё возможно. А этих девушек — и не он убил, сам видишь. А какой-то, с*ка, подражатель. Не знаю... И вроде старается же, но и, вместе с тем, словно не дожимает нарочно идеал. Что-то в этом не так. И надо понять что. Вряд ли это — неумение или отсутствие усердия. Да, Евсеев

уникален, и он — явно фанатик, сдвинутый на всём этом, а не только на перфекционизме, хоть и утверждает экспертиза в обратном. Но тут: ладно, один промах, ну, два. Ладно, много, но связью. А то штрихами, осколками.

— Выборочно?

— Выборочно. А еще, — ныряю в карман, достаю оттуда резиновые перчатки (ранее врученные экспертами) и натягиваю быстро на руки. — Смотри, вот застывшая грязь, спасибо очередному морозу, и она явно...

Осмотреть бедную, опять зверски изувеченную, измученную до смерти, девушку; оглядеть место преступления в целом; найти путь, откуда и куда мог ехать автомобиль, в котором привезли тело, дабы затем выбросить в людном месте...

В общем, всё как всегда. Ничего нового. Увы, ничего нового. Никаких толковых, кричащих зацепок. Лишь догадки и намеки. Предположения...

Замереть около автомобиля Макса. Фирсов с Грановским сплотились с остальными ребятами — и давай курить: на дорожку.

Идиотический ритуал.

Взгляд около. Пройтись немного туда-сюда, лишь бы не дышать этим вонючим дымом.

— Оба! — послышался голос Андрюхи. — Опять пятница — и опять Ерёмов вместе с своими шавками развлекается.

Мигом оборачиваюсь в ту сторону, куда все устремили взгляды: через сквер, через проезжую часть, рядом с пиццерией — «баня-сауна». Около входа целый таксопарк дорогих джипов. На лестнице — ублюдки. Курят. Что-то рассказывают друг другу, активно жестикулируя, травят шутки, отчего тотчас все ржут, словно кони.

Скривился Фирсов и тут же сплюнул на землю.

— Фу, б****, как же он меня бесит. Когда, с*ка, он уже задавится? А то всё к нему не подберешься, не подступишься никак. Изворотливый, как глист вонючий. Как не копни — тут же его треклятый адвокат из него святошу делает.

Виновато опускаю голову, нервически сглотнув слюну.

— Да ничего, — отзывается Грановский. — Задавится. Сами хорошо друг друга шмаляют — это уж у них не отнять. Молодцы, ребята.

Украдкой метаю взор на Ерёмова. И, гад, словно учуял. Вновь учуял. Взгляды сцепились, полностью обличая меня. Мигом делаю разворот — прячу очи от стыда и ужаса.

Затрезвонил телефон (невольнo вздрогнула).

Испуганно, торопливо сую руку в карман и достаю аппарат. Взгляд на экран — неизвестный номер.

— Слушаю?

— Ну, здравствуй.

— Кто это? — едва различимым шепотом, чтоб другие не услышали. Быстрые шаги в сторону, плотнее придавливая к уху трубку.

— Урод, с которым ты больше не хочешь гулять.

Обмерла я на мгновение, пришиленная к месту. Сердце отчаянно заколотилось в груди, не зная даже как реагировать: то ли страшиться, то ли радоваться...

И вновь шаги...

— Откуда у тебя мой номер?

— Следовательно и такие глупые вопросы задает? — хохочет. — Хотя, чего это я?

— Вообще-то, бывший следователь. Зачем звонишь? — замерла я наконец-то на месте (да так, что б меня мои видели, но не слышали).

— Во-от, уже лучше!

— Что тебе надо? — раздраженно рявкаю, не выдерживая эту его странную игру.

— Слышал, будто подражатель у вас завелся...

Окаменела я, ошарашенная:

— А тебе какое дело?

— Мои люди кое-что нарыли на него. Интересно?

Еще больший шок распял меня. Глаза округлились.

— И что ты хочешь за это? — несмело шепчу.

Явно обрадовался. В голосе появился задор:

— Отличный разговор. Ты мне уже нравишься, — немного помолчал, но, видимо, не дождавшись моей «вставки», продолжил: — Предложение деловое, как раз по твоей части.

— По какой это моей части? — нахмурилась, не понимая куда ведет.

— Да по той, которая нас так безумно свела. Тут барышни на одного не хватает. Подсобишь?

Обомлела я, словно окатили меня помоями. Даже дар речи на мгновение пропал.

— Иди ты на**й! — мигом отбиваю звонок и живо прячу телефон обратно в куртку.

Выпучила ошалевши глаза, и не могу понять, что за чушь, что за сумасбродный разговор только что был, и что он на самом деле от меня хочет. Или он под наркотой и его просто тарашит?

Оборачиваюсь, желая взглядом отыскать эту шатию-братию, да не свезло: неудобный ракурс, как раз вход скрылся за углом здания.

И снова звонок — тот же номер.

— Да?! — рявкаю злобно.

Смех в трубку:

— Шуток не понимаешь? Или чего такая нервная?

— Хобби у меня такое — нервной быть. Что тебе надо, а?

— Подходи к нам. Видел, что заметила. Вернее, все вы так откровенно пялились, что аж не по себе стало. Небось, влюбились? — хохочет. Слышно фоном ржание и остальных ребят — невольных слушателей глупого, печального цирка.

— Ерёмов, ты обдолбанный? — решаюсь на неприкрытую дерзость. — Или что ты несёшь?

— Ничего не несу, — ржёт. — И нет, даже не пьян. Приходи, пообщаемся — и я, дабы исправиться в твоих глазах, вручу тебе ту папку.

Глухо, видимо отстранился от телефона и обратился к кому-то другому:

— Как там его фамилия?

— Чья?

— Да *** моржового! Этого их, подражателя!..

— А... На букву «К»: Ка... Ку... Ко.... Ой, да *** его знает! Ты бы сейчас еще таблицу умножения спросил!

Опять хохочут.

— Короче, — уже мне (громко). — Слышала? Какой-то на К... Давай, жду. На входе скажешь к Ерёме — пустят.

— Слышь, Ерема, — передергиваю слова, откровенно грубя. — Ты меня, наверно, с кем-

то пугаешь! В бане я с тобой париться не собираюсь!

(хотя уже и более сдержано, ведь интерес подкупает)

Смеется.

— Да не бойсь, приставать не будем. Только шакалов своих не бери, и, вообще, отправь их домой, а то они меня раздражают. Особенно ваш Фирсов.

— Это у вас взаимное, — неосознанно вступаюсь.

Рассмеялся.

— Безмерно рад. Можешь так и передать ему.

И вдруг гудки... — повесил трубку.

За, против...

Ну? И что теперь делать?

Глава 6. «Банька»

Глава 6. «Банька»

— Я не разденусь! — оторопела в раздевалке я, когда Ерёмов явно стал напирать, желая расстегнуть на мне куртку.

Смеется.

— Идиот, отвали! — дико ору на него.

— Ну, хоть куртку, кофту! Вон в полотенце банное или простынь завернись! Ты же упаришься! Точно же поплохеет! — и снова наступление. Отмахиваюсь, отталкиваю его от себя.

— Я — не разденусь! — четко, мерно.

— Почему? — хохочет: пьян — не пьян, а подвыпивший точно.

— А ты у Бори своего спроси! — отступаю пару шагов назад.

Обмер. Буквально секунды — и вдруг хмыкнул. На лице проступила серьезность:

— Боря... Боря твой — человек чести: ни за что не признается, что там видел.

— Повезло мне, — иронизирую. — Хотя, по-моему, он еще тогда всё сдал!

— Не сдал, а жизнь тебе спас. И сомневаюсь, что прямо-таки «всё». Вряд ли бы простая пересадка сердца его так сильно впечатлила. Не той он породы, чтобы сюсюкать.

— Тогда детектива найми, — откровенно уже издеваюсь.

— Зачем? Я и так читал твоё досье.

Удивленно вздернула бровями:

— И?

— И ничего... словно не дело, а свалка какая-то. Половину листов выдернули. Так что того, что с тобой произошло — фактически нигде нет.

— Корявые источники? Соболезную, — из последних сил атакую.

Легкая, сдержанная ухмылка проступила на его лице.

— Да нет, как раз таки, что не есть самые лучшие. Достоверные. Просто, кто-то очень сильно хотел... что-то скрыть.

Пожала плечами (сие неизвестно и мне самой).

— И что ты от меня хочешь? Чтобы я разделась перед тобой и удовлетворила твое любопытство?

— Хорошее, конечно, предложение, но — нет, — шумный вздох. Черство, отчасти грубо: — Откуда вообще такие мысли? Я что тебе... предлагаю отдаться за эту папку? Я же сказал, что пошутил тогда — и причем неудачно. Всё? Вопрос решен?

Глаза в глаза. Напряженное молчание.

Но вдруг — разворот и, махнув в мою сторону рукой, — гаркнул:

— Короче, сама решай. Хоть шубу еще напяль, вон, — кивнул головой в сторону гардеробной, — выбирай! Мне по х** уже. Определяйся — и приходи. Мы в соседней комнате.

...

Скрылся за дверью.

Вот с**ин сын. Да и сама я дура... чего припёрлась? Что делать — даже не знаю. Раздеться — чтобы поржали, или наплевать на всё — ноги в руки и домой? А вернее,

вызвать такси — и в отделение, к Максиму или в дежурку.

Черт дери, а!

Но...а если не врет, если есть что-то важное, полезное? Ради девушек, уже ушедших, и новых, которых спасем. Ради того, чтоб навеки засадить Евсеева и его подражателя...

Черт! Черт! ЧЕРТ!

Не мог же Еремов меня так обмануть, развести? Ведь ради чего? Ради унижения? Но что я такого мерзкого ему сделала? Тоже унизила?...тогда в автобусе?

Или что?

Или «мусора», «менты» — не люди, и за все издевательства над ними только честь и хвала?

Бред.

Решаюсь. Резво бросаюсь на выход. Через коридор к двери...

Буквально нос к носу. Молодой человек, по пояс замотанный в банное полотенце.

Узнала.

— Боря? — растеряно шепчу.

— О, Тамара! Красавица наша! — казалось, вполне искренне. — Чего еще одета? Там уже все заждались!

Похолодело, сжалось у меня всё внутри от страха.

Молчу, не знаю даже, что ответить. Лишь идиотически моргаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я это... — наконец-то набираюсь смелости нарушить тишину (ответить на его выжидание).

— Что? — заботливый взгляд в глаза, приблизился (на мой шепот).

— Ну, мне же нельзя... — пытаюсь сыграть на его чувствах.

Смеется, добро так, понимающе:

— Так ты и не парься. Так посидим, пообщаемся. Чай попьешь вместе с нами, да баранки погрызешь.

— Баранки? — удивилась я.

— Баранки, печенье, бутерброды, всё, что найдешь, — хохочет.

— Борь, — решаюсь на главное. — Вы и вправду нарыли что-то интересное на подражателя Евсеева? Или что?

Оглянулся на дверь, словно ища кого-то взглядом. И вновь глаза в глаза.

— А что, не показал?

— Кто, что?

— Ну, Гриша — папку. Там куча всего. Странно, как ваши не наткнулись на это. Хотя... чего это я? — ржет.

Кривлюсь недовольно.

Тут же пресек себя, заведя реакцию.

— Прости. Виноват. А подражатель он, или не подражатель, — вполне серьезно продолжил, — это уже вам искать, решать. Но то, что у них связь странная, то это точно.

— Связь?

— Да. Дела какие-то мутные. В общем, пробивать инфу надо, и не по одному пункту.

Замерла я, задумавшись.

Черти что. Значит, правда? Папка существует? Как информация, как и сам подражатель? Хоть что-то толковое в этом сумасброде...

И что теперь делать?

Подыграть? В рамках приличия, конечно. Но... продаться?

Мать т***!

— Борь, — вновь отваживаюсь, странным образом доверяя ему.

— Что?

Глубокий вдох для смелости. Прячу взгляд, стыдясь слов:

— Вы меня зовете туда, чтоб посмеяться, да?

— ЧЕГО? — невольно захохотал от удивления.

Не поднимая глаз:

— Ну как? Я же тоже — в каком-то смысле, мусор...

Откровенно заржал. Внезапно движение — и обнял, как-то по-братски, за плечи; притянул к себе — носом невольно уткнулась ему в грудь.

— Тамарочка, дурочка ты моя, — слегка закачал меня из стороны в сторону. — Как десять лет назад мы все тебя любили, так и сейчас, не смотря ни на что.

Обмерла я, огорошенная услышанным. Глаза выпучила, страшно даже вздохнуть.

— Так что, — продолжил, — не дури голову...

Отпускает, отстраняет от себя — несмело поддаюсь движению. Но взгляд поднять еще не решаюсь.

Не могу поверить своим ушам.

— Это я, дурак, тогда тебя не признал...

— В смысле? — сухо, едва слышно шепчу.

— Что?

— Любили... любите?

— А ты посмотри на свою мордашку, — кивает на меня. Ухмыляется. Схватил за подбородок и подвел голову вверх. Глаза в глаза. — Как такую не любить?

Взволнованно сглатываю ком неловкости.

— Да и потом, — продолжил, выпуская из хватки, — молодая, строгая, принципиальная, честная, смелая, справедливая: не милиционер, а картинка! Сказка! Светлый образ служителя правосудия! По-моему, там у каждого на тебя флажок стоял... прости за грубость.

Печально хмыкнула: старая песня, как и мелодия к ней. Скривилась я в горькой ухмылке.

— Да... Все вы так пели, — откровенничаю в ответ. — Все, пока ваше дело не попадало мне на стол. И тогда вместо любви до гроба — ненависть животная, желая шею скрутить. Мат, угрозы. Не раз били, не раз пытались изнасиловать. Хороши кавалеры — пока не мои.

Скривился, нервически сглотнув слюну:

— Прости...

— Да ладно, чего там? Не ты же...

Горько хмыкнул.

Ну да, ну да...

— Ладно, — вовремя вставил в жуткую паузу слово Борис. — Так ты идешь к нам, или что?

— А так не отдадите папку, нет? — коварно ухмыляюсь, прищурившись: конечно, и без того заранее зная ответ.

Пожал плечами (искренне). Кивнул в сторону дверей в «зал».

— Что сказал?

— Не отдаст.

— Ну, — виновато поджимает губы. — Хозяин-барин. Его инициатива, его усердия, его средства. А я сам, как-то не подумал об этом, не заморачивался. Прости...

— Да нормально всё, — понимающе смеюсь. — Куда там? Я и так... за прошлое еще не отблагодарила.

— Прошное? — нахмурился.

— На складах.

— А, это? Не чуди — сам дурак. Да и с ментами выручила. Кстати, это тоже — одна из причин, почему мы тебя сюда зовем. И, вообще, не дури. Никто тебя не тронет! Обещаю. Ерёмов — тоже нормальный. С закидонами, местами грубый, но нормальный. Так что переодевайся — и за стол.

— Вам-то, какая выгода? Почему ни один не скажет правду?! — не выдерживаю, и даже уже грублю: — Ностальгия, развлечения — я всё понимаю, всё это хорошо. Но мало, понимаешь? Что на самом деле нужно от меня?

Оторопел от таких перемен Борис. Вздох — и пожал плечами, всё так же на своей волне неподдельной доброты:

— Ну, если честно, — почесал затылок. — Ты этот вопрос ему задай, — кивает головой на дверь. — Ерёмову. Это — его придурь, из эпопеи того, что сам чёрт не разберет.

Замотаться, да рачительней, в огромную простыню — и вплотную подойти к двери.

Черт, я не то, что открыть, даже коснуться ручки боюсь. За полотном — чужие. И я, голая, на войну иду...

Звонко вздохнуть, сдерживая панику. Если что, к Боре подсяду: за таким шкафом — меня практически и видно не будет.

И вновь смех, на мгновение дружным строем прерывая беспардонный шум-гам веселой беседы.

Черт, Ерёмов. Сейчас я даже не против твоей «сверх чувствительности». Или, может, ты про меня уже забыл?

— А х*р с ним! — невольно, хоть и тихо, но в голос вырвалось.

Выдох — и пнула от себя полотно.

Тотчас все обернулись.

Ноги мои невольно подкосились, а по телу... побежала предательская дрожь.

Задыхаюсь. Сердце бешено колотится. Боюсь и шаг ступить. Человек двадцать, если не больше, собралось за громадным столом, что едва не ломился от изобилия блюд. Удивительно, но даже (действительно) и самовару с баранками здесь нашлось место.

— Ну, что ты?.. — наконец-то реагирует кто-то.

Поднимается и, не слишком ловко, пытается выбраться из-за стола: перелезть через лавку (скованный полотенцем, завязанным на поясице). Ерёмов. Шаги ближе.

Меряет, скользит взглядом по моим плечам, рукам, до половины открытой груди. Невольно свожу, скрещиваю руки, обнимая себя, скрывая лишнее от посторонних глаз. Но куда их деть? Рубцы от ожогов, от порезов, а там и вовсе — выглядывает шов после операции...

Нервно сглотнул, наконец-то ожив. Вдруг обнял за плечи и повел к столу.

Поддаюсь.

Попытка пустить взгляд около — в поисках Бори, но тщетно: глаза разбегаются, целый ряд незнакомых лиц. А затем и вовсе напор Гриши — присела на скамью... как раз рядом с его местом. И снова сражение с полотенцем — ржет, как и остальные над его корявостью.

— Не быть тебе балериной, Гриш! — кинула какая-то девушка шутку.

Смеются.

— Да и атлетом! — вставляет слово уже кто-то другой.

— Балеруном, тогда уже... — едва слышно шепчу язвительное, слегка, правда, с опозданием.

Услышала та, или прочитала по губам, но косой, недовольный взгляд на меня метнула.

То ли еще будет, если узнают, кто я.

Но вдруг, словно почувствовав, а может, и заметив всё это — не знаю, обнял меня за плечи Григорий и заботливо прижал к себе.

Поддаюсь. Не сопротивляюсь. Отчего-то меньше всего хотелось его, или Борю сейчас шпынять: в таком аду... и без того жарко, особенно мне — уродине.

— Кстати, Тамара, — отозвался какой-то незнакомый голос. — Что там Фирсову наплела?

Обмерла я в страхе, словно меня, ведьму, сейчас вся инквизиция разоблачит. Испуганный взгляд около, ища источник: однако, уже буквально каждый застыл, с интересом наблюдая мою реакцию и ожидая ответ. Отыскала уже даже Борю: сидел по ту сторону, чуть левее... с какой-то пышногрудой, белобрысой красавицей.

— Оно тебе надо? — внезапно гаркнул Ерёмов и, нарушая немую паузу, потянулся вилок к нарезке. — Х**и застыли? — гневно рявкнул уже, не выдерживая. — Пейте, жрите!

— И что, теперь и вопроса не задать? — отозвался тот же голос с укором, но сдержанно, уступая. Оправдываясь.

— Не к вам она пришла, вот, б****, и отье****сь! — миг и принялся жевать отвоеванный трофей.

— Гриш, ты че? — торопливо отозвался Борис, желая сгладить неловкость. — Перепил что ли, или что?

— Ты хочешь поговорить? — кидает злобное ему, не скрывая агрессию.

— О-о... всё понятно, — махнул товарищ на него рукой.

— Ты сейчас домашешься! — не сбавляет оборотов Ерёмов.

— Соврала, — громко, резко, дабы остудить пыл.

Обрушили все взгляды на меня, повернулся ко мне и Гриша.

Шумно сглотнуть слюну от волнения и продолжить:

— Сказала, что домой поехала. Будто у меня там какие-то документы по Евсееву остались, еще с прошлого раза.

— По маньяку, — уточнил Борис.

— А-а... — затянули многие.

— Ну, молодец, — вдруг схватил рюмку тот, кто и затеял всю эту неловкость. — Так выпьем же за наших!

— Угомонись! — рычит Ерёма.

— Да всё нормально, — отдергиваю его словом. Взгляды тотчас невольно встретились, отчего резко осеклась, отвернулась из-за смущения я.

Глава 7. Девочки и мальчики

Глава 7. Девочки и мальчики

Ох, уж эта банька: то девочки, то мальчики, то вперемешку... И меня барышни все пытались затащить. Если бы не грозный взгляд Гриши, то не за что б не отступили от затеи, думая, что, когда отнекиваюсь — шучу: приbedняюсь, играю, дразнюсь; боюсь, в конце концов, но уж никак не... отчаянно прошу смилостивиться и оставить меня в покое.

Но недолго счастье было. Дверь распахнулась — и без стука буквально ввалилось несколько мужчин: причем в верхней одежде и в обуви. Девки вмиг (обученные) вскочили с лав и гуськом, погоняя одна другую, потащились в парилку. Схватили и меня за руки.

Не сопротивляюсь, но в ужасе смотрю на Ерёмову...

Кивает мне с виноватым видом.

— В душевой посиди, — читаю по губам.

...

Но какая душевая, когда целая орава развеселых девиц? Буквально морем меня, волной затащили внутрь парилки.

Тотчас сбросили с себя полотенца, простыни — и развалились на скамейках.

Теснюсь в углу и я.

— Раздевайся, — хохочет одна из девушек, попытка проявить напор, но моя резкость тут же ее останавливает. Скривилась — но подчинилась. Вернулась на свое место обратно.

— А ты, — вдруг отозвалась другая, — от кого?

— В смысле?

— Дура, — хохочет та, которую я «поддела» с балериной тогда. — Она не по этой части.

— А-а, — ведет щекастая. — А то я думаю, какое-то незнакомое лицо. Да еще и... Ереме — калеку?

— Ты че, больная? — вступается (на удивление) та же.

Поежилась я, прячу смущенно взгляд.

— Не ну, а что? Сами не видите? Ниже шеи — места живого нет, — пожимает плечами. — Ну, если она — ущербная, что я сделаю?

Резко встаю, шаг ближе. Глаза в глаза (напряглась «защитница», не то за меня, не то за нее):

— Я-то, может, и изуродована...но никак не ущербна, в отличие от тебя, не имеющей мозга.

Резвый разворот — и пошагала на выход.

Глубокий, свободный вдох — подойти к душе. Включить воду на полную катушку. Присесть рядом на скамью, бесцельный взгляд пред собой.

— Ты прости ее, — вдруг послышалось сзади. Шаги ближе. — Она, и вправду, дура.

Поднимаю глаза.

Та самая «защитница». Надо же?

Смущенно улыбаюсь.

— Спасибо, что вступилась.

Хмыкнула девушка:

— Да брось ты. Любой бы так поступил...

Невольно ехидно рассмеялась я (вновь взорвавшись от злости):

— Ну да, я же — калека.

— Нет, — вполне серьезно, спокойно ответила та, присела около. — Не калека, а новенькая... во всем этом балагане. Особенно эти «временные» напрягают. Сегодня есть — завтра нет, а впечатления от них остаются надолго. Дольше даже, чем у самих парней. И это — факт.

Смеется. Не выдерживаю — и тоже поддаюсь на ее настроение: улыбаюсь. Короткое движение — и учтиво закручиваю кран. Вновь уставиться на «новоиспеченную подругу».

— Я, кстати, — внезапно протянула мне руку она, — Елена.

— Тамара, — и только я, было, хотела пожать ладонь в ответ, как дверь распахнулась — завалился один из молодых людей и радостно вскрикнул:

— Де-воч-ки! А мы по вам уже соскучились!

Завизжали, захихикали враз счастливо барышни, тут же вскакивая с мест.

Улыбается и моя «защитница»:

— Пошли?

Киваю одобрительно головой.

Только встали, подались на выход, как тотчас к нам ворвался Еремов, едва не сбив нас с ног — невольно попятнулись.

— Идешь? — кинул мне, растерянно заметав взгляд то на меня, то на мою «соседку».

— Иду... — неуверенно шепотом.

Живо схватил за руку и едва не силой повел, поволочил за собой.

Не могу понять, что не так.

Но секунды — и вот оно, прозрение. Новоприбывшие гости, да плюс еще, видимо, несколько — и всё: мест на всех не хватает. Но было бы желание, а решение всегда найдется: раззадоренные такими нескромными возможностями, миг парни хватают своих девиц и усаживают себе на колени.

Та же участь... постигла и меня. Попытка сопротивляться, отстоять свою честь, но Еремов даже не замечает. Силой принуждает замереть в его объятиях — и уже за разговорами, мыслями уходит куда-то далеко.

И всё бы ничего, и ко всему можно было бы привыкнуть, если бы это его «забыть» и «увлечение болтовней» не переходило все границы: то погладит меня по бедру, то сильнее сожмет за талию, то непременно под моей грудью нужно начать расчленять свой мандарин.

— Ты специально? — не выдерживаю и оборачиваюсь. Глаза в глаза, а лица невольно так близко, что уже даже о приличии сложно говорить.

— Что? — добродушно улыбается.

— Хватит меня лапать, — рычу тихо на ухо.

Взгляд в глаза. Смеется:

— Я не лапаю. Почисть лучше мне рыбку.

— Какую, нахрен, рыбку? — злобно возмущаюсь.

Не сбавляет улыбку:

— Ну, вон, та, что около Коляна.

— Не знаю, ни где твой Колян, ни где твоя рыбка! — бурчу.

— Я почищу! — внезапно вклинивается в наш разговор девушка, сидящая по соседству (одна, на лавке; и да, ей место нашлось).

Метнула я на нее злобный взгляд. Нервно сглотнула та слюну — но не отступила.

А этот только и потешался, ой, как вкушал мою невольную, неожиданную ревность.

Идиотизм. Отворачиваюсь. Делаю вид, что меня это вообще никак не заботит. Плевать.

Даже когда она начала кормить его с рук. Даже когда начал он ей шутки травить, а она

— добросердечно заливаться, угорать над ними.

Глубокий вдох. Попытка резко встать, однако тотчас Еремов вмиг хватает меня за бедра (невольно, или нарочно) нырнув под простыню. Силой усаживает обратно.

— Отпусти! — пытаюсь выкрутиться, отбиться от него.

— Ты что, в белье? — игриво шепчет, а сам, словно не понимает, что я уже в бешенстве, что не шучу.

— ОТПУСТИ! — яростно, нарочно причиняя боль.

Поддается. Однако весь этот переполох задел всю тесную компанию — пришлось встать и соседям, чтоб я отчаянно выбралась из кучи.

Заторопился и Григорий.

— Ты чего?

Врываюсь в раздевалку. Покорно следует за мной. Закрывает дверь (щелкнул замок).

Разворачиваюсь к нему лицом:

— Хватит цирка! Я — домой.

— Ну, ты чего? Тут осталось — еще немного: посидим, да по домам уже разъедемся. Все, а не по одному.

— Ты надрался, и теперь у тебя чешется? Так вон, бери любую!

— Любую, да не любую... — многозначительный, пристальный взгляд.

Шумно вздыхаю. Отворачиваюсь на миг.

— Нет, я не понимаю! Ты же обещал, что будет всё цивилизовано! Но нет! — возмущенно взмахиваю руками. — Мало того, что я всю твою «радость» ко мне собой чувствую, так ты еще руки начинаешь распускать! КАКОГО ХРЕНА? Ты же обещал!

Молчит. Лишь пристыжено улыбается. Подался немного назад и устало оперся на стену спиной.

— Ну-ну, я слушаю, — подначивает. А глаза уже слипаются, словно вот-вот уснет. Ублюдох.

— Что «ну-ну»? Чего ты добиваешься? Мало тебе было унижить меня, да? Что еще хочешь? Отыметь?

— По-го-ди! — мерно, с сарказмом, проговорил он. Словно ожил. Глаза распахнулись. Кулаки сжались. Шаг ближе — и заглянул в очи. Тон голоса стал жестким, мерзким: — Унизил? И чем же это я тебя унижил, а? Тем, что привёл в свою семью? Или тем, что обнимал? Или что возбудился на тебя? А? Ну-ка, скажи мне! Чего молчишь? — грубо, вызывающе всматривается мне в глаза на расстоянии вдоха. — То, что ты не принимаешь себя такой, какой ты теперь являешься, это — твоё собственное унижение... тебя самой. А не моё, или чье-либо еще. МНЕ — ПОХ** НА ТВОИ ШРАМЫ! Если ты еще это не догнал. То скажу я тебе так. Прямым текстом. А если у тебя маргарин в башке — то это твоя проблема. И топи его в себе сама. Мне некогда таким дерьмом заниматься!

— Да иди ты... в Ж**У!

Резкий разворот, хватаю свои вещи лихорадочно, перебирая на скамье кучу одежды.

— Если ты сейчас уйдешь, я ее сожгу.

Обмерла я, ошарашенная.

Несмело оборачиваюсь.

Папку. Держал в одной руке папку, в другой — зажигалку.

— Ну же, решай.

— Вот ты... мразь.

Хмыкнул, облизал губы — шаг ближе. Глаза в глаза.

— Ну, что?

Заледенела я от ужаса. Тяжело дышу. Сердце готово выпрыгнуть из груди. Щемит, проклятое.

А на глазах — проступают слезы.

Обреченность.

Шантаж за шантажом. Эта с*ка просто играет. Тварь. Еще одна... мерзкая тварь.

— Сжигай, — отчаянное, шепотом. Но уверенно и черство.

Поджал на мгновение губы, закивал головой:

— Хорошо.

Вспыхнул огонек — резвое движение...

И черной полосой окрасилась моя надежда, стгорая истинностью бытия.

А ты, идиотка, размечталась, расслабилась. Думала, за свою примут.

Плюнули, наступили — и размазали.

Еще немного — и когда уже осталось меньше половины — швырнул в раковину остатки.

Открыл кран — и залил водой.

Шумный, горький вдох — гордо выравниваюсь, вытягиваюсь перед ним, душу согревая лишь одной мыслью: зато не продалась. Не перешла... черту.

Взгляд презрительный:

— Вот ты... козлина редкостная.

Побелел враз от ярости. Глаза округлились:

— Коз-ли-на?

Нервно сглотнула слюну я, предчувствуя ужасное. Попытка сгладить ситуацию, да не успеваю. Уверенные, стремительные движения Гриши — и, что дикий зверь, тотчас хватает меня за руки и заламывает их. Невольно пячусь назад, спотыкаюсь, прогибаюсь, едва не падаю на скамью, ложась под него, из последних сил держусь за его же хватку.

— Тварь, отстань! — визжу злобно. Пьяный — сильный, да не ловкий: удар в пах коленом, и кулаком в челюсть.

Попятился, тотчас скрючившись от боли. Рухнула, потеряв равновесие, и я.

— С*ка! — едва слышно рычит.

Живо встаю с колен и замираю, испуганно следя за каждым движением хищника. Страшно сделать сейчас какое-либо неверное движение, но еще ужасней — подпустить гада к себе. Если что — прямо в таком виде и буду драть на улицу (в зал-то еще тогда, сразу, запер дверь на ключ).

Выровнялся.

Странный, непроницаемый взгляд. Ни единой эмоции на лице — отчего еще сильнее жуть сдавливают разум. Сердце колотится, словно бешенное.

Шумно, часто дышу.

Мерные, четкие шаги палача ко мне ближе.

— Не подходи! — отчаянный визг.

Трясет меня уже словно в припадке.

Вот-вот зареву.

Но еще короткий натиск — и неспешно, осторожно, поднял руку вверх, видимо, не желая меня напугать еще больше. Куда-то в сторону, на антресоль...

Миг — и протянул мне... папку.

Поежилась, ошарашено выпучив на него глаза.

— Держи, — тихим, каким-то излишне спокойным, холодным, отрешенным голосом проговорил тот, отчего еще сильнее я вся сжалась от страха.

— Что это? — едва слышно.

— То, что ты так хотела.

Тысячи вопросов — и ни одного вслух...

Вмиг пнул в грудь мне документы, взывая к участию.

Не шевелюсь. И даже не моргаю.

Секунды выжидания — нервы сдали: бешено швырнул мне их в лицо (разлетелись по сторонам бумаги).

Шаги на выход. Щелкнул замок двери в зал.

— А та? — на грани реального.

Услышал. Не оборачиваясь, в последний момент:

— Твое досье.

Глава 8. Досье

Стремительно пройтись по кабинету — и бросить на стол Фирсову чертову папку.
— Что это? — удивился Максим.

— А ты загляни, — киваю головой.

Неспешно, лениво берет, открывает, бегло перелистывает документы, выписки. Еще буквально миг — и оторопел от прозрения.

С ужасом уставился мне в глаза:

— Откуда?

— Ерёмов подогнал.

— Ерёмов? — казалось, его вот-вот хватит удар. — С чего это?

Тягучая пауза. Тысяча жутких предположений, что ужасом отпечатались на его лице.

Решаюсь ответить:

— Сказал, что это — его долг, таких тварей уничтожать.

— А сам он... не тварь? Что же и на себя папочку за раз не передал?

— Макс! — рывкнула я на него, сама того не ожидая.

— Что?

На удивление, или нет, но порог Заболотного с прошением по поводу предоставить мне вновь работу в этом отделении первой пересекла не я: а Фирсов, и даже Грановский.

Старые, добрые друзья.

Хотя окончательное решение, естественно, принималось только с глазу на глаз и непосредственно со мной.

— Томочка, девочка, — прошелся по кабинету мужчина. Машинально поправил картину на стене. Разворот: — Ты же понимаешь, мы все тебя очень любим, ценим. И особенно я: ты мне как дочь. Помню, как первый раз зашла вот сюда в кабинет, к Котову, — махнул рукой на дверь. — Я как раз на приеме у него был. И тут раз — и солнышко спустилось на землю: такая яркая, нежная, завораживающая. Прямо звездочка — взволнованная, скромная. Короче, — гаркнул и прокашлялся, замерев на месте. Руки за спину — и пристальный, сверлящий взгляд мне в глаза: — Всё ты и так хорошо понимаешь. Ну, куда тебя? С твоим-то здоровьем... Максимум, что могу доверить — бумаги перебирать. Нравится — пожалуйста, а нет — то на нет и суда нет.

Нравится. Конечно, нравится...

Ерёмов.

С*ка, Ерёмов. Даже не знаю уже, что о нем думать. И как его называть.

И надо бы его увидеть... Надо бы? Или хотелось бы?

Черти что.

Да и в пору бы, конечно, нормально поблагодарить. Вообще поблагодарить... Ведь как ни крути, а материал действительно стоящий. Местами размыто, местами даже сложно связать воедино — но, как и сам Боря говорил, все слишком странно, запутанно и интересно. Более того, теперь наш преступник (подозреваемый) больше не был догадкой, привидением.

Он обрел вместе с именем — даже очертания, вид. Фотографии.

Василий Васильевич Каренко, 1968 года рождения. Не женат, детей не имеет. Родом из нашего города. На первом курсе мединститута учился вместе с Евсеевым, но потом за хулиганское поведение вылетел из ВУЗа. Ушел служить в армию, был направлен в Воронежскую область, где после и остался жить. Работу менял часто, нигде дольше чем на два года не задерживался. Конкретной специальности не имеет. Буквально за пару месяцев до того, как выпустили Евсеева, вернулся сюда обратно. Где остановился, чем занимается, откуда деньги на пропитание берет — ничего нет, полный ноль: ни в налоговой, ни даже в медучреждениях. Приехал — и исчез. Хотя на камерах около дома Евсеева несколько раз засвечивался: заходил в подъезд с поклажей, возвращался — без. Жить там не жил, да и с самим заключенным (тогда еще) не встречался и вообще не связывался. Замок цел, дверь заперта.

Несколько раз на адрес Евсеева были сделаны странные доставки: одноразовые пеленки (несколько больших пачек); электролит (пара канистр — как распространенный материал-основа для изготовления более концентрированной соляной кислоты, чем если бы купить ее готовую сразу); садовые инструменты. Также в том районе, где почти неделю до этого «терся» «невидимка» Каренко (зафиксирован видеокameraми банка), буквально месяц назад ограбили травмпункт, забрав лишь инструменты, шприцы и капельницы. Отпечатки пальцев воров не найдены — работали профессионалы.

Водительское удостоверение у Каренко есть, хотя официально автомобилем не владеет, при этом дорожные камеры пару раз все же ловили его лицо за рулем темно-синего фургона марки «Мерседес», предположительно 1984 года выпуска. Номерные знаки которого, как и само транспортное средство, зарегистрированы на некоего Бойко Алексея Ивановича, уроженца г. Воронежа, умершего еще три года назад. Автомобиль в угоне не числится. Но и, увы, вот уже больше месяца нигде с тех пор и не всплывал.

И так далее...

Прямо к делу не пришьешь, однако проверить и наковырять нечто конкретное и полезное — вполне реально.

Но что самое впечатляющее, визуально теперь, спустя года, между собой эти двое, Каренко и Евсеев, вовсе стали невероятно похожи: легкая небритость, на голове — редкие, короткие седые волосы, телосложение — излишняя худоба (щеки даже проваливаются). Брови, ресницы — светло-русые. Разрез глаз — классический, цвет — голубой. Сильно нависшие веки. Нос — прямой, средней величины. Губы — тонкие. Кожа — бледная, морщинистая. Да и рост: практически сантиметр в сантиметр. Не имея бы сие дело на руках, смело можно было бы утверждать, что они — близкие родственники, хотя и братья чаще всего бывают куда менее схожи, нежели эта чета.

Жизнь. Хорошая жизнь настала. Почти как восемь лет назад. Ночи без сна... в дежурке. Обед и ужин — бутерброды на скорую руку, «дошик» или шаверма, когда уж совсем крышу сорвет. Домой пока не навевалась. Квитанции за квартплату придут нескоро, а потому... можно передохнуть.

С душем пока времени, в остальном же гигиена моя на уровне заключенного в изоляторе временного содержания. На поход в местную баню я, конечно, не осмелюсь, а в остальном — что уж тут?

Днем — работа, иногда выезды с Фирсовым или Грановским.

Заболотный знал о таких моих «командировках», но особо не сетовал: так лишь, иногда раздраженно цыкал или морщился.

Самое жуткое, конечно, было ночью, когда ребята уходили, когда даже Петрович, местный старожила, сваливал с суток (что ни в нарды, ни в карты, ни в домино с ним не порезаться, ностальгируя). Когда мысли приходили голодным табуном, требуя душу, вот тогда... все это становилось безумным адом, и с каждым нервическим тиком ленивой стрелки часов все меньше оставалось сил жить, терпеть, и все больше разгоралась надежда, что статистика о таких сердечниках, как я, вовсе не врет — и осталось мучиться недолго.

Ерёмов. Опять Ерёмов.

Дни идут, а покоя он мне всё никак не дает.

Взять и позвонить напрямую (номер остался)? Не решаюсь.

Официальный запрос (вызов)? Ни должность, ни случай не позволяют.

Воспользоваться подсказкой, что так удачно была подброшена мне в тот злополучный вечер Грановским, будто каждую пятницу Григорий со своими отдыхает в бане? Тоже не хочу. Мало того, что там будет вся та их шатия-братия, дак еще и огромна вероятность того, что мой Ерёмов будет опять... пьян.

И что тогда остается? Где его ловить?

И надо ли это вообще?

Долго пришлось воевать: не сразу смогла признаться себе, что тот вечер в бане с Ерёмовым мне понравился. Более того, за последние восемь лет (точно восемь? не больше?) — он был самый лучший. Дружеская атмосфера, веселье, тепло. Чувство защищенности. Безумное, пьянящее чувство, особенно когда по нем так изголодаешься. Именно оно, а не флирт, ласка, откровенная заинтересованность мной (даже не смотря ни на что, не смотря на мою "правду"), так сильно впечатлило, задело за живое, потрясло меня. Чувство, вкус которого уже давно забыла...

Да, всё вранье, выдумка, самовнушение, однако... уж лучше так, чем вечная бездна животного страха и черная дыра обреченности.

А потому вот сижу у Фирсова в кабинете и тайно листаю досье Ерёмова.

Эдакой баш на баш.

Жуткие вещи. Безумно жуткие... Хотя, конечно, везде — "свидетель", "свидетель", "свидетель"...

Стараюсь не вникать. Пролистывать "лишнее".

Не знаю. Не мне сейчас его судить (что безмерно радует). Однако...

И так.

Адрес: домашний, рабочий.

Вредные привычки: курение; редкое употребление алкоголя (редкое? так и вспоминается песня Семена Слепакова "Каждую пятницу я...").

Слабости: близкие друзья (это да...).

Характеристика: экстраверт, темперамент смешанный (сангвиник с холериком). Присущи такие качества, как властность, целеустремленность, уравновешенность, редко переходящая в жестокость (шутите?), независимость, смелость, чрезмерное упорство и амбициозность. Довольно высокий уровень интеллекта, интуитивность, проницательность, рассудительность. Из деловых качеств: дисциплинированность, надежность, — невольно

киваю головой, подтверждая, — дипломатичность (особенно, с пушкой когда — ухмыляюсь сама себе под нос), самостоятельность, ответственность, рискованность, повышенная требовательность как к самому себе, так и к остальным. Личные качества: излишняя черствость (уже прочувствовала), принципиальность, бдительность, коммуникабельность, адаптивность (еще бы!).

... и прочая ерунда.

Короче, по домашнему адресу ехать — смысла не вижу, ибо придется, наверняка, под подъездом куковать: когда там соизволит вернуться.

А вот офис — то, что доктор прописал.

Офис... Да уж, а работа, как и все его имущество — это отдельная, эпическая тема, целая глава о Еремове. Как и заведено в нашей стране, на нем официально ничего нет, ничего не числится: всё на дальних родственников записано или друзей. Даже живёт не в своей квартире. Bravo великодушному работодателю! Служебное жильё, служебный автомобиль. Но должность не пиковая: всего-то заместитель директора по организационным вопросам ОАО "Облнефтегазотранс" (ОАО "ОНГМ"). Что же он там всё организует преступник хренов?

Ох, вчитаешься, так прям зайчика! Хоть обними да убаюкай! Пожалей несчастного и бедного, приголубь.

Глист паршивый.

Ну, да ладно. "ОНГМ", так "ОНГМ".

Глава 9. Офисные баталии

Глава 9. Офисные баталии

Наплести с три короба Фирсову, нарисовать горы важности Заболотному — и отправиться в заданном направлении.

Отличный выбор — понедельник: пусть всем хреново будет в этом "ОНГМ", а не только мне.

Молоденькая секретарша: чай, кофе...потанцуем.

И пусть, как идиотки, широко улыбались мы друг другу, в глазах же мелькал огонек недоверия и предвзятой злости. Ревности? Чего греха таить? Ревности. И ненависти: бедного мужика мысленно делили, пилили напополам.

И всё же она меня обскакала: "по личному вопросу" записать на прием — записала, вот только не на сегодня, как я уже тут себе нарисовала, и даже не на завтра: а только через неделю — и то, на восемь утра. Видимо, слишком много организовывать ему приходится, что так долго вынуждена буду ждать.

Шумный вздох. Неспешный разворот — и пошагала, повесив голову в поражении. И стоило так переживать?

Но нет, не зря. Уже вечером звонок, да еще кто? Сам "Занятой"!

— Слушаю.

— Передумала?

— Насчет чего?

— Вот и я думаю, насчет чего? Слышал, приходила. Меня искала.

Шумный вздох, прогоняя волнение. Невольно улыбаюсь:

— Не так передумала, как впечатлилась. На днях досье твое читала.

— О-о! — послышалось протяжное. — Даже так? И как? Только не говори, что влюбилась.

Не сдержалась от смеха:

— Нет, не переживай. Если там хотя бы часть страниц была выдернута, то еще был бы шанс, а так, увы... нет. Всё слишком печально и прозаично. Никакой интриги. Никакой заманчивости.

Хохочет:

— Просто Фирсов плохо копает.

Ухмыляюсь. Но вдох — и нахожу силы перейти к сути:

— Ладно, шутки в сторону. Дело есть. Хотела увидеться.

— А что не официальным запросом? Вызовом, как вы это любите?

Поддаюсь на иронию:

— Чтобы и я начала тебя раздражать, как Фирсов?

Смеется.

— Не переживай, вы в слишком разных "весовых" категориях. Хотя... приятно удивлен такой заботой.

— В каком-то смысле повод... плёвый, — осмеливаюсь на правду, — а потому уж никак не тянет на повестку. Так что, дело не в заботе.

— Умеешь же ты завлечь. Хорошо. Завтра могу подскочить, когда л...

— Нет, — резво перебиваю, отчего тот тут же запнулся. Молчит, рождая еще большую неловкость. Решаюсь договорить: — Я сама приеду, в офис, если ты не против.

Цыкнул язвительно.

— Отчего же? Конечно. Жду.

— Когда?

— Да хоть с самого утра!

Ерёмов-Ерёмов! С*кин ты сын! С самого утра? Десятый час, а его даже в помине нет.

Хотя... конечно, было чем занять свой разум. Эдакое фривольная интерпретация "любовного романа", где в центре событий — великолепный начальник-мужчина и за него бесстыдно, коварно дерутся недалекие женщины, и всё это на фоне офиса и тихой, унылой жизни.

То, что в какой-то момент эта барышня вовсе перестала скрывать ко мне раздражение, меня даже повеселило.

Сделать глоток чая и отставить обратно на кофейный столик.

— Вам не жарко? А то, если хотите...

— Нет, благодарю, — милая моя улыбка.

— Я же вам говорила, что он — безумно занятой человек, и времени совершенно не будет в ближайшую неделю. Всё расписано поминутно. Можете проверить!

— Даже вечер пятницы? — язвлю.

— Причем тут? — запнулась, удивилась та.

— Да так. Ничего такого.

И вновь минуты тишины, пока она не выскоблила из своей черепашки очередную нелепость:

— А вы какая-то его старая знакомая, да?

Облокотиться на боковушку дивана и учтиво прикрыть рот рукой, пряча ухмылку.

Пристальный, сверлящий, сводящий с ума взгляд ей в лицо:

— Да.

И опять строит вид, что занята, сверяет бумаги с экраном.

— Следующий раз вы, конечно, лучше позвоните... Чего ходить? Я уж вас и втисну, куда будет возможность.

Еще сильнее давлюсь смехом, замечая как явно и глупо она мне врет.

— Следующий раз... — язвлю, — я лучше наряд пришлю.

— В смысле? — обомлела та, ошарашено выпучив на меня глаза.

Улыбаюсь.

— Душно, говорю, у вас. Придется, все-таки, прислушаться к вашему совету.

Встать и неспешно, отчасти показательно, снять куртку.

Оторопела та, даже вытянувшись, как гусь на параде, ошарашено пялясь на мои погоны.

— А... а, — несмело начала заикаться та, — так вы из милиции? — живо вскочила с места. — А чего сразу не сказали?

В момент обогнула стойку и замерла рядом со мной:

— Может, конфеты, печенье? Или еще что?

Ухмыляюсь неприкрытому подхалимству. Молчу.

Неожиданно шорох, шум в коридоре. Мужской и несколько женских голосов.

Первой осмеливается выскочить девушка.

— О! Борис Федорович, а у нас тут к Ерёмову пришли... — немного помедлила, словно чего-то страшась, но договорила: — Из милиции.

Обмер (ловлю краем глаза: ведь та все еще загораживает мне путь):

— Ну и на**й посылай! Некогда мне сейчас ими заниматься! К Ефиму пусть прут! Зае**л уже этот Фирсов!

— Это не Фирсов, — испугано качает головой. — А женщина...

— А? Даже так? — удивился.

Прокашлялась я за ее спиной.

Торопливо отступает девушка в сторону.

Глаза расширились очередного "начальника":

— Тама-а-арочка! — радостно взревел мой "знакомый", и лицо, на удивление, искренне просияло. Развел руки в стороны, несколько шагов навстречу.

Стою, улыбаюсь смущенно, наслаждаясь эпическим моментом. Глубокий вдох — и решаю окончательно раздавить "бывшего" врага, сбросив бомбу.

Хохочу язвительно:

— А тебе костюм больше идет, чем банное полотенце. Столько солидности, шарма.

Ухмыляется Боренька.

— Девочки, организуйте нам чаек, а ты, радость моя, пошли ко мне в кабинет.

Подчиняюсь.

Едва дверь захлопнулась, как выдал:

— Ну, сделала ты ее, сделала!

— Кого? — оторопела я, резко обернувшись, взгляд в глаза. А щеки так и стали пылать предательским огнем, выдавая меня сполна.

— Ой, да ладно! Всё мы видим, всё мы знаем! Ну, любят нас наши девочки! Любят! И безмерно хотят. Потому и берегут, как могут. А уж тем более от таких, как ты, Балашова!

— От каких таких? — удивилась я, сердце от волнения сильно сжалось. Попытка и дальше язвить: — При погонах?

— Ага, — подыгрывает. — При погонах... — кивает на меня, — какого они у тебя там размера? Третьего или четвертного?

— Капитанского, — жестко, вполне серьезно, уязвленная такой идиотической шуткой, произнесла, гаркнула я.

Ухмыльнулся добро, виновато.

— Ладно, — шаг ближе, обнял за плечи и подал немного вперед, подначивая. — Присаживайся, куда тебе будет удобно.

— Да я с Ерёмовым хотела поговорить. Обещал ждать с самого утра.

— Ох, Ерёма-Ерёма! Этот гад паршивый, наверно, еще дрыхнет: после вчерашнего никак не отойдет.

— Вчерашнего? Он что, колдырит теперь и по понедельникам?

Хочет, удивленный такой моей реакцией:

— Не ругайся, мать! — ухмыльнулся загадочно. — Он не так часто и жухает! А вчера у него какой-то особенный повод был. Я бы даже сказал, настроение, отчего всем нам досталось: я сам только часа полтора, как с кровати сполз. Даже еще не завтракал. Составишь компанию?

Пожимаю плечами, пристыжено поджав губы.

Альтернатива "дошику", шутите? Нет! Что вы! Конечно, не хочу!

— Ну, если... Ерёмова неизвестно еще сколько ждать.

— А че меня ждать? — вдруг резко распахнулась дверь. Влетает. — Ты, Кузнецов, мне мою Балашову не тронь! — смеется во весь рот. Шаги ближе. Внезапно обнял меня за плечи, прижал к себе. — А то я быстро тебе твои бубенчики откручу!

Хохочут уже оба.

— А что? — не отступает Борис. — Как там в поговорке? Кто рано встает — тому Бог подает. Так что сам проср*л свое счастье.

— Я тебе про*ру, так про*ру, что ты у меня сейчас... — резко отстраняется — и с напором идет на товарища (из-за чего тот сразу попятился, отступая). Замахнулся рукой, паясничая, мой герой: — Ух!

Ржет Кузнецов.

— Че, жрать хочешь? Потому выё*****шься?

Хохочет Григорий:

— Еще как! В желудке после вчерашнего — ад!

Шаги Бориса к столу. Живо нажал на кнопку селектора:

— Любаша, зайди к нам!

— Что, как тебе еда из ресторана домашней кухни? — смеется, глядя на меня Борис. — А то говорят, тебя в твоём отделении... совсем голодом заморили.

Удивленно вздернула я бровями (поражаясь такой осведомленности: какие еще детали моей нынешней жизни известны им?)

Проглотить кусок жаренной курицы и спешно облизаться. Язвлю в ответ:

— Это такой социальный эксперимент.

Хохочем оба: я и Боря. И снова шутки. И снова стеб.

А вот Еремов молчит. Серьезный такой. Сдержанный. Задумчивый. Жует себе тихо и наблюдает за мной, лишь редко, и то, нехотя, бросая на товарища взгляд, когда тот уж совсем выдает нечто возмутительное.

— Что делать собираешься... с Евсеевым? — внезапно осмеливается на крутой поворот Кузнецов. Тотчас поперхнулась я и закашлялась от такой неожиданности.

— А них*я! — вдруг гневно рявкнул Григорий, словно вопрос был адресован ему. — Нет на этого подонка у них ничего! Пусто. И толку было столько рыть: с*ки, всё в стол сложили и спокойненько забыли.

— Неправда! — резко взвизгнула я, негодуя.

— Как так?! — оторопел Борис.

— Да неужто? — злобно съязвил Еремов, обращаясь ко мне и игнорируя друга. Взгляды сцепились: — И какой у вас сдвиг? — машет головой, подначивая. — Нулевой?

Пристыжено опускаю очи.

— Вот то-то же, — разворот к Борису: — Короче, придется... им ту тачку и дом показать. Вернее, ей. Может, хоть как-то тогда дело пойдет.

Застыла я, выпучив глаза. Взволнованный взгляд то на одного, то на другого. Боюсь спугнуть призрачную удачу.

Но молчат, оба безмолвствуют. Лениво жуют, головы повесив, раздумывая над предстоящим.

— Короче, — проглотил наконец-то еду Еремов. Бросает на меня взгляд пронзительный. Глаза в глаза. — Есть одно место... — немного помолчав, добавил, но уже

тише и торопко: — Мы там кое-какие дела проворачиваем. — Нахмурился: — В общем, по официальным источникам я это пустить не могу, но, в связи с тем, что у вас там одни руко**пы сидят, и ты шалопайничаешь, в то время, как эти твари развлекаются вовсю, то я уступлю. Но никакого Фирсова. Сдай меня: и никогда ничего больше не получишь. Я-то выкручусь, не сомневайся. Но вот в остальном — это уже будет явно не "повестка к следователю". Короче, наши видели там тачку вашего Каренко. И бомж какой-то новый, неизвестный в заброшенном здании, что неподалеку, поселился. Особнячком, ни с кем не контактирует. Появляется нечасто. Где в промежутке между этим бродит — неизвестно. Зачуханный, засаленный, заросший — в общем, что за черт не разберешь. Хочешь, прокатимся — осмотришься. Материал интересный. Но... сама понимаешь, что бы не нарыла — шакалам ни слова. Выкручивайся, как хочешь. А лучше — сама мозгуй. Но суть... ты поняла. Так что, решай. Пока сегодня время и настроение есть, то можно...

— Поехали, — резко перебиваю я.

Глава 10. Кладбище кораблей

Глава 10. Кладбище кораблей

Дивное место, пробирающее до дрожи. Сломанное величие. Жуткий памятник времени, обреченности. Доказательство того, что всему когда-то приходит конец.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, как умирают огромные корабли? Да такие огромные, что даже взглядом за раз не охватить! От старости, а не от крушения... Куда они отправляются, дабы провести свои последние дни?

Есть какое-то особое, закрытое, тайное место, где нет вблизи ни единой живой души? Или же это туманом покрытые берега, где только стоны чаек заставляют поверить, что здесь всё еще бьется чье-то сердце?

Увы. Всё слишком прозаично, но и впечатляюще заодно, поражающе до глубины души. Огромный открытый пляж, где, будучи безжалостно распиленными на куски, почивают уставшие корабли-офицеры и рыбацкие судна. Грустно ржавеют под шум родной волны. Чайки слетаются на пир, лишь временами проведывая старых друзей. И никогда больше не издадут храбрые вояки своих волнительных, воодушевляющих гудков, не прозвучат гимны отважных защитников родины. Тихо скрипят изувеченные, брошенные они, вынужденно подчиняясь черствой игре дождя и шаловливого ветра...

Но и этого всего мало! Мало мучений! Нерадивые туристы то и дело норовят осквернить сии несчастные останки. То надпись сделать, то кусок оторвать и нагло бросить рядом.

Лишь только лето, и заботливые веселые рыбаки, что так радушно делятся своими задорными невероятными историями, словно дети, могут скрасить эти жуткие, безнадежные десятилетия беспощадной старости.

Вот куда приехала я. Вот куда привез меня Еремов. Пройтись немного вглубь суши, зарослей, прощаясь с морем. По лесной тропинке промеж колючих кустарников ежевики и невысокого подлеска к заброшенному островку цивилизации. Старые, громадные, как и корабли здесь, безжалостно покинутые здания. Выбиты стекла, даже рамы порой отсутствуют, разобраны на дрова — двери. Стены исписаны краской, запечатляя яркие моменты человеческой жизни. Разруха. Дикость. Вандализм. Еще вчера возможности — сегодня уже история, малозначимая, а потому и недолго ей осталось существовать.

— На втором этаже, — ткнул рукой Еремов, — наши нашли его пожитки. Не трогали — все оставили на своих местах. За зданием, во дворе — машина. Хочешь сейчас, а хочешь потом к ней пройдемся. В общем, прошу любить и жаловать. Возникнут вопросы или нужна будет помощь — обращайся. А так... не буду мешать.

— Пистолет с тобой? — резвое, уверенное, отчего тот даже оторопел.

Немного помедлив, все же ответил:

— Он всегда со мной.

Шумный вздох, поджав губы.

— Вот и отлично, — подытоживаю я.

Хорошо, что догадалась по пути сюда заехать домой и переодеться. Негоже по таким местам лазить в форме, да еще светиться зазря. Конечно, если Каренко или Евсеев увидит меня — непременно узнают, но вот остальные, посторонние — тут было бы уже глупо.

Отодвинуть покосившуюся металлическую дверь и протиснуться вглубь. Шаги с опаской, прислушиваясь, оглядываясь по сторонам.

Гриша тенью бродил за мной, лишний раз перестраховывая или помогая проделать тот или иной маневр.

Не знаю, как осмеливаются люди жить в подобных местах: кажется, сейчас то ли пол провалится под ногами, то ли крыша заботливым полотном грохнется прямиком на голову.

Очередной глубокий вдох, прогоняя тревогу.

Наверно, нужно быть слишком отчаявшимся, разочарованным в этой жизни, раз... такой мир выбираешь вместо цивилизации (ведь не первым здесь Каренко поселился). Да, бедность — жуткая вещь, но упорный труд вопреки всем "но" не одного человека за всю историю нашего существования спас. Не одного. Просто решается на это — не каждый. Идти... вопреки всему, порой, скрепя зубами от боли.

— Том, сюда, — внезапно позвал меня Ерёмов, отчего невольно побежали мурашки по телу.

"Том, Тома". Забавно быть для его "Томой", а не Балашовой. Забавно быть кем-то большим, чем просто "мент".

Присесть на корточки рядом с чьим-то добром.

Сверху навалено немало хлама: клеенка, картон (разорванные коробки), засаленный, зловонный, местами даже прожженный и побитый плесенью от влаги спальник-одеяло. Но ниже — самое интересное: какие-то записи, книги (по анатомии), даже телефон (не столь современный, конечно, эдак годов двухтысячных, когда в обиходе были "орехоколовые нокии"), но...

Включить, перелистать меню.

"Баланс". "Оператор". "123". "Ментовка". "456". "Доставка".

Номера не известны — попросить Гришу забить себе (мой-то аппарат вырублен, дабы, если что, не отследили), выключить и положить улику на прежнее место.

Записи. Несколько нечетких фотографий в разных ракурсах и вновь восстановить нарушенную картину.

— А костер свеж, заметь, — шепнул Ерёмов. — Да, угли давно уже остыли, оно-то и понятно: зима на дворе, однако... пепел уж больно мелкий, не выветрен, хотя сама чувствуешь, какой тут ветер гуляет. Да и вот бутылка с водой — тоже не древность: этикетка свежая.

Вообще, там и в машине много всего интересного. По мелочам, но...

Интересно, оно-то интересно, однако... брать отсюда с собой ничего нельзя. Да и как бы я оправдала сверку отпечатков пальцев?... разве что втихую, в обход обоих, Фирсова и Грановского. Однако, если здесь, кроме Каренко, появляется еще и Евсеев, малейший кавардак — и выдам себя сполна. Этот с*кин сын не просто любит порядок, но и систему во всем держит... Тут как бы этот переполох, что сейчас затеваю, хотя и бережно перебирая, перекладывая вещи с места на место, не наделал лишнего шума и не добавил новых проблем.

Чертов гений...

Как же, с*ка, с тобой сложно...

— Предлагаю остаться до ночи. Не факт, конечно, — задумчиво ведет Ерёмов, — что именно сегодня он явится, однако... раз уже здесь, то почему бы и не рискнуть? Если что — заодно и допросим.

— Если это будет Евсеев, — резво перебиваю его я, — то не так уж просто будет развязать ему язык.

— Если это будет Евсеев, — язвительно повторил, паясничая, за мной Гриша, — то там вообще не будет разговора. Пуля в лоб — и на том конец. У меня с такими диалог короткий. Благо, ни дело заводить, ни доказательств искать — не надо. У нас свой Закон и свой суд. А по этому ублюдку решение давно принято.

Опускаю очи. Молчу.

Странная мысль, и странная реакция у меня на нее. Неправильно все это, нельзя так. Однако... и не осталось у меня больше сил сопротивляться во имя "Правосудия", "четкого, полного соблюдения Буквы Закона".

Вместе с сердцем эта с*ка выскоблила из меня и это...

— Пошли в машину, хватить шарахаться, — скомандовал Григорий и прикурил сигарету.

Легкомысленность и самонадеянное чувство защищенности вновь сыграли со мной в злую шутку. Опять я видела в Еремове кого-то иного, совсем не того, кем он является на самом деле. Как тогда, когда ночи напролет... вспоминала, мечтала о нем. Глупо всё это. Понимаю, что глупо. Ведь элементарного даже не знаю я: каков интерес его во всем этом действе? Что привело его ко мне, и что придется отдать взамен за столь невероятную щедрость?

И тем не менее... Развалиться на заднем сидении авто, укрыться потаенной заботой и внять убаюкивающему теплу. Сама не заметила, как неосмотрительно провалилась в сон.

Пришла в себя, проснулась лишь поздно вечером. За окном сгустились сумерки, и лес стал крепкою, непроницаемой стеной. Едва ли в свете луны можно было различить, что творится во дворе заброшенного здания или около пресловутого темно-синего "Мерса", за которыми мы так смело взяли наблюдать.

— Никого не было?

— А? — вздрогнул от неожиданности. Резкий разворот, взгляд через плечо (сидел на переднем, пассажирском кресле).

— Надеюсь, — печально смеюсь, — ты хоть не уснул, как я?

— А... Нет, — улыбается. — Я тут киношку в телефоне смотрю, так что еще держусь. Да и храп твой — только медведей пугать, а не убаюкивать.

— Х... храп? — запнулась, заикнулась я от неловкости и удивления.

Смеется:

— Ну что, бывает. Хороший способ отгонять дикого зверя. Я только благодарен!

— Да иди ты! — нахмурилась враз. — Врешь! — обижено дую губы. — Не храплю я! По крайней мере, не так ужасно!

Выгнула показательно брови:

— С чего такая уверенность? — жестоко иронизирует.

— Тебе больше не о чем поговорить, да? — грубю, злобно стиснув зубы.

Еще миг натяжной серьезности — и тотчас откровенно, издевательски захохотал:

— Видела бы ты сейчас свою рожу! И насколько же ты доверчива! Козлятушки, ребятушки, — паясничает, — отворитесь, отомкнитесь...

— ИДИ В ЗАД! — гневно выпалила я и тут же отвернулась.

Бесстыдно и дальше заливается смехом:

— Да ладно тебе! Зато сонливость, как рукой сняло! Причем у двоих сразу.

Скривилась недовольно я (но по большей части, наигранно, ведь едва ли уже могу сдержать улыбку). Еще рачительней отворачиваюсь, пряча свое нелепое поражение...

— Жаль, прослушку не поставить... Так и ждать бы не пришлось, — задумчиво шепчу я.

— А чего раньше не сказала? — бросил на меня удивленный взгляд, отрываясь от телефона.

— А чего сам не предложил?

— А кто из нас следователь?

Оторопела я, невольно даже приоткрыв рот:

— Подожди! Ты сам предупредил, что к своим обращаться нельзя, а таких устройств у меня ни в личном запасе, ни в пользовании нет! Как и доступа к ним, особенно без палева. У тебя же просить: откуда я знаю, чем ты владеешь, или на что готов пойти?

Ухмыляется:

— А то, что я ночью сижу с тобой здесь в глуши, ни о чем не говорит?

Вмиг опускаю пристыжено взгляд.

Безмолвствуем.

Рдею, как идиотка...

Тягучая тишина, рождающая, будто лавину, неловкость.

— Короче, — не выдерживаю и первой отзываюсь я. — И так всё хорошо. Есть контакты, записи. И главное — тачка на месте, хоть и мединструментов в ней нет. Но с другой стороны, значит и не здесь над жертвами издеваются.

Странное волнение засело у него на лице, отчего тут же изнутри меня обдало жуткое предчувствие. Однако, наверно, это — меньшая плата, которую он заслуживает, за все, что успел уже для меня сделать.

— Слушаю, — резко, уверенно. Киваю головой, подначивая.

Опустил очи. Шепчет тихо:

— Расскажешь?

— Что именно? — сухим, осиплым голосом невольно рычу я.

— Почему?.. — осмеливается подвести взор: — Почему ты боишься его, словно огня? Что он такого сделал?

Тягучие секунды сражения взглядов — и не выдерживаю, отворачиваюсь, пряча стыд. В памяти вмиг вспыхнули старые чувства, эмоции. Жуткие картины, и душераздирающие звуки. Его голос... Евсеева...

Тотчас наворачиваются слезы. Конечности охватывает дрожь, а по телу... словно кто кислотой льет — страх стегает плетью по разодранной плоти. Практически, всё как тогда — вот только теперь... метафорично.

— Помню, я буквально только взялась за его дело. Фирсов помогал, и даже Грановский, твердя, что одна не справлюсь. В общем, всё как всегда: любители мы были засунуть нос туда, куда не просят, но зато с пользой для всех нас троих.

Я была слишком беспечна, самоуверенна. Наивна. Да оно и понятно: двадцать четыре года — в голове ветер. И я сделала главную ошибку, которую никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя допускать: для меня Евсеев показался обычным случаем, очередной ненормальный, который в такой способ творил собственную справедливость, тщетно

компенсируя, залечивая глубокую детскую психологическую травму.

Девушки. Он их истязал, мордовал, уродовал (но лишь тела, лиц не касаясь). В конце концов, убивал... но никогда не насиловал. Причем, дело не в том, что они его физически не привлекали. Нет. Сама связь с женщиной для него была естественна: мы сталкивались с подтверждением тому, однако... По сути, у него с ними были деловые отношения, где жертвы — просто бездушный материал, а он — ваятель.

И я уже практически вышла на его след. Знала, где и когда будет. Но, ни Фирсова, ни Грановского с собой не взяла. Пистолет, две полных обоймы — и... храбрость за плечами.

Ребят из отделения я, конечно, предупредила, подмогу вызвала, но и в путь отправилась, не дожидаясь никого. Уж слишком много стояло на карте, а времени было в обрез. Нельзя было уступить трусости. Всегда, когда стоял выбор: жизнь невиновных граждан или моя — я выбирала первый вариант, не задумываясь.

Так вышло и на этот раз. А особенно, потому что вела меня уже... жажда мести за тех девушек, которых он так безжалостно растерзал.

Но это — Евсеев. И бой был явно неравен. И даже если б нас трое было — тоже... не факт, что он бы не обыграл. Этот с*кин сын — гений, непризнанный никем, по ошибке, в том числе — и нами.

Нервно сглотнула слюну я, глубокий вдох и, подавляя горечь, продолжила:

— Потом он мне сознался. Во всём сознался: раз я так хотела разгадать его душу, раз так охотилась на него. Хотя, на самом деле, он просто... дождался наконец-то своего зрителя и слушателя. Потому что все его действия были лишь на первый взгляд алогичным безумием. В сути же, как выяснилось, это был глубокий, продуманный символизм. А с его педантичностью, перфекционизмом любая деталь имела вес целой звезды в сплетении созвездия. Любой штрих — не ошибка, а цель, знак, слово.

Третий курс мединститута: полпути — позади, и половина еще маячит. Всего у Евсева в жизни было две страсти, и две мечты. Когда-то его мать насильно отдала в музыкальную школу по классу фортепиано. Эдакой начальный путь Великого хирурга. Он долго сопротивлялся (негоже мальчику его лет вместо борьбы сопливостью заниматься), но затем срослось: прекрасное победило в нем страх, предрассудки и захватило разум. Упорные старания увенчались невероятным успехом: конкурсы, призовые места, и даже признание среди своих. А дальше ВУЗ — лучший студент на курсе. Программу осваивал легко, а потому это ему показалось недостаточным: всё свободное время Евсеев теперь уже посвящал не только музыке, но самообразованию, выходя куда намного дальше за рамки преподаваемого материала. И все бы было хорошо, и, возможно, сейчас бы мы говорили совершенно о других вещах относительно этого лица. Может, даже о Нобелевской премии, кто знает. Однако... не бывает в жизни всё просто и легко. Потому так не вовремя, неожиданно, нежданно в его жизнь ворвалась она. Любовь. Девушка из параллельной группы. Прекрасна и наивна, словно ангел. Но, вместе с тем, безмерно глупа. Все скромные попытки ухаживать, быть романтичным от человека, вид которого, увы... вовсе был противоположностью его внутреннего мира и дара, таланта, не смогли увенчаться успехом. Он не то что вызывал антипатию, а даже какой-то внутренний, неподдельный страх — едва рискнешь заглянуть в очи.словно на генном уровне заложена была ненависть и отвращение к нему. Дурочка испугалась, надумала гадостей и давай жаловаться своему старшему брату... Брату, который по стечению обстоятельств, или волею рока, судьбы, оказался милиционером: дерзкая, всепоглощающая власть, если попадет не в те руки. И это был именно такой случай.

Евсеева поймали после учебы. Зима: темнеет рано, на улицах — практически никого нет. Затащили в подворотню и давай избивать. До полусмерти. Больше всего ему было страшно, чтобы ничего не случилось с его руками, пальцами. У него и так только что отобрали мечту. Лиши еще и музыки с хирургией — и ничего больше не останется. Ничего. Но чем больше чего-то боишься, тем сильнее оно к тебе тянется. А потому со словами: "Х*й тебе, а не медицина!" — эти твари в хлам растрожили, раздавили пальцы и переломали обе руки в нескольких местах.

Конечно, о какой карьере врача, хирурга, или музыканта можно говорить, когда даже после реабилитации с трудом ложку удавалось ровно держась? Судороги конечностей сродни запущенной стадии болезни Паркинсона.

Ушел из института, из медицины, из музыки. И даже от мира всего ушел: поселился отшельником, занимаясь собственной дальнейшей реабилитацией и читая книги. Художественная литература, исторический труд. Но вскоре он за собой замечает, что все его силы, внимание и желание... вновь обернулись к старой доброй любви: медицине. Так что уже через несколько лет знаниями он мог дать фору любому опытному врачу-хирургу. Знаниями, но не опытом или физическим мастерством.

А за плечами, там, где когда-то обитали мечты, стали жить демоны, ненависть к двум "вещам": красивые женщины и милиция.

Сноровку, мастерство, идеальность надрезов, четкость движений он вытренировал на грани крайнего, жесткого фанатизма, дабы доказать не только себе, но и всему миру, что он как был гением, в интеллектуальном и в физическом плане, так им и остался. Что он стоит своей жизни и зажженных свеч.

А дальше... дальше пошло выступление. Символизм. Театр.

И когда за его дело взялась волей судьбы или стечением обстоятельств я, воплощение ада его сознания, мир его и цель резко перевернулись.

Это он мне позволил себя найти и практически поймать. И всё бы у него пошло по плану, вновь бы было идеально, на высоте, если бы я тогда... не умерла так не вовремя, чтобы, в конечном счете, выжить.

Я — единственная жертва, которой удалось от него "сбежать", и при этом дана была возможность с его невероятно положительным образом это безумие увязать. Но лишь одно преступление, из всей череды убийств. Из-за недостаточности улик (а практически из-за того, что Евсеев отошел от привычного своего поведения, от четкого почерка маньяка да и не убил, в конце концов, меня) суд смог признать вину только относительно моего случая, но уж никак не всех остальных, до смерти замученных, девушек. Более того, не удалось даже подтвердить, что преступление было совершено в связи с осуществлением мной служебной, профессиональной деятельности (а именно — производство предварительного расследования): так как на момент встречи с преступником не было ни формы на мне, ни удостоверения при себе (ублюдок позаботился насчет второго). Любые слова мои относительно этого он отрицал, как и "якобы" признание мне до этого, что массовые те убийства — дело рук его. И сложно было ему не верить, сложно: ведь остальное, всё, что со мной сотворил, он признал и даже содействовал в раскрытии преступления, в подробностях описывая, демонстрируя на следственных экспериментах все свои действия (при этом, конечно, наслаждаясь славой "Великого хирурга").

Ты хочешь знать, что он мне сделал?

(обмерла я, проглатывая лезвие страха; вновь слезы испуганно сорвались с глаз, убегая

от жутких демонов)

Больше суток истязал. Как и с другими девушками: сначала на мне оттачивал мастерство хирурга, кромсая тело, а затем, дабы скрыть "сию нелепую прозаичность" — вылил кислоту и прижег огнем, очищая грязную душу праведной болью.

Символы. Везде, во всем, вместо издевательств и экспериментов — должны были быть возведены символы.

Наши лица, жертв, — это маски, лживые красивые личины, за которыми — души грязные, порочные, омерзительные. Вот он и оголял их перед всеми, сдирая с нас плоть. И даже сейчас, я, вырвавшись из его лап, все равно... остаюсь быть олицетворением его задумки. Сними с меня мундир — и ужаснется каждый. Уродское тело как уродская душа: ибо я — мент поганый, мерзкая, гнусная тварь. Порождение скверны. И сердца у меня нет. Пустота внутри. Насос бездушный.

Евсеев и вырезал мне его, заменив на аппарат, дабы не сдохла раньше времени. Местный наркоз. Так что даже я... оценила его "мастерство" и усердия. Эта с*ка доказала всему миру, что он способный сотворить чудо: вопреки всему, без дополнительного специального оборудования, ассистентов и лекарств, успешно имплантировал искусственное сердце — протез собственной разработки, не нуждающийся в частой и неудобной подзарядке.

Но недолго была радость: пару часов — и все пошло не так, как он задумывал. Тело отекло; аппарат, кардиомонитор — старые; датчики, как специалисты потом выяснили, — лагучие. А посему и ошибочно констатировали мою... смерть.

Евсеев впал в шок. Бросился стирать следы своих неудачных трудов: где залил кислотой, а где обдал огнем, по привычке. Но паника взяла свое — сознание мутное, движения не отточены. Наломав дров, допустил прорехи, отчего и выдал себя сполна. Он собирался уже выбросить труп, как всегда, в людном месте, когда ребята наши взяли его с поличным. Куча улик — но только все... относительно меня.

А я... Что я? Каталка. Морг.

Не знаю, каким нужно обладать невезением или везением, чтобы хотя бы в последний момент... тебе дали право на жизнь.

Уже занеся скальпель, а, возможно, даже и впившись в плоть, патологоанатом почувствовал какой-то излишне тонкой, отдаленной струной души, что я — еще жива...

Позже мне пересадили... донорское, настоящее сердце. Евсеев — в СИЗО, я — в коме.

Только Фирсов и вытянул меня с того света своей опекой, даже вопреки скандалам с женой. Не муж, а друг. Фирсов. А ты на него грессишь... Но потом он выбрал семью, а обо мне стали заботиться остальные: все, кому не было лень. Исключительно... государство.

Как пришла в себя — давление со всех сторон. Психологи — желающие сделать из меня обратно человека. Милиция — требующая головы Евсеева (доказательства, привязки к остальным убийствам, но в памяти моей такой кавардак, и лишь кадры, кадры (!) из прошлого, а не целостная картинка). Муж — которому подавай старую жену, а не сломанную, свихнувшуюся дуру, что ночами спать не могла, и временами так орала, так орала!.. таким диким возгласом, что он сам был готов уже на стены лезть.

От меня тогда отвернулись все. Все, под чистую.

И лишь когда я достигла дна, лишь когда полностью остыла... я смогла сделать вдох. Вдох, полный ненависти, желания мести. Ведь вопреки всему... этому ублюдку дали лишь десять лет. Ровно как и мне, заявляя что в среднем такие "сердечники" живут лет десять

(бывало, что и до тридцати дотягивали, но вряд ли: с моим "везением", с моим ритмом и надрывом жизни это невозможно).

Семь лет мы отбыли оба. Семь лет.

Он теперь на свободе и будет жить.

Я же — в заключении собственного страха и вынуждена буду вскоре умереть. Даже если... Евсеев и не доберется до меня, всё равно его ошибку, единственную настоящую ошибку, вскоре уберет судьба.

Молчит Еремов, и даже взгляд не подводит. Размышляет.

Немного выждав, добавила:

— Да. Я устала оправдываться за свой страх. И мне стыдно за него. Но я ничего не могу с собой поделывать... А теперь еще этот Каренко. К чему? Зачем? Зачем подражатель? Если даже и предыдущие убийства не удалось привязать: немного отошел от сценария, нарушив четкий почерк серийного убийцы, и всё — события не состыкованы, не связаны и не образуют единую цепь. Почему и сейчас так не поступить? Зачем кто-то еще, кто-то третий между ним и новыми жертвами, или между нами двумя? Ума не приложу. К чему эта рокировка? Тем более, что подражатель портит его идеал, причем сполна, как самый жуткий изувер, неук. Да, Евсеев его нагло использует в своих целях, но каких? Совсем непонятно...

Сидим с Еремовым в его машине. Молчим.

Ничего даже не прокомментировал, даже вздохом не выдал себя.

Я не прошу, не жду жалости, сюсюканья или запойных речей с причитанием. Нет!

Однако... можно было хоть что-то сказать. Хоть как-то сгладить эту неловкость.

Внезапно зашевелился. Уверенное, ловкое движение — и перелез на водительское сидение. Зашуршал в боковом отсеке-кармане чем-то и вдруг достал оттуда пачку сигарет. Стремительный рывок — выбрался на улицу. Буквально секунды сомнений — и тут же подаюсь за ним и я.

Зверский холод пробирает до кости, заставляя невольно дрожать всем телом.

Но не замечает Гриша — мысли в голове ходят табуном, взор пустой блуждает около. Движения машинальны: длинные, ленивые затяжки.

Не выдерживаю всего этого, шепотом (едва уже не цокая зубами), замирая почти вплотную:

— Я думала, мы в засаде сидим, хотим, чтобы нас не заметили.

Тотчас уставился на меня. Долгий, внимательный, пристальный взгляд — и внезапно начинает едва заметно, загадочно улыбаться.

Нервически сглотнула я слюну от волнения и пугающей неясности. Не шевелюсь.

Неожиданно свободной рукой потянулся, коснулся моей щеки, а затем и вовсе заправил локон волос за ухо.

Не дышу.

Шумный вздох, решается:

— Х**ня всё это. Поехали домой.

Оторопела я от услышанного. Глаза округлились.

Но секунды зрительного боя — и вынужденно сдаюсь:

"Домой, так домой..."

Несмелый разворот, косой, быстрый взгляд на прощание в сторону двора, злосчастного

автомобиля — и резко дернуть на себя дверь. Забраться на заднее сидение...

...заживо сгорая внутри от обиды.

Тугие мысли путаным клубком, да еще и... больше десятка пропущенных от Фирсова не давали покоя. Только сейчас (когда уже очень далеко уехали от того места) вставила батарею обратно, включила телефон — и посыпались уведомления. Болезненный вздох — и спешно, учтиво набрать смс товарищу: "Всё в норме. Я с Еремовым." Засунуть аппарат обратно в куртку.

"Х**ня всё это..."

Черти что. В смысле "х**ня"? Хотя бы слово какое сказал... не знаю, в поддержку мою... что ли. А то всё как-то неоднозначно, непонятно. Что-то задумал, но что? Или вообще, возможно, решил просто отступить... от какой-то своей большой игры. Перестанет ухлестывать за мной и пудрить мозги? С другой стороны, если всё так — то грех жаловаться. Минус одна ложь, минус один враг — и уже будет проще со всем этим справиться...

Глава 11. Возвращение

Глава 11. Возвращение

Не знаю, как так... Или знаю, но не хочу признаваться себе. Уснула... Вновь уснула рядом с ним. Вот только пришла в себя вовсе не в машине, и даже не в отделении.

Чужая квартира. Чужая постель. И я — в своей водолажке (но уже без куртки, кофты и, естественно, обуви), в джинсах — под одеялом.

И больше никого вокруг. Полумрак — только свет луны пробивается сквозь тюль. Живо вскочить с места — и вдруг странный звук. Словно зазвенело что-то в кровати. Забраться на постель и провести рукой, перевернуть одеяло, подушки — так и есть, не слышалось... Связка ключей, и даже записка.

Торопливо подойти к окну, прищуриться:

"На случай, если проснешься раньше меня и захочешь уехать. Запри на нижний."

Нервно проглотить скопившуюся слюну.

Взгляд около.

Тихо открыть дверь и мышей выскочить в коридор.

Кофты нет, но вот куртку отыскала сразу, как и обувь.

Провернула ключ. Обмерла.

И куда я пойду? В отделение? Все равно такси бы по уму отсюда вызвать — но тогда точно разбужу. Хотя... чего я бегу? Будто вор. Или словно он что-то сделал омерзительное. Помочь — помог, даже домой к себе привез. Не тронул. Записку написал, ключи дал — дабы удар со страху не хватил.

Тогда почему бегу? И куда?

Шумный вздох.

Снять обувь, куртку.

Ключи отложить на тумбочку. Закрыть обратно дверь.

Бреду по коридору: первой попадаетесь большая комната, зал. На диване и спит мой... "заботливый товарищ".

Тихо, аккуратно присесть рядом. Взгляд в лицо.

Господи, кто бы мне сказал: враг он, или... всё же друг? Верить ему, или страшиться как Евсеева? А может, и того он хуже? Я уже ничего не знаю, и ни в чем уверенной быть не могу. Тот резал сразу, не таясь. Этот — может вывернуть наизнанку со временем, что и сама того не пойму, пока не окажусь на самом дне. Фирсов? Может, через меня все же надеется добраться до него? До дела, который тот ведет? Только толку? Я — ноль. Доступа не имею, влияния — тоже. Особенно сейчас, когда правду говорю... что спуталась с неприятелем. Кому-кому, а Макс я не буду врать, хотя и подставлять не стану Еремова. Даже если потом на основе этих смс или устных заявлений... загремлю следом за ним. Сама виновата. Мой выбор. Сама иду к преступнику. И сама сейчас... добровольно остаюсь в его квартире.

Прилечь на пол, около дивана, на котором спит мой защитник, свернуться в клубок — и уснуть. Тихим, мирным сном... который так невероятно щедро, пусть невольно и до конца непонятно почему, дарит этот, такой скандальный, неоднозначный то ли зверь, то ли все же... еще человек.

Когда я вновь открыла глаза, то лежала уже в кровати, за окном — светло, и Еремов — рядом. Не знаю как так, да и стыдно представлять всю это картину целиком: что подумал, как творил, однако... факт есть факт, и благо, что хоть одежду на мне оставил.

И вновь это его, до дрожи уже пробирающее предчувствие: буквально и минуты не прошло, как я на него стала пялиться, и вдруг резко распахнул веки, от яркого света зрачки вмиг сузились, являя широкие карие блюдца. На уста проступила добрая, ласковая улыбка.

— Пельмени? — неожиданно прошептал.

Растерялась я на мгновение:

— Чай.

— ...и чай, — ухмыльнулся.

Отделение. Заболотный. Фирсов. Все выступили. Грановского только не хватает для полного комплекта.

Плевать.

На всё плевать. А после того, как сообщила, что нарыла за эту безумную ночь (принципиально не говоря как и где), Макс и Андрюхе, по большому счету, тоже стало всё равно.

— Только учти, подруга, — кинул на прощание Фирсов. — В этот раз, если что... виновата во всем будешь исключительно ты, и только ты. Помни — этот человек стреляет сразу в лоб, без сомнений и без малейшего шанса на промах. Он всех делит строго на "своих" и "чужих". И не думаю, что мент когда-нибудь сможет войти в первую категорию. Так что еще раз подумай, прежде чем вновь соберешься идти с ним на встречу.

— Балашова, труп!

— Красиво звучит, — язвлю насчет чудесной фразы, что так нежданно обронил, вскрикнул Грановский, не менее неожиданно ворвавшись ко мне в кабинет.

— Ничего красивого, — недовольно пробурчал. — Собирайся. По нашей теме...

И снова парк. И снова очередной душераздирающий результат нашей пассивности, моей неспособности, недостаточного уровня профессионализма, сноровки. Господи, почему ты не дашь мне ума наперед предугадывать шаги этих ублюдков, найти что-то поистине стоящее?

Записи — конспекты, сделанные по книгам анатомии, но даже почерк не Евсева. Никак и ничего к нему не привязать. Номера: один — наш, второй — какого-то магазина (Грановский ездил пробивать), третий — зарегистрирован на женщину из области (курс взял Фирсов), а четвертый — и того не обслуживается.

Скрылись твари. Вовсе скрылись из виду, так что даже слежку не устроить, прослушку не поставить... или еще чего разумного не предпринять. Полный ноль. Мы — полный ноль.

Но, а пока...

Обогнуть, обойти с другой стороны экспертов и присесть рядом с девушкой.

Как всегда, прекрасное, молодое лицо... и без меры изувечено, без капли сострадания изморожено тело. Под ногтями темно-багровая грязь, губы искусаны до крови. Лопнувшие сосуды в глазах... И вновь пытки, и вновь зверство на грани невозможного.

С*ка, как я таких не понимаю... Герои, "ваятели". Тогда с обидчиками так разбираться надо было! Или даже сейчас, но не... с беззащитными девушками, что в несколько раз слабее вас. Почему? За что... именно они? Одна дура недопоняла, испугалась — и всё? Весь чертов

род человеческий проклят? Вновь охота на ведьм, что «так бессовестно лишают счастья, покоя других»? Или что?

Сколько еще будут люди обвинять других в собственных ошибках и неспособности? Собственной никчемности? Сколько?!

— Ну, как? — бросает на меня пытливый взгляд Макс.

Шумно вздыхаю.

— Опять Каренко, судя по лишнему мусору и кривизне, — внезапно вместо меня отзывается Грановский. Встает, снимая перчатки.

— Том? — и вновь слышится голос Фирсова.

Взгляд на товарища:

— Не знаю, я пока не уверена.

Нахмурились, причем оба.

— В смысле?

— Не знаю, — лихорадочно качаю головой. Попытка встать, пошатнулась — вовремя подхватывает Андрюха и помогает встать. — Не знаю...

Опять шепчу я.

— Как так? — не отступает, нервничает товарищ.

Черт, я действительно не знаю...

То ли разговор, откровение перед Еремовым на меня так подействовало, такие яркие воспоминания. Или еще что. Но сегодня впервые чувство, будто... Евсеев вернулся. Будто это его дела, его творение, его "картина", даже не смотря на "недочеты".

Пристыжено поджать губы и замереть, впившись взглядом в девушку.

Да простят меня все... за это моё помутнение. Неясность ума.

Еще миг — и вновь опускаюсь, присаживаюсь на корточки рядом. Нагло провожу рукой по плоти, слегка придавливая у ран. Очищаю от грязи "задетые" места. Поправляю лохмотья одежды.

— Нет, — вновь качаю головой. — Андрей, — зову своего любимого спорщика. Присаживается рядом. — Гляди, всмотришься в эти "косяки". Они... словно внатяжку, словно прилеплены. если там всё было естественно, то здесь... — нахмурилась я, подбирая правильные слова. — Знаешь, — оборачиваюсь, взгляд в лицо — отвечает тем же. — Как когда новой вещи нарочно придадут вид состарившейся, винтажа?

— И?

— Вот так и тут. Всё было идеально. Но нельзя, а потому уже вручную "подсаживали" изъяны. Нарочно портили. Сор, лохмотья, даже ссадина на лице — словно уже после начала окоченения. Ребята, верно? — окрикиваю экспертов, что уже принялись собирать свои вещи.

— Верно, — кивает один из них головой.

Обмерла я, пришиленная сим жутким подтверждением и собственной догадкой.

Полуоборот — и испуганный, взмолившийся взгляд устремляю на Фирсова. Молчит, опарашено выпучив глаза.

Едва осознанно шепчу:

— Евсеев вернулся...

— Ох*еть! — диким ревом заорал на нас Заболотный (на нас, Фирсова, Грановского и меня, рядком стоящих у него в кабинете, пристыжено повесивших головы). — Подражатель у подражателя! Вы совсем что ли е****лись?! — разъяренно затряс перед нашими лицами

рапортом. — Ладно, Балашова! Ей простительно! Но вы, б***ь, мужики! Вы-то что тут сочиняете?! Фильмов пересмотрели, или что?! Отставить мне такую е**тень писать! По форме, в пределах реальности! Но версию не отмечать. Перепроверить раз десять, а потом... если что... Бумага пусть пока у меня полежит! Другим — ни слова. И МАРШ ОТСЮДА ДЕЛОМ ЗАЙМИТЕСЬ! Еще один труп — и сам погоня с вас сдеру! Я ВАМ СЛОВО ДА! Пошли отсюда! — уже более сдержанно добавил. Отвернулся. — Какие гады город в ужасе держат. По новостям так и мусолят эту тему. Меня нагнут — и я вас нагну. Обещаю...

Выйти на улицу — и живо закурить: Фирсов, Грановский, а я лишь украдкой ловлю временами спасительный дым — нелегкая доля пассивного курильщика.

Выдохнуть. Сплюнуть. Скривиться...

Сейчас каждый был готов гатить матом на Заболотного ровно так же, как и он на нас.

Будто мы виноваты, будто не хотим, будто не стараемся.

— Вы че, с*ки, ох***и?! — внезапно послышался где-то крик над нами.

Мигом подняли головы мы: чуть ли не по пояс вывалился подполковник из окна.

— Я вас сейчас, тварей, сам на фарш пушу! — вопит не своим голосом, пуча глаза. — ПО МАШИНАМ — И ЗА РАБОТУ! Еще раз увижу вас здесь не в мыле — за Евсеевым на нары пойдете!

Нервно проглотить слюну. Переглянуться. Потушить сигареты и выбросить бычки в урну.

По машинам.

В этот раз я не решилась остаться в отделении — с Фирсовым рванула куда глаза глядят.

Кафе. Нужно поесть и всё обмозговать.

— А если туда прокатиться, откуда ты материал нагребла? А?

Молча качаю отрицательно головой, не поднимая глаз.

— Но почему? Неужто он важнее... тех девок, что сейчас в гробу почуют? А?

Нервически проглотила слюну. Кривлюсь.

— Че молчишь? — не отступает Макс.

Шумный вздох, едва слышно:

— Зато будет шанс, что он поможет еще раз, если что нароем толковое.

— Или что еще раз засадит тебе?

Обмерла я, уставившись на него, невольно приоткрыв рот.

— Ты не ох**л, Фирсов? — рычу, едва наскребла сил.

— Это ты... — живо вскочил с места, отчего тотчас зазвенела посуда. — Это ты ох**ла!

Определись, или ты — мент, или ты — шмара бандитская!

Разворот, живо достал деньги из кармана и швырнул на стол. Короткий, колкий взгляд на меня (прячущую от стыда очи) — и пошагал прочь, не проронив больше ни слова.

Ждал в машине. Непременно... ждал, вот только... мне больше туда не хотелось.

Вообще, видеть всех их не хотелось.

Понятно. Теперь понятно, как они считают, я получаю информацию от Еремова. Высо**ла, выбл*довала... И былая честь ни по чем: предрассудки решают. Да еще и Заболотный отжег. Значит, вон оно как, да? Балашова свихнулась и ей простительно, но вы-то, мужики, разумные люди, почему не судите трезво, адекватно, в пределах "нормы"?

Ну-ну. Ну-ну...

Встать из-за стола и тоже бросить деньги, оплачивая свой счет. Не нужны мне ничьи подачки.

Взгляд на бармена. Нет, пить нельзя.

И вообще, чего это я? Сразу расклеилась.

Да пошли они все на**й!

Ублюдки. Мент я или шмара бандитская? Шмара. Раз так хотите, раз уже решили за меня — подыграю. Чего уж тут?

Нырнуть в карман, достать телефон и живо набрать номер.

— Грищ, привет. Можно к тебе приеду? А где сейчас? Хорошо, а когда будешь? Отлично, как раз пока по пробкам доеду. Нет, спасибо, я на такси. Адрес помню... Только встретить, пожалуйста, у подъезда, хорошо?

Глава 12. «Шмара бандитская»

Глава 12. «Шмара бандитская»

И пусть в голове роились мысли, словно у сумасшедшего, мечась от горького отчаяния до иступленной жути, отступить... я не намеревалась. Не хотела...

Не было больше сил всё это терпеть, нести на своих поникших плечах.

Устала. От всего устала... Ибо сколько можно еще меня пытаться?

Сесть в такси и торопливо зажать по бокам кнопки, предусмотрительно запирая двери изнутри.

— Это еще зачем? — нахмурился водитель.

— Следственный эксперимент, — невнятно, недовольно буркнула я, отворачиваясь.

Спустя час, а может, и больше, прорвавшись через адский поток ленивых жуков-автомобилей, осаждающих центр и основные выезды на окружную, мы добрались до заветного места.

Новая пятиэтажка. Уютный двор. Знакомый подъезд...

Расплатиться за поездку — и вынырнуть наружу.

Буквально миг — и распахнулись двери. На улицу вышел Ерёмов.

В футболке, в спортивных штанах и кожаных шлепанцах на босую ногу.

Невольно выгнула я бровь, паясничая. Ухмыляюсь:

— Не жарко?

Смеется. Шаг ближе.

— Да ну его нах*р. Уже полпачки скурил, пока тебя дождался. Весь подъезд задымил — опять бабка с первого бурчать будет.

Обнял за плечи и повел к входу.

Улыбаюсь:

— А ты ей цветы подари.

— Какие? — ехидничает. — Парочку гвоздик?

— Дурак ты! — рычу, пнув в бок.

Хохочет.

Мигом открыть электронным ключом дверь — и пропустить меня внутрь.

— Что-то случилось? Или так? — загадочно ухмыляется.

— Так... — неуверенно, несмело шепчу.

...

— Надо же, — заливаюсь улыбкой. — Только сейчас поняла: пятиэтажка — и даже лифт есть. Мажорите!

Зайти в кабину железного зверя, дождаться пока хозяин нажмет кнопку.

— Ну, так! — оперлись спинами каждый на свою стену — друг напротив друга. Опускаю взгляд. Продолжил: — А как бы я тогда тебя к себе на пятый затащил? Пешком по лестнице? — откровенно ржет. — Ага, разбежался!

Чувствую, что уже краснею...

...

Тягучие мгновения — и наконец-то добрались к двери. Звенит ключами... Дрогнуло

полотно. Пропустил меня вперед, а затем и сам нырнул внутрь, пряча нас от всего мира.

— Ну-у, — протянул, — экскурсию, думаю, устраивать не надо — помнишь. Верно?

Так и плещет иронией.

Несмело стаскиваю я шапку. Взвизгнула молния — попытка снять крутку, но не успеваю: вдруг резкое, уверенное движение — и откровенно, силой хватает меня Еремов в свои грубые объятия и тотчас впивается властным поцелуем в губы. Напор — валит на стену. Терпкий вкус табака, вперемешку с дурманным алкоголем заставляет вмиг осознать происходящее. Жалящее тепло и боль... на грани пылкой, жгучей страсти. Полный диссонанс чувств и мыслей. Мышцы сжались внизу живота, дико запульсировала похоть. «Но нельзя!» — отчаянно завизжал разум, предрекая нечто страшное. Попытка вырваться, оттолкнуть Гришу, ударить, в конце концов, но его натиск куда сильнее моего, как и желание...

Тотчас вгрызаюсь в нахала. Вскрикнул от боли, в момент ослабляя хватку. Обеими руками пинаю ублюдка в грудь — попятился назад.

— ОТВАЛИ, УРОД!

Ошарашено выпучил глаза, облизывая кровь на губах.

— Ты чего? — невнятно.

— Еще один шмару себе нашел! Да пошли вы все НАХ**! — живо делаю разворот. — Идиотка! Дебилка я конченная! О чем вообще думала?! — ору, ополоумевшая. Отчаянно со всей дури дергаю дверь за ручку, едва не отрывая оную. Тщетно. Разворот. Диким возгласом: — ОТКРОЙ!

Ошалевши пучу глаза, лихорадочно, шумно дышу рывками.

— Ты чего? — внезапно рассмеялся, нервно моргая, наконец-то отходя от шока. Попытка подойти, дотронуться, обнять меня — силой отбиваюсь, вовсе не сдерживая себя в рамках адекватности.

— Убери руки!

— Да что с тобой? — уже сдержано, серьезно, только сейчас, видимо осознав, что все это не шутки.

— ДВЕРЬ ОТКРЫЛ! — мерно, четко, едва уже не скалясь от злости.

— УСПОКОЙСЯ! — не сдержался от грубости и он. Вновь попытка обнять — вырываюсь в сторону, едва не упав.

— Я тебе сейчас всеку! — реву уже, словно больной медведь.

— ПОПУСТИЛАСЬ, БЛ**Ь! — резво, гневно, жестким приказом, словно окатив мен холодной водой, отчего тотчас поежилась. Замерла, не дыша. Впился неистовым взглядом. — Не трону тебя! — уже более сдержанно продолжил Еремов.

Нервно сглотнула слюну я. Молчу.

— Не стой, как пень, — ведет дальше. — Раздевайся и проходи. Пошутил я.

Разворот — подался в ванную. Включил свет, уставился в зеркало на мгновение, оценивая ранение. Недовольно цыкнул. Закачал головой. Движение на выход.

— Ненормальная... — взгляд на меня, — тебе помочь, или что?

Замер, выжидая.

— Как-то незаметно, — несмело шепчу, отчасти даже страшась, что расслышит, — что пошутил...

Коротко киваю на это его... откровенно «воодушевленное», «восставшее» желание.

Косой, беглый взгляд, опуская голову вниз, вторя моему взору:

— И что? Сильно коробит?

Не отваживаюсь ответить. Лишь смущенно опускаю очи, прожевывая волнение.

— Хорошо, — вдруг резко. — Решим проблему.

Внезапно разворот — и пошагал в спальню. Стою, окаменевши, ожидая продолжения. Взглядом высматриваю итог. Буквально секунды — и вышел с подушкой и одеялом в руках. Резкое движение — тотчас швырнул мне в лицо. Не успеваю схватить, отчего всё вмиг развалилось на полу. Спешно, стораю от стыда, собираю трофеи.

— До санитарной зоны еще далеко, так что можешь расслабиться.

Уверенные шаги — и вновь скрылся за дверью спальни. Долгие, жуткие мгновения — и неожиданно раздался голос. Сначала женский, затем мужской... — телевизор. Замелькал свет от сменяющих друг друга картинок.

Дура. Вот я идиотка... Зачем вообще сюда ехала? Дура! ДУРА!

Надо было домой ехать. И плевать на Евсеева.

Плевать.

С*ка! В том-то и дело, что не плевать... И хоть удавись — да никто не поможет. Ничего доброго — кроме как длительных, сладких мук.

— Жанна, ты? — внезапно послышался голос Григория из комнаты, отчего меня словно током прошибло. — Привет, зай. Как дела? Одна? Да. Приедешь? Почти... Сестра двоюродная, а так один. Хорошо. Жду. Только давай в темпе.

Оцепенела я, огорошенная услышанным.

Скрипнула дверь, а затем и сам вышел «диктор».

— Ты еще одета?

Пристыжено опускаю очи.

— Или опять что-то не так?

Несмело качаю отрицательно головой.

— Сразу говори, а иначе...

Глаза в глаза.

— А иначе что? — из последних сил отваживаюсь я.

Едва заметно вздернул бровью. Взор около.

— Ничего, — разворот и пошагал на кухню. — Захочешь жрать — еда в холодильнике. Думаю, справишься.

— Может, я все же не вовремя? — неуверенно иду за ним. — И мне уйти?

Резко лицом к лицу — испуганно попятилась.

— Ты опять? — гневно скривился.

— Ну, а как же Жанна? Я же явно буду вам мешать...

— Ничего, мы дверь закроем.

Схватил колбасу, батон, пакет молока — и подался в коридор.

— А будешь вые****ться, — продолжил, — больше в дом не пущу, — кинул на прощание.

Постелить себе в зале на диване. Включить телевизор — и бесцельно уставиться в экран. Мысли табуном. Только погонщик совсем глупый. Ничего разумного из этого всего не выходит. Идиотизм какой-то творится.

Сама намек дала — сама отшила. И если он выпивший, а он — выпивший... Черт, какой сегодня день? С*ка, пятница. Ну, пятница же! Вот я идиотки кусок! Сама в западню полезла.

Раздразнила зверя — а теперь еще и злюсь.

Ну, что я за дура набитая?

Звонок в дверь.

Отчего враз передернуло на месте. Живо устремляю взгляд в коридор (будто что-то увижу?). Прислушиваюсь.

Неспешно шоркает по коридору (учтиво по пути закрыл мне дверь, даже не удостоив взглядом).

Еще шаги — и наконец-то щелкнул замок. Женский писк радости, смех. Шорох.

— А она точно не будет злиться? — различаю среди шепота.

— Кто?

— Сестра твоя...

— А, нет. Ей пох*й. Ей вообще на всех пох*й, — немного помолчав, — раздевайся, проходи. Пить будешь?

— Красное полусладкое, если есть.

— Водяра есть.

Хихикает.

— Ты же вроде уже и так... того?

— Недостаточно.

— Ну, ты и странный... И, вообще, сегодня какой-то не такой. Что-то случилось? Губа еще разбита... Опять подрался?

— Об косяк влетел.

Шаги по коридору. А затем звук почти вовсе стих, приглушенно:

— Упал что ли?

— Нет, таракана гонял. Скорость не рассчитал.

— А у тебя тараканы водятся?

— Ты, б***ь, пиз**ть приехала, или тра**ться?

Взвизгнула вдруг и захихикала та...

Буквально еще несколько минут — и звонкий, пронзительный женский вскрик, стон, полный похоти и наслаждения, откровенно раздался, разразился на всю квартиру...

Это было сродни безумию. Эта его тварь всё никак не хотела затыкаться, казалось, просто пробуя меня на терпение и выдержку. На человечность...

— Ну, с*ка! — рявкнула я, живо подорвавшись с дивана, полностью принимая тот факт, что даже гребанный, орущий на всю мощь, телевизор не сможет перекричать это недобитое, скулящее, б***ь, животное.

Мрази!

Живо выключить «ящик» — и рвануть в коридор. Быстро надеть обувь, накинуть куртку. Оглянуться по сторонам: повезло — ключи на тумбе.

Проверить замок и выбраться наружу.

Закрыть дверь.

И что теперь? Куда?

Именно сейчас. Почему именно сейчас, Еремов? А? Когда эта гн*да начала охоту. Когда явно и за мной придет. Почему сегодня? Когда и так все от меня отвернулись, да еще и ты теперь режешь меня по живому?

Ну, боюсь. Безумно боюсь ехать домой! Противно и в отделении.

Ты был последней надеждой...

Хотя сама дура. Сама!

Ладно, прогнала кобеля, даже молодец. Но за язык-то кто тянул? А, ИДИОТКА?

Присесть на ступеньку лестницы и обреченно выдохнуть.

Невольно качаю головой.

По-моему, все мои проблемы — исключительно от меня самой. Зачем связалась с Еремовым? А если и так, то почему не иду до конца? Чего шпыняю?

Хотя... знаю почему. Знаю... Но сегодня он пьян, да и если свет выключить...

(шумный, горький вздох)

Муж брезговал. А тут... малознакомый, да еще герой-любовник.

Предательские слезы подступили к глазам.

Сколько можно уже себя жалеть? Ныть? Жаловаться? Сколько?!!

Наверно, безмерно... Сама уже устала от всего этого, но и жизнь — не дает повод свободно вздохнуть.

Опереться спиной на прутья перил и зажмурить веки. Мысли прочь! ПРОЧЬ, С*КИ!

Как же хочется покоя... Простого, пресного, унылого ПОКОЯ! Хоть чуточку! Хоть глоток!!!

Ан нет!

Мало старого, лови новое!

Внезапно послышался шорох где-то внизу, загудел лифт. Отчего тут же невольно подкинуло меня на месте.

А если он следил за мной? Уже следил и пришел прямо к этому дому? А если он здесь? И опять меня схватит?

Мигом срываюсь на ноги, разворот — и буквально едва ли не лоб в лоб столкнулась с каким-то мужчиной. Дикий, отчаянный, неистовый визг, ор вырвался из меня наружу, убегая от страха, что заживо льдом сковал все внутри. В груди сжалось все — и вдохнуть никак. Бешено таращусь.

Вдруг миг — дверь распахнулась и вылетел Еремов.

Резвый взмах — и огромный, плечистый мужик буквально замертво рухнул наземь.

Окаменела я, словно неживая.

— С-с*ка, Василич! — недовольно, отчаянно протянул Григорий, потирая кулак. Закачал головой негодуя, взглядывать на сраженного. Стремительный разворот. Глаза в глаза со мной. — ДУРА! Ты че орешь?!

Пытаюсь сказать, да сил не хватает — прожевываю.

Момент — и раздался испуганный женский вскрик за Ереминой спиной. Обращивается, заодно давая возможность и мне ее лицезреть.

Русоволосое, худосочное, лохматое создание, что жадно сжимало у себя на голой груди кончики простыни, дабы хоть как-то скрыть свою позорную наготу, пялилось на вероятный труп.

— Кто это? — осмеливается на звук девушка.

— Да, б***ь, сосед мой! — гаркнул Еремов. Скривился, качая головой. И снова взор на меня. — Ты че сюда выперлась, я еще раз спрашиваю? Или приключений захотела? Нравится? — кивает в сторону мужчины.

— Жив он? — испуганно шепчет «Жанна».

— Да вроде сопит, — присаживается рядом "защитник". Проводит по голове

пострадавшего. — С*ка, кровь...

— Гриш, ты же голый... — неожиданно огорошивает его барышня.

Резво устремляет на нее взгляд:

— И че, б***ь?

— Ну... — растерянно пожимает плечами та.

— Еще одна! — гневно рычит. Косой, беглый взгляд на меня (уже рдеющую, не знающую, куда отвести очи) и снова на потерпевшего: — Эй, Василич! Ты меня слышишь? — попытка привести того в чувства, отвешивая оплеухи.

— Может, скорую? — наконец-то нахожу силы на слова (сухим, охриплым голосом).

— Х*ёрую! В квартиру помогай затащить! — приподнимает за плечи. Неуверенно, не особо ловко, но подчиняюсь.

Взгляд Еремова на свою девицу:

— А ты съ**ись, чтоб я тебя не видел!

Нашатырем привести в чувства бедного соседа, перекистью промыть рану.

В общем, жив. Да еще, как он сам принялся утверждать, здоров и безмерно хочет вернуться домой. Что сам уже не помнит, почему вышел на площадку и куда направлялся (но, судя по всему, все же — курить)...

Так что буквально еще минут десять-пятнадцать, дабы убедиться, что ничего его жизни не угрожает, Еремов (еще задолго до этого благодушно надев штаны, не без моего морального давления) отвел знакомого этажом ниже...

— Значит, у Еремова в квартире... — захохотала вдруг Жанна, меряя меня (сидящую на диване) циничным взглядом. Оперлась спиной на косяк, на входе в зал, — ...мент? Да еще и при каких погонах... — ухмыляется.

— А тебе что-то не нравится, да? — откровенно грублю.

Смеется.

— Да. Я тебя еще с бани помню. Уж слишком он тебя там лапал, как для сестры...

Неожиданный шорох раздался за ее спиной, отчего та вынуждено обернулась, устремив взгляд в коридор: рыкнули двери, щелкнул замок.

— А ты че еще здесь? — оторопел вдруг Еремов в шаге от нее, руки в боки. Всматривается на барышню.

— В смысле? — засмушалась, замялась та. — Я думала, мы продолжим... вот даже и не одевалась...

— Я и вижу. На**й отсюда пошла! Некогда мне с тобой сейчас разбираться! — вдруг злобно рывкнул и отвернулся. Бешенный взор на меня.

— Гриш... — растерянно, обижено пропела девушка.

Нехотя косой взгляд на нее. Раздраженно скривился:

— Ты, б***ь, глухая, или что?

Недовольно стиснула губы девка. Короткие за и против — и вынужденно сдалась: разворот, пошагала в спальню.

— Ну, козел, позвонишь ты мне еще... — тихо, сама себе под нос (отдаляясь).

— И прибежишь! — черство, констатируя, гаркнул Григорий.

Качаю головой, закатив глаза под лоб.

— А ты че кривишься мне тут? — мигом рывкнул уже на меня. — Ты, б***ь, чем вообще

думала, когда туда выпиралась? Или что это было? — уже не обращая внимания на шорох в коридоре, на посторонних, делает шаги ко мне ближе. Разъяренно жестикулирует. — Решила съе****ся? Так съе****лась бы! Чего остановилась? Чего визжала?!

Виновато прячу взгляд.

— Я думала, то Евсеев... — едва слышно в нелепое оправдание.

— Ах, Евсеев! Страшно ей стало! А *** лысого ты тогда из квартиры свой зад паршивый высунула?! Пришла гаситься — вот и сиди, не дергаясь!

— Да иди ты! — взвизгнула я обиженно. Резко встаю, но вдруг движение, напор — и пнул, толкнул обратно, отчего тотчас повалилась на диван, словно куль.

— СИДЕТЬ, Я СКАЗАЛ!...когда с тобой разговаривают. Куда опять лыжи наострила? Мало одного чуть до гроба не довела? Еще надо?!

— Еремов! Ты забываешься!

— Я? — оторопел, вскрикнув. Вдруг резвое, бешенное движение и, ошалевший, пнул, перевернул рядом стоящий кофейный столик. — ЭТО ТЫ! ТЫ, Б***Ь, ЗАБЫВАЕШЬСЯ! КОМУ и ЗАЧЕМ пришла! Я к тебе в няньки — не набивался! Пришла — СИДИ! И нех** мн тут вые**ваться! Я — не твой папка! И даже не муж! Нужна помощь — пожалуйста! Не только веди себя — ровно, и не рамсишь тут и нервы треплешь!

Обмерла я.

Решаюсь на едкое:

— А "ровно" — это ноги перед тобой раздвинуть, да? Или можно только отс****ть?

Аж побелел от услышанного.

Лихорадочно проморгавшись:

— Ты сейчас... схлопочешь. Сказал же — пошутил!

— А потому и притащил эту шмару, да давай с ней гастролировать так, что от ее ора во всей квартире некуда было деться? Да?!

И вновь проглотил упрек.

Шумный выдох.

Вдруг разворот и пошагал из комнаты долой, гневно махнув на меня рукою:

— Короче, всё понятно с тобой!

— Со мной, или с тобой?! — смело бросаю ему вдогонку.

Обмер, не шевелясь (отчего тут же я прикусила язык, запнувшись от страха).

Но не обернулся. Секунды раздумий — и все же продолжил свой, ранее заданный, путь.

Не знаю, сколько прошло времени: пятнадцать, двадцать минут, а может, и полчаса — прежде чем я осмелилась встать с дивана и пройтись по комнате. Перевернуть, поставить обратно стол. Собрать с пола разбросанные Еремовым вещи: журналы, какие-то бумаги, платежи — и положить всё на место. Поправить подушку, одеяло. Взять пульт. Растерянный, отчасти бесцельный взгляд около. И вдруг словно кольнуло что-то внутри меня. Что-то встрепенулось, дрогнуло... Движение ближе и усталилась, прозревши: конверт. На столе лежал конверт, вот только на нем — не фамилия Еремова, и не еще какая-нибудь ерунда, нет. Большими, печатными буквами выбито... "Балашова Т. Ф."

Адрес не указан: ни получателя, ни отправителя, как и имени того, кто послал.

Жидким азотом обдало меня враз, разливая по венам неистовый ужас. Перехватило дыхание. Тихий, отчаянный писк, словно кто-то душу мою за щупальца потащил наружу. На глаза проступили слезы. Лихорадочно дрожу, как болванка на ветру: последний оплот пал.

Попытки позвать Еремова — но лишь нелепо, как рыба, глотаю воздух...

— Гриша... — наконец-то, осипло.

Задыхаюсь. В груди жутко сдавил страх, отчего просто невозможно сделать свободный, полноценный вдох. Боль тяжелым ядром отдает, оседает внутри меня, стреляя в спину.

— Гриша! — давлю из последних сил. — ГРИША!

(пищу, словно перед смертью, испуганно тараща очи)

Миг — врывается. Тотчас хватает меня за руки, пресекая судорог пляску. Ошарашено всматривается в лицо:

— Присядь.

Напор — но ничего не могу сообразить. Ничего не могу сделать, невольно сопротивляюсь.

— Откуда? — шепчу отрешенно, тычу, непроизвольно мня, бумагу. — Откуда оно?

— Что? — нахмурился. Взгляд на конверт. — Что это?

— Откуда письмо?!

— Письмо? — неподдельно удивился. — Да не знаю! — взмахнул рукой. — Я таким давно не маюсь!

— Это — Евсеева... Откуда оно здесь?

— Да ПРИСЯДЬ ТЫ! — гневно рявкает и, причиняя боль, напором опускает меня на диван. И вновь глаза в глаза: — С чего ты взяла? — голос стал тихий, добрый, успокаивающий. — Причем здесь Евсеев?

— Он на охоту вышел. И вот прислал за мной...

Удивленно выгнул тот брови.

— Я чего-то не знаю?

Нервно проглатываю слюну.

Хочу сказать, да сил уже нет.

— БАЛАШОВА, мать т***! — вдруг встряхнул за плечи. — Не закрывай глаза! Вот с*ка! — слышится, да не видится уже... мой Еремов. Задергался. Чувствую, как оседаю на что-то мягкое.

— Алло, скорая! Человеку плохо. С сердцем что-то. Да не знаю я! Приезжайте скорее!..

Глава 13. Послание

Глава 13. Послание

(Е р е м о в)

Вальяжно развалился в кресле доктор и, устремив на меня пренебрежительный взор, зацокал ручкой по столешнице. Ехидно улыбнулся:

— Зря паниковали. Никакого сердечного приступа. Пошалить сердечко — пошалило, но вот до инфаркта...

— И что теперь? — сдержанно.

— Ничего, — шумный вздох. Взгляд около, а затем вновь на меня. Опять скалитесь, мразина: — Нужные препараты укололи. Свои лекарства пусть не забывает пить. А сейчас седативного — да пускай отоспится. Мы за ней присмотрим — ничего такого здесь нет. Сколько уж можно повторять? Просто так отдать я ее не могу. Это всё — страховка, документы, проверка... А вот через несколько дней — подъезжайте и забирайте эту вашу... вопящую паникершу.

Облокотился я на стол, глаза в глаза, с вызовом:

— Еще, с*ка, хоть одна ухмылка на твоей е***ной роже — и как бы уже твое сердечко не стало шалить, а ты — не начал вопить. Усёк?!

И Балашову я забираю — сегодня.

(Т а м а р а)

Очнулась в машине. Судя по знакомым деталям — Гришина... За окном — темно, лишь только то удавалось разглядеть, что устало очерчивал своим медовым светом фонарь.

Вывески «Автомойка», «Автосервис».

Попытка открыть дверь — тщетно. Заперто, и даже кнопки замка не удастся вытащить. Нырять в карман — силюсь отыскать телефон. Ну, хоть ты, родимый, не подвел — и батарея не села...

Гудки... Однако не берет мой герой трубку.

Внезапно дрогнуло полотно, послышался писк, отворились ворота в одном из белых отсеков. Показалось два силуэта. Один мужчина остался стоять на месте (судя по всему, курить), второй же — устремился ко мне. Шаги ближе. Лишь только вблизи признаю — Ерёма.

Щелкнули затворы, запищали кнопки. Рванул на себя дверь.

— Ты как? — присел на корточки рядом. Взгляд в глаза. Неожиданно потянулся — ласково коснулся моей щеки рукой, провел вдоль скулы — поежилась.

Машинально от волнения скользнула я взглядом около. Но буквально миг — взор Еремову за спину, туда, где бродил его "товарищ", — и обмерла, прозревши... Краем глаза (и то, в последний момент, когда мужчина уже, скрывшись внутри, захлопывал за собой дверь) уловила нечто жуткое. Тотчас отталкиваю Еремова (отчего тот пошатнулся и чуть не упал на асфальт — вовремя оперся на руку). Выбираюсь на улицу — и мчу, рву, лечу туда, словно ополоумевшая.

Резво дергаю полотно — тщетно. Бешено тарабаню кулаком.

Поспешил и Григорий за мной — буквально за секунды замер рядом:

— Ты что творишь?! — попытка заглянуть в лицо.

— Это вы что творите?! — гневно рявкаю на него, на мгновение обернувшись. И снова луплю со всей дури, но уже обеими руками о бездушную железяку.

Взвизгнул замок — дрогнула преграда.

— Че еще? — послышалось оттуда.

Мигом врываюсь внутрь — обмерла, ошарашенная.

Чуть сбоку, рядом с разобранным автомобилем — избитая, окровавленная, замученная на стуле в полусознании сидела... Жанна.

— Вы че, ур-роды, с ней сделали?! — дико воплю. Шаг ближе.

Тотчас лениво повела головой девушка, услышав звук.

Уставилась мне в глаза. Откровенно, презрительно захохотала:

— Лучше бы он тебя полностью выпотрошил, тварь убогая! — обмерла я, пришипенная прозрением. Молчу, округлив очи. — Мент вонючий! — с отвращением сплюнула в мою сторону та. — Хотя, конечно, и без того мужик... на славу постарался...

— ЗАВАЛИСЬ, С**А! — яростно пнул ногой по стулу какой-то мужчина, отчего Жанна тотчас пошатнулась.

— И ты... ты, мерзкий шакал! — рявкнула отчаянно уже тому. — Защищаете ее! А потом она вас всех пересаждает! ВСЕХ! И будете уже на голые стены лысого елозить, да цифирь свой по кругу гонять, долб***ы е**чие!

— Том, пошли, — бережно, с опаской коснулся, обнял меня за плечи Григорий и силой, напором обернул к двери. — Идем? — попытка заглянуть в глаза.

А я уже почти и не вижу ничего за слезами.

Очередными слезами...

— Отпустите ее... — едва различимо, хрипло шепнула я.

Жуткая... тягучая пауза. Разрывающее изнутри сопротивление.

...и наконец-то сдается.

Шумный выдох, разворот.

Косой, беглый взгляд на товарищey и, скривившись от отвращения, коротко кивнул Еремов.

Кто-то сплюнул от злости...

Опять напор — вынужденно подчиняюсь: уже бреду с Гришей на выход.

— Вставай, б***ь! — послышалось за нашими спинами... раздался грохот. — Повезло тебе сегодня, гн*да ссаная...

Забиться в угол на заднем сидении авто и тихо, позорно завывать.

Взревел мотор. И лишь косые взгляды в зеркало заднего вида бросает на меня Еремов.

— Ну, хватит, — не выдерживает. — Она еще свое отгребет... не от нас, так от других.

Всхлипываю.

— А если она права?

— В чем? — от удивления даже обернулся на миг.

— Лучше бы Евсеев... завершил свое дело. Ничего и не было бы уже. Может, даже и эти были бы живы...

— Ага, — язвит. — Так он тобой и насытился! А что семь лет мотал, а не разгуливал, кромсая налево и направо, уже ничего не значит, не?! Не мели чушь! Ты его засадила! Поймала и засадила! И этим многих спасла!

— Не я...

— ТЫ! — вновь полуоборот на секунды. — Ну, не повезло — не удавился урод по пути. Бывает... Главное, успокойся. Сейчас разберемся во всем, найдем подход — и решим проблему. Самое важное — не истерить и не впадать в панику... Как мне ты тут выдала. Я чуть сам коней не двинул от всего того вида.

— Какого? — морщусь в предположениях.

— Такого, — резко гаркнул, но затем осекся, — когда глаза под лоб пускать стала, — скривился в печальной улыбке, изо всех сил стремясь настроение переиграть.

— Куда едем? — словно очнулась я, когда Григорий резво свернул с основной дороги.

— Пожрать да спать. А то уже больше суток на ногах.

— А письмо? — испуганно шепотом я.

— Что? — бросил на меня взгляд в зеркало.

— Давай хотя бы Фирсову завезем. Пусть отпечатки снимут, посмотрят, что внутри.

— Не поверишь, — неожиданно рассмеялся, отчего обмерла я, выжидая. — Уже съездил, уже отдал. И даже "корешан" твой успел отзвониться: передал, что ничего такого нет. "Пальчики" есть, помимо наших с тобой, но они ни Евсееву, ни Каренку не принадлежат. Вероятно, Жанны. Она же его и принесла, конверт этот е**чий, ко мне в квартиру... Но кто ей вручил, хорошо не рассмотрела. Говорит, мол высокого роста какой-то мужик, с капюшоном на голове по самый нос. Неразборчиво бормотал что-то. Поняла лишь, что надо передать Еремову, но не в руки. Сам же не может, так как в квартире мент, и его могут запалить, — шумный вздох. — Внутри же, кроме рекламной брошюрки какой-то выставки, ничего такого нет...

— Что за выставка? — робко шепчу.

— Да какого-то имбецила, который какому-то животному кишки выпустил и искусством назвал.

Нервно сглотнула слюну я:

— Выставка "одиозного ваятеля", — торопливо повторяю слова, что уже как мантру заучила. — Он пытается через их символы достучаться до нас. До меня — единственного, так хорошо понимающего его зрителя... слушателя.

(стираю остатки слез, соплей)

— В смысле? — резко по тормозам. Обернулся целиком.

Нахмурился.

Тяжело вздыхаю, опустив голову. Смущенно:

— Пока я вела это дело, то такие мелочи никто не замечал, даже я: думала, что просто совпадения. И потом, конвертов поначалу же не было. Только сами листовки подбрасывал кто-то в почтовый ящик. А вот когда уже закрыли Евсеева — там и письма пошли (без указания отправителя): на Новый Год вместо открытки, или еще когда. Да даже на развод прислали: религиозную брошюрку... с таким удачно подобранным названием, до сих пор помню: «Слепой, да прозреет». Вот как так? — взгляд на Ерему: — Сидя за решеткой, в сотни километров от меня, он все равно знал всё о моей жизни, следил за ней... С помощью Каренко, или сам — уже не знаю. Но уже тогда готовил меня к тому, что придет день, когда он завершит начатое...

Немного помолчав, добавила (нервно сглотнув слюну, вновь опустив очи):

— Значит, животное, говоришь... которому выпускают кишки?

Послышался гудок сзади стоящего автомобиля.

— Балашова, — позвал, не реагируя на посторонних, Еремов.

Покорно поднимаю взгляд: глаза в глаза.

— Ты, б***ь, со мной сейчас, так что нех** дергаться! Ясно?

И снова гудки...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вынужденно тороплюсь с ответом:

— Да.

Довольно кивает головой. Разворот.

Поддать газу, переключая скорость — даже не смотрит на нервных за окном.

— А животное там, — вдруг задумчиво продолжил, — или сам черт — мне ср*ть! Пусть лучше сам переживает, как бы ему чего не вспороли...

Ресторан домашней кухни.

Картофельное пюре с котлетами, томатный сок...

— Ешь, — подвигает тарелку ко мне ближе. — А то, небось, забыла уже, как еда нормальная выглядит. Осталось еще гастрит заработать для полного счастья.

— Он и так давно уже есть, — неохотно бурчу, беря в руку ложку.

— Че так? — ухмыляется.

Шумный вздох. Взор обрушиваю ему в лицо:

— А почему бы и нет? Нервы постоянно на пределе. Сутками, что тогда, что сейчас — на работе. Некогда и поесть нормально. А после развода — и того нет желания готовить. Вообще, на многое нет охоты, когда живешь один. Не мне тебе рассказывать, — криво улыбаюсь. — Нет нужды ни постель заправлять, ни даже супы варить...

— А ради себя?

Обмерла я, подбирая слова.

— Ради себя? Ради себя... я даже не уехала из этого чертового города. Еще до встречи с тобой... Может, и ничего бы не случилось... Может, и не нашел бы меня Евсеев... Или в милицию не пошла бы — стала врачом, либо воспитательницей. Няней, так ты говорил? Спасала бы жизни, как и здесь, или просто кому помогала, вот только... не отдавая судьбу, тело и душу взамен.

— И мы бы и дальше творили... свой беспредел, — добро так, весело рассмеялся, кивая головой Еремов. — Но разве это лучше? — улыбнулся.

— А то вы так не творите?! — сквозь ухмылку с негодованием гаркнула я.

Захохотал.

— Но сколько тех, кого ты остановила. Разве не так?

Смолчала.

— И взгляни на себя, — внезапно продолжил. — Честный, добрый, самоотверженный милиционер. Подтверждение того, что еще не все прогнило в этой стране...

Печально, горько саркастически рассмеялась я:

— Мент? Выбравший сторону бандитов?

Заржал пристыжено, на мгновение пряча взгляд, Гриша. И снова глаза в глаза:

— Это еще кто кого выбрал, Балашова?

Молчу, чувствую, что краснею... Короткая пауза.

Продолжил:

— А ты... Хотьними с тебя форму, отбери корочку, и даже в кровать к бандиту

положи, все равно остаешься ментом. Стражем правопорядка. Я не удивлюсь, если в какой-то момент ты выберешь правосудие, а не меня. И это будет естественно. Логично... Так что... — вдруг кивнул на тарелку мою, — ешь давай и не грузись всяким бредом. Рожденный летать — ползать не станет.

— Если только ему крылья не отрубить.

— Путь сначала попробуют...

Приехать домой к Еремову. Живо стащить с себя куртку, обувь и проследовать за Гришей в зал.

— Ну что, — обмер посреди комнаты, улыбаясь. Чешет затылок. Взгляд на меня: — Я на диване, ты — на полу, все как всегда?

Заливается смехом.

Подстебнул, так подстебнул.

Ухмыляюсь.

— Раз хозяин дома так говорит... — пытаюсь не уступить я.

Смеется.

Шаг ближе и вдруг обнял за плечи, дружески.

— Или в кровать? — а глаза так и блестят потаенной радостью. — Без всяких там «шуры-муры»?

— А ты сможешь? — чувствую, как уже краснею от одной только этой мысли.

Ухмыляется:

— Постараюсь.

— И где, прям там? — киваю головой в сторону спальни. — Где ты свою голосистую таскал?

Пристыжено опускает очи на миг, поморщившись.

— Ну, ладно уж. Идиот, — обнимает еще сильнее, не сопротивляюсь. Глаза в глаза. — Прости меня. Перегнул палку.

— Бросал бы ты пить, Гриш...

Недовольно скривился.

Шумный вздох — и отступает, выпускает меня из своей хватки.

— Что молчишь? — не отступаю я.

Вдруг захохотал. Косой, коварный взгляд на меня:

— Еще не жена, а уже командует и воспитывает.

Мурашки побежали по телу от таких слов. Но пытаюсь не подать виду:

— Для тебя же будет лучше. А то совсем... другим становишься. То шуточки недалекие, то ярость... звериная.

Помрачнел. Стал серьезным. Внезапно выровнялся. Пристальный, изучающий мое лицо, взгляд:

— Хорошо.

Я даже поперхнулась слюной от неожиданности.

Продолжил:

— Пока будешь у меня жить — воздержусь. По крайней мере, постараюсь. Идет?

Смущенно опускаю взгляд, улыбаюсь (а щеки так и пылают огнем), несмело киваю:

— Идет. С радостью...

Ухмыльнулся.

Сменить постельное белье — и завалиться на мягкую кровать, забуриться под теплое одеяло.

Отворачиваюсь, взгляд за окно, испуганно, взволнованно выжидаю...

Не прошло и пяти минут, как, наконец-то закончив чистить зубы, зашел в спальню Еремов. Невнятный шорох — и тотчас вторая половина просела под его весом. Ловкое движение — и вдруг откровенно, нагло прижался ко мне, обнял и подло затих.

— Гриш, — рычу я сквозь улыбку.

Делает вид, что не слышит. Но чую же, гад, ухмыляется.

— Может, ты и «спишь», но вот хвост твой...

Тихо ржет про себя (содрогается, будучи не в силах сдержаться).

— Ниче. Не укусит...

— Кто? Хвост? — язвлю.

Смеется (хотя и уже едва различимо).

Лениво:

— Змей...

— Я тебе дам змей! Гриш, ну, отпусти! Я так не усну! Мне душно! — отчаянно, писком.

Попытка разодрать кольцо его рук, вырваться из плена — да тщетно. Скотина, нарочно сопротивляется, хотя и строит вид, будто уже крепко, беспробудно спит.

Ну, гад!

Шумный вздох и "вынужденно" смиряюсь с поражением... счастливо оседаю, утопаю в его нежной, дерзкой хватке.

Следующая неделя тяжело мне далась. Даже не смотря на то, что... вечерами под искры бешенных взглядов моих коллег меня радушно встречал, забирал и увозил к себе домой Еремов, дни тянулись медленно, и часы казались вечностью.

— Ты же понимаешь, куда ты скатываешься? — не выдержал как-то Макс и вновь затронул болезную тему.

— Понимаю.

— И не страшно?

— С ним — нет, — режу правду, сама того даже не ожидая.

Качает недовольно головой:

— Лучше бы ты... о Евсеев столько думала, как о нем. Поди, больше бы толку было...

Разворот и пошагал прочь.

С*кин сын.

Будто я об этой твари не думаю: сутками, б***ь, сутками напролет!

— Ну что, — оставил на меня свои карие очи Григорий. — Сразу домой, или в магазин, как ты там вчера все упрашивала?

Даже просияла я от такой радости:

— В магазин! Хватит по ресторанам шататься! Поди... и сама смогу такое сварганить.

— Зачем мне такое? — язвит. — Я вкуснее хочу!

Закатила раздраженно глаза под лоб (во многом притворно):

— Вкуснее — сам делай. А я сделаю — как смогу!

...

Пройтись вдоль стеллажей с умным видом собирая в тележку продукты.

Черт, сколько времени уже прошло. Помню, когда так с мужем ходили... Тогда еще только начинались супермаркеты, не было такого ажиотажа, массовости. Все так интересно, необычно... и коряво, непривычно. Я же, как ошалевшая, моталась с корзинкой меж рядами согласно составленному списку общих нужд, в то время как мой "благодарный" — лишь по своим точкам, выбирая «вкусняшки». С*кин сын. Как же он меня тогда бесил! Нет бы по делу, а то все идиотизмом занимался. Нарочно дразнил. Зато мне позволить себе "лишнего"... уж никак было нельзя. Будь неладен этот гад! Даже сейчас настроение испортил... этими тупыми воспоминаниями.

Обмерла я. Взгляд на Еремова.

Заметил, ухмыляется.

— Что? — кивает головой.

— Да ничего, — смеюсь. — Ты такой послушный, гуськом ходишь, помогаешь. Прямо дико...

— Это ты дикая, — вдруг смеется. Шаг ближе и обнял за плечи при всех, притянул к себе — поцелуй в висок (попал в шапку). Тотчас живо выпускает из хватки (видимо, пока не заехала кулаком).

Ошарашено пучу на него глаза:

— Это еще что?

Улыбается нежно так, добро:

— А что, нельзя? Мы же на людях, — осматривается по сторонам, тихо хохоча. — Если что... спасут от похотливого хвоста.

— Змея, — язвлю (с того дня любимая наша шутка... и тема).

Шаг ближе. И, обжигая мои губы своим дыханием, проговорил:

— Да как угодно его называй, главное... подпусти.

Жаром обдало вмиг меня, сжимая внизу живота мышцы. Запнулась, забыла, как дышать.

Отчаянный шаг в сторону, отворачиваюсь, улыбаясь (а сама уже горю от стыда, краснея):

— Еремов, по-моему, ты забываешься...

— Ну да. Жена-монашка — беда в семье.

— Что? — ржу. Резвый разворот. Взгляд на этого нахала.

Заливается смехом:

— А что? Живем вместе, едим вместе, за продуктами — вместе. И даже спим в одной кровати. Чем не жена?

Качаю головой, возмущенно закатив глаза под лоб:

— Дурак ты! И этим все сказано. Похотливый, одурманенный спермотоксикозом, дурак. Давно бы уже нашел себе еще какую-нибудь... Жанну.

Внезапно шаг ближе — обнял за талию. И снова так близко его лицо к моему, нарочно дразня, провоцируя.

— Ты же потом меня первая кастрируешь за такой загул.

— А ты попробуй.

Взгляды скатились к губам друг друга.

Нет сил даже сделать вдох. Притяжение накаливается вольфрамовой нитью.

И вдруг:

— Хорошо.

— Что?! — невольно даже взвизгнула я от испуга.

Отступает шаг назад, коварно ухмыляясь. Движение вбок — и неожиданно берет с полки два манго.

Ржет.

— Глянь, — тычет мне, — на твои похожи! — прикладывает к своей груди, паясничая. Ну, точно глупый юнец!

А я стою, как дура, пришиленная его предыдущими словами и вполне серьезным тоном.

Не могу даже справиться с собой, хоть и сдаю все чувства сполна.

Отложил фрукты в сторону. Вдруг облокотился на тележку. Пристальный взгляд мне в глаза. Вполне серьезно шепчет:

— В эту пятницу... баня.

Шумный, горький делаю вздох. В горле тотчас заскребла обида.

Все-таки... поедет.

Поджимаю губы, опускаю глаза.

— Хорошо, тогда до субботы. Побуду в отделении. Не хочу мешать... как в прошлый раз, с Жанной.

Смеется. Выровнялся на месте.

Вздыхает:

— Ты там тоже нужна.

Выстреливаю взглядом. Пораженная, я даже не знаю, как правильно отреагировать:

— Зачем?

— Человек придет... важный. Из области. Как раз по поводу твоей ситуации.

Нервно сглотнула слюну:

— А я зачем?

— Затем, — вдруг кидает жесткое, серьезное, явно давая понять, что это не предложение, а приказ.

За. Против. Будто есть выбор?

Несмело киваю, обреченно:

— Хорошо. Баня, так баня...

Глава 14. Важный человек

Глава 14. Важный человек

Алтухов Виктор Семенович. Вот кто этот «важный человек из области», вот, ради кого мне вновь пришлось осмелиться отправиться с Еремовым в баню и опять практически полностью оголиться (хоть и скрывшись, в итоге, за простыней).

Бегло, «невзначай» представить меня мужчине. Лет так под шестьдесят; лысоват, хотя кое-где все еще прикрывала его голову седина; жилистый; и на коже у него, как и у меня, вся история жизни была выцарапана. Однако, если в моем случае — просто уродство, то у него — темно-синие письма, глубокого смысла картины, что так небрежно, но гордо, исполосовали шрамы. И создавалось всё это — годами, и не за простые дела.

Сегодня было проще: уже не было этого адского скопления народа, да и девиц сомнительного поведения тоже. Ребята Еремы (в том числе Боря), люди Алтухова, невесты да жены некоторых из них (как потом выяснилось; кстати, и Лена здесь тоже была). Ну, и непосредственно я с Гришей. Всего человек пятнадцать.

Да и на столе, вместо коньяка, виски и водки — чай; а по еде, как и прежде: фантазия серверовщика разгулялась на полную...

Больше всего я боялась того момента, когда Еремов затронет тему, из-за которой мы все здесь собрались. Или даже сам Алтухов... Я понимаю, как это важно для Еремы, вернее, важно для меня, а вот для Гриши — сложно и ответственно. Что не могу подвести или показаться душой перед таким человеком, как Виктор Семенович, однако... если наедине я и смогла это все озвучить, то так... здесь, при всех, да еще и незнакомых (не считая Гриши и Бори)... я не смогу. Я понимаю, что надо... Но не смогу.

Хватит из меня того года, пока суд шел. Сколько нервных срывов было — спасибо Фирсову, в психушку не попала. А так приходилось каждый раз возвращаться в тот ад, и все выворачивать из души наружу, на публичное обсуждение, дабы наконец-то те приняли решение: кто же из нас... врет.

Но опять я допускаю свою старую ошибку: почему-то считаю, что кто-то, что они — глупее меня. Что не смогут понять элементарного. А потому уже и поздний вечер наступил, а темы болезненной так и не прозвучало. Мало того, складывалось впечатление, что Алтухов вовсе не в курсе того, что со мной случилось (или ему просто плевать). Народ веселился. Шутки, байки и даже песни. Хохот не смолкал ни на миг.

— Ба-бо-ньки, ба-бо-ньки! — вдруг отозвался сквозь смех Виктор Семенович. — Поторопитесь в парилку! А то мы сейчас уже там засядем — и будете опять на нас губы свои дуть...

Зашевелились барышни, покорно покидая свои места.

Испуганный, пытливый взгляд бросаю на Еремова: слова Алтухова явно отдавали намеком желанья остаться наедине. Но внезапно забросил мне руку на плечи Гриша — и прижал к себе. Короткий поцелуй в макушку. Не отпускает.

— Ладно, народ! Пошлите и мы тогда покурим, — послышался голос Бори.

Подчиняются уже и ребята.

Решаюсь на слова (едва различимо шепчу на ухо Ереме):

— Мне, может, тоже уйти?

Немного отстранился. Глаза в глаза:

— Нет, — коротко, но глубоко.

От страха внутри все сжалось...

Только захлопнулась дверь, как вдруг Григорий отодвинулся, выпустил меня из своей хватки.

Пристыжено опускаю очи, замирая слово перед судьей.

Шумный вздох — и вдруг прокашлялся Алтухов:

— Тамара...

Испуганно, учтиво перевожу, выстреливаю взглядом в глаза говорящему.

Молчу.

— Ты же понимаешь последствия всего этого?

Обмерла я, ошарашенная. Не дышу. Хотелось и вовсе сквозь землю провалиться.

«Чего этого?»

Словно понял вопрос. Продолжил:

— Будут вопросы — и нужны будут ответы.

Нервически сглотнула я слюну, робко киваю головой, соглашаясь: деваться некуда. Сейчас страшнее даже, чем на суде.

Громкое сопение, выдох — и отодвинулся, оперся на спинку лавки.

Барский взгляд на меня:

— Особые пожелания будут?

Ошарашено выпучила я на него очи. Несмело отрицательно качаю головой.

Вздернул бровью, хмыкнул. Взор около.

— Даже так?

И снова глаза в глаза, но я уже не выдерживаю — виновато опускаю взгляд.

Шумный выдох в очередной раз и внезапно отозвался:

— Ты правильно сделала, что... Некоторые вещи иногда по-другому не остановить: когда ваши законы не работают, наши — исполняют. Надо широким взглядом на мир смотреть, а не упираться, как баран в запертые ворота. Тогда много гадского можно предупредить, и много кого спасти. Так, ладно, Гриш, — хлопнул ладонями по коленям и неохотно встал с места. — Иди зови братву. Пойдем в парилку. А то девки наши... уж совсем там сварятся.

Обмерла я даже, растерявшись. Как, и это всё? Или о каких «вопросах» и «ответах» он говорил?

О тех, что будут... после?

Поднялся с лавки Еремов. Добрая, нежная улыбка мне:

— Не скучай. Сейчас придет к тебе твоя группа поддержки. Главное, не забалуйте здесь без нас.

Хохочет.

Не сдержалась и я: усмехнулась в ответ, сгорая в растопленных нежных чувствах и невольном смятении.

Не знаю, сколько времени прошло, пока они там парились, но казалось — целая вечность.

Наконец-то дверь распахнулась — вышли все. Все, кроме Бори и Гриши.

Шумный, нервический вздох, утопая, скрываясь в организовавшемся переполохе.

— А эти где? — сквозь смех поинтересовалась Лена.

Хохочет Алтухов:

— Посоревноваться решили: кто из них дольше там просидит.

Качает в негодовании та головой:

— Гос-споди, мужикам уже за сорок, а они всё, словно дети себя ведут.

— Ну, — загадочно улыбнулся Алтухов. — Не мужикам, но... есть такое дело.

— А помните, — вдруг отозвался кто-то из молодых людей Виктора Семеновича, — как наши гаврики соревновались? Даже неотложку потом пришлось вызывать.

Хохочет мужчина:

— Ты сейчас вон Тамару так напугаешь, что, бедная, тут же бросится спасать своего благоверного.

...

Но не успел народ еще доест свои порции подоспевших копченых лещей, как вдруг скрипнула дверь. Мигом перевели все взгляды на «гостя».

— Бо-оря, — смеется одна из барышень, язвительно пропев. — Чего так скоро?

— Ой, да ну его! — махнул рукой, спешные шаги — и присел на лавку, причем рядом со мной. Машинально сдвинулась я вбок, предоставляя больше места для товарища.

Рассмеялся вмиг звонко Алтухов:

— Вот оно как! Пока тот дурью там мается, этот уже быстро сообразил.

Захохотали и остальные (неловко сражаясь с эмоциями на пару с острыми косточками непослушной рыбины). Заулыбался и Кузнецов:

— А как иначе? — иронизирует.

Организовать себе строптивую на блюде, перекладывая из общей тарелки, и вдруг движение, приблизился ко мне, да шепотом на ухо:

— Иди к нему. Пусть не грузится. А то его уже там перемкнуло...

Пристыжено прячу взгляд, рдею от смущения. Несмело встаю.

— Правильно, — смеется Виктор Семенович. — Сходи, проведай. А то, может, ему тоже уже неотложку вызывать надо.

И снова смех грохочет, вот только страх уже не дает мне поддаться всеобщему веселью.

Слова Бориса не просто насторожили. А испугали. Что уже не так? В чем дело? Кто тому виной?

Едва я протиснулась, нырнула в душевую, как вдруг дверь парилки содрогнулась — и ко мне вышел распаренный, красный, как кумач, Еремов.

— О, Гриш! — замялась, зарделась я, невольно ловя взглядом его наготу. Живо отворачиваюсь, давая возможность прикрыться. Разыгрываю непринужденность в голосе: — Просто там народ уже волнуется...

— Народ, или ты? — тихо смеется. Вдруг пискнул кран — и зашипела вода.

Невольно оборачиваюсь, дабы оценить реальность догадки. Черт, и вправду, задумал мыться.

Увожу взгляд. Шаги ближе, дабы слышал меня, но взором скольжу около, подальше от цели.

— Боря сказал, что ты грузишься чем-то. Что-то произошло? — короткий, косой взгляд через плечо на Еремова, но тут же вновь осекаюсь.

Шумно, тяжело вздохнул Гриша:

— Ох, уж этот Боря!

Обмер молча, отчего вновь невольно делаю оборот.

— Не подсматривай! — вдруг брызнул на меня струей воды из душевой лейки, забавно взвизгнув, точно та честная девица.

Смеюсь невольно, еще сильнее разворачиваясь. И снова брызги, не давая даже раскрыть глаза. Мигом выставляю руки и с напором, напролом иду к нахалу.

— Перестань, Гриш! — отчаянно, недовольно бурчу. — Я же мокрой буду!

— И что? — обмер, прекратив дразнить.

Стереть капли с лица и с негодованием уставиться наконец-то этому паршивцу в очи. Неосознанно морщусь:

— Это вы тут паритесь! А мне холодно будет. И неприятно.

— Ну, хочешь, я согрею? — глумится. Живо закрыл воду, убрал дождик.

Смущенно прячу взгляд, уводя в сторону.

— Опять ты, да? — обижено дуюсь.

Шаг ближе.

Робкое движение — и обнял за плечи, отчего тепло тотчас разлилось по моему телу, током прошибая до самых пят. Побежали мурашки по коже. Нервически сглатываю слюну.

Желание с каждым разом все сильнее, а доводов против остается все меньше и меньше, и вес их тает словно воск свечи.

Шумное, возбужденное его дыхание волнами обдавало меня, вовсе увлекая в сладкий, беспечный дурман.

Наконец-то осмеливаюсь подвести взор и уставиться ему в очи.

Долгие, трепетные мгновения зрительного боя — и неспешно, робко потянулся ко мне, сильнее сжав в своей хватке. Мигом отворачиваюсь, пытаюсь увильнуть:

— Гриш, не надо...

Но его губы уже слишком близко, а тяга настолько велика, что даже вся вселенная, казалось, сейчас начнет обратный ход. Сама уже решаюсь я: уверенный, смелый, отчасти грубый рывок — и впиваюсь ему в уста. Живо подхватывает Еремов движение — и сам уже проявляет страстный, пылкий напор. Тотчас врывается в мой рот своим языком, откровенно взывая к близости. Возбужденно застонала. Словно ждал — в момент обхватил меня за ягодицы и сильно стиснул. Ловкое движение, подхватывая меня себе на руки, отчего не в силах устоять, противостоять — обвилась ногами вокруг его поясицы. Шаги на ощупь — пока вовсе не уткнулись в огромную деревянную лаву. Повалил на настил. Мигом проник снизу под простынь, забираясь уже и под сами кружева.

— Гриш! Еремов! — отчаянно, испуганно дернулась я под ним. Силой убираю, отталкиваю, вынимаю его руки из запретных мест. — Гриш, пожалуйста! Не надо!

Обмер, ошарашено выпучив на меня глаза. Молчит.

— Пожалуйста... — тихим, отчаянным голосом шепчу. А на глазах со страху вмиг застыли слезы.

Проглотил скопившуюся слюну.

Вдруг затаил на секунды дыхание — а затем шумный, болезненный выдох.

Проморгался.

Несмело отступил назад, давая возможность и мне встать, поравняться на ногах рядом.

Но не выпускает все еще из плена.

— Это всё из-за этого... — кивает головой на меня. — Да?

Испуганно подвожу взгляд. Глаза в глаза. Дрожу предательски:

— Из-за чего?

— Из-за того, что под простыней.

Тотчас виновато, пристыжено опускаю очи. Не дышу.

Тягучие, жуткие минуты тишины: когда ни он, ни я не хотим уступить собеседнику.

— Ну? — не выдерживает первым Еремов.

И снова безмолвствую. Не в силах в голос сознаться.

Но и не надо: всё интерпретирует и без того верно сам.

— Дай я посмотрю, — вдруг неуверенное движение и слегка дернул у меня на груди уголки белой простыни.

— Что? — словно молнией меня пронзило. Сжалась испуганно, скрестив руки, удерживая самое драгоценное. Глаза в глаза.

— Всё равно это когда-то произойдет, — вовсе не жалея меня, режет дальше.

Волнение уже буквально до судорог пробивает конечности. Силюсь провалиться со страха и стыда сквозь землю.

— С чего такая уверенность? — неосознанно, отрешенно, словно в дурмане утонувшая, шепчу.

Обвился вокруг руками шеи и притянул к себе, буквально силой укладывая мою голову себе на грудь. Глупое, пугливое сопротивление — и сдаюсь. Обмякла в трепетном тепле и заботе.

— А разве не так? — немного помолчав, отозвался. — Тома... — насильно отстраняет, вынуждает взглянуть в глаза: — Я тебя безумно хочу. Как и ты меня... И мне неважно, что у тебя там, — кивает головой мне на руки. — Что ты там прячешь. Это только тебя останавливает, но не меня. Мне важно лишь, что ты чувствуешь ко мне и как поступаешь. И всё. Остальное — х**ня. Понимаешь?

Пристальный, пронзительный взгляд, давлению которого просто невозможно было не покориться.

Несмело, покорно киваю.

— Так что... давай уже покончим со всем этим — раз и навсегда.

Стою, заледеневшая. Боюсь даже пошевелиться.

Но того и не потребовалось вовсе: силой хватает меня за руки и убирает их с моей груди.

Слезы тотчас подступили глазам и грохнулись вниз, стекая извилистыми дорожками по жгучему, покрасневшему от стыда и смущения, лицу. Решительное, окончательное действие — и разомкнул, развязал импровизированную одежду, оголяя все мои тайны для себя сполна. Оголяя... «мерзкую душу».

Нервически сглотнул.

Не шевелится более. Даже не моргает. Не дышит.

Лишь внимательно, с ужасом изучает все мои «письмена», сделанные рубцами и шрамами.

Долгая, жуткая минута — и внезапно потянулся рукой, дернув, скинув с плеча лямку бюстгалтера, а то и вовсе желая полностью стащить с меня белье.

— Не надо, — испуганно вскрикнула я, прикрываясь враз.

Однако в этот же миг постучали в дверь — распахнулась она настежь.

— Вы там живы?

В страхе дернулась я, попытка спрятаться за спиной Гриши, но уже и сам он отреагировал — тотчас схватил, прижал к груди, скрывая в своих объятиях.

— Идем! — неистовым криком.

— Пардоньте, — попятился молодой человек, отворачиваясь. — Просто, Ерем, тебе там зае***и трезвонить... — бросил робкие оправдания на прощание и пулей убрался прочь.

Быстрый, ленивый взгляд на экран телефона — и отбить вызов, выключить звук.

А дальше было вовсе нечто странное и пугающее.

Хотя, чего странное? Именно этого я опасалась. Именно это и получила.

И как бы Еремов не «свистел» там о внутренней моей красоте, и о исключительной важности лишь «чувств и деяний», вернулся в зал ко всем своим знакомым совсем другим человеком. Ни веселья, ни задора, ни даже просто доброты, человечности.

Холодный, замкнутый, черствый, постоянно огрызается. А шутить в его сторону — вообще не вздумай.

Хмурится, злится на что-то, грузится тугими мыслями. Уже больше получаса ковыряется в своей рыбе, словно та застрявшая скотина в болоте.

— Гриш, что не так? — наконец-то не выдерживает Боря и бросает ему тихо.

— А? — уставился на него в непонимании Еремов, нехотя отрываясь от раздумий.

— Что случилось? Еще больше накрыло? Или дерябнул?

— Точно, — словно прозрел Григорий. Разворот к товарищам: — Колян! Слушай, там же вроде с прошлого раза еще пару бутылок водки осталось, верно?

Обмерла я, словно передо мной только что расстрельный взвод свои дула возвел. Не дышу.

— А... ну... вроде, — замялся тот.

— Алтухов, будешь? — кидает дружественный взгляд на мужчину Еремов.

— Ну, — скривился Виктор Семенович. — Я же уже говорил. Хотя... за такую встречу... Как говорится, грех не выпить. Так что, — улыбнулся, махнув рукой, — наливай!

Залпы.

Глава 15. Потаенное

Глава 15. Потаенное

Ко всему случившемуся мне только пьяного Еремова не хватало. Пьяного, злого. И неудовлетворенного. Меня больше не замечал. Даже косых взглядов не бросал, и на «случайные» касания, как впредь, не отваживался.

Сiju, грузюсь уже и я. На глазах застыли слезы. Унижена, растоптана, но даже от стыда некуда спрятаться. Некуда и не как. Нельзя же просто взять встать и уйти. Или можно? Наплевать на всё и всех — и долгой рвануть, куда глаза глядят. Или что?

Или сама виновата? Зачем, идиотка, согласилась на уговоры? Дура! ДУРА КОНЧЕННАЯ! Любви захотелось? Ну, так и играла бы! Зачем остановила? Зачем вообще всю ту песню завела? Надо было как с мужем, тогда еще, до развода: подпоить, свет выключить — а там уже неважно было бы ему: хоть швабру обнимать, хоть чучело.

Хоть раз — а все же счастье да перепало бы...

С*ка, идиотка конченная...

— Пошли, покурим, — внезапно выпаливает в нашу сторону Борис: то ли мне, то ли Еремову. Мигом устремляю взгляд: естественно, Грише. Не сразу поддается уговорам тот: сопротивляется; пьяный, отнекивается; шуточки дурные бросает.

Но минуты упорства — и победа за Кузнецовым.

Шатаюсь, словно моряки во время качки, пошагали к двери...

Долгие, жуткие, разрывающие сознание минуты моего ожидания, неведенья, волнения и одиночества (среди толпы)...

И вдруг звонок. Вновь пропущенный Еремову. Живо хватаю со стола аппарат и бегу на выход, по пути вежливо оправдываясь заботой о благоверном.

Конечно, плевать, по большому счету, кто и почему звонит — но, может, хоть так, с глазу на глаз, уговорю поехать домой... или хотя бы меня одну отпустить, в отделение. Если сегодня Петрович там будет дежурить — уже будет с кем ночь скоротать, режась в дурака или нарды.

Черт, какие нарды?

Обмерла я пристыжено около двери, не решаясь пнуть полотно: нужно продумать сначала, как и что сказать, лишь бы не обидеть, и лишь бы понял всё правильно.

И вдруг среди шума невольно различаю голос Еремова:

— Бо-ря! Месиво... У нее там не кожа, а сплошное месиво... Я, с*ка, ох**л, когда увидел. Понимаешь?

Словно кто-то горло мне только что перегрыз, разорвал в клочья и вытянул, выдрал через него жизнь, жилу за жилой, окончательно лишая права на вдохи, на существование.

Глаза жадно выпучились, норовя из последних сил сдержать шальные потоки. Но и без того — громкий, отчаянный визг, рыдания вырвались из моей груди, позорно оглашая, обличая меня перед всеми, как тихушника, как сопливую, наивную дуру, от которой откристились, как от чего-то невероятно мерзкого и жуткого.

Мигом открывается дверь:

— КАКОГО Х**? — взревел Еремов, жадно окидывая взглядом творящееся.

Опрометью мчу я в раздевалку.

Влетает за мной.

— Ты че ЗДЕСЬ ДЕЛАЛА?! — орет мне в спину.

Разворот — и тотчас швыряю телефон ублюдку прямо в голову:

— На, б***ь! ТВОЕ!

(увиливает Григорий)

Воплю диким отчаянным возгласом, лихорадочно стирая с лица слезы, чтоб хоть как-то видеть происходящее перед собой.

Аппарат — в хлам, разлетелся в щепки.

Стоит, ошарашенный Еремов, не может даже и слова выдать.

Сбрасываю без стыда уже и заминки с себя простыню и кружусь в гардеробной над скамьей, перебирая сложенные в кучу вещи: скорее одеться, обуться и нах** отсюда долой!

— А я ему поверила! ДУРА! ДУРА КОНЧЕННАЯ! — ору, словно ополоумевшая, ничег уже не срамясь. Попытка натянуть на себя свитер. — Значит, месиво там! Ох**л он от меня! — рычу неистово.

Голову продеть, а вот гребанный рукав вывернулся, оттого маневр не удался — и вовсе застряла, словно дура, силясь свершить, казалось, невозможное.

Вдруг резвые шаги — и грубо хватает меня в объятия, подает назад — невольно пачусь, а затем и вовсе падаю на чужую одежду.

— Придурок! Идиот! Отпусти! Урод!

Но нет! Какие уговоры?! За секунды снимает с меня свитер, отшвыривает его долой, нагло рвет бюстгальтер, трусы — и наваливается сверху.

— Гриша! Пожалуйста!

Тут же проникает руками между бедер, разводя их в стороны. Губы к губам.

Запах перегара, сигарет, хмельной его аромат — дурманят сознание, обволакивают, поглощают, утаскивают в себя, хотя страху так и не дают затеряться.

— Пожалуйста, не надо! — отчаянно реву, молю, визжу, словно одержимая. Дрожу под ним, будто он душу из меня хочет вынуть.

Чувствую его уже всего, хотя все еще на грани.

Вдруг замотал головой.

Обреченно:

— Нет, — шумные вдохи, сражаясь с желанием. — Нет, родная моя, — как-то добро, испуганно прошептал мне в лицо. — А иначе... это будет вечная песня. Ты не сможешь решиться. А я не смогу вечно ждать. Но я очень тебя люблю. Слышишь? Люблю. И знаю, что ты меня любишь. Так что...

Вдруг движение — ворвался в меня, враз вскрикнула, тотчас еще быстрее слезы потекли из глаз.

Обмер, всматриваясь мне очи. И снова взгляды сцепились.

Нервически сглотнул:

— И единственное, что меня не устраивает, так это то... что эта тварь еще жива.

Приблизился вплотную своими губами к моим. Обжигает дыханием:

— И мысль, что если я хоть на миг расслаблюсь, отвернусь, то этот гад до тебя доберется, меня просто убивает... Но я тебе обещаю, даю слово, я найду этого ублюдка. Найду и выпотрошу сполна.

Накрыл мои уста своими, прилипая робким поцелуем. И вдруг движение — отчего вновь обреченно вскрикиваю, не то от боли уже, не то от счастья. Звонко, голодно,

окончательно признавая его полную власть. Причем как тела, так и души.

Еще движение, еще, еще — и с каждым таким натиском страх, боль, ужас, горечь отступали, высвобождая сознание и душу иным, истинным ощущениям и чувствам — долгожданному счастью, радости, пленяющему удовольствию... Еще рывок — и нет больше сил сдерживаться: вырвался предательский, обличающий стон наслаждения. Тотчас впился поцелуем в губы Еремов и похотливо, победно, вожаделенно зарычал...

В мгновение господство его стало смелым, дерзким, диким, ненасытным... взрывая эйфорию по шальной экспоненте. Не выдерживаю — и сама уже накидываюсь в ответ, отзываясь на сладкую, страстную, вызывающую грубость хрупкой, но не менее чувственной, откровенной, алчущей, беспринципной, сумасбродной лаской...

— Ну, что? Помирились, буйные? — рассмеялся Борис, завидев нас на пороге зала. Стоим, обнявшись. Молчим, пристыжено улыбаясь.

Прячу взгляд.

— А чего в одежде? — вдруг отозвалась одна из девушек.

— Без обид, но мы — домой, — с неподдельной радостью констатировал Еремов.

— Еще бы! — весело вскрикнул Кузнецов. — Теперь-то есть повод зашкериться.

— Ладно, ребята, серьезно, — лениво оторвался от меня Гриша, шаги через всю комнату. Сердечно пожать руку Алтухову, другим мужчинам: — Безумно рад был всех вас пов-идать, — икнул, — но... дела зовут.

— Да мы слышали, кто тебя... как и куда зовет, — кинул ему Боря.

Рассмеялись тотчас все. Не сдержались и мы с Еремовым от улыбки (хотя, по правде говоря, куда больше хотелось провалиться от стыда сквозь землю).

— Да ладно, — внезапно отозвался Виктор Семенович, спасительно отвлекая на себя внимание, добродушно усмехнулся, — все мы когда-то такие были: молодые, влюбленные, глупые... Но, по правде говоря, они-то правы: че-то мы уже конкретно засиделись... Пора делать расход: домой, да на боковую...

Ухмыльнулся радушно Григорий:

— Созвонимся, — только разворот, как обмер, кое-что вспомнив: — Б***ь, точно! — неразборчиво буркнул себе под нос. Движение, хмельной взгляд на Кузнецова: — Телефон же нае***лся. Так что, если что — Балашовой брякните.

— Хорошо, — хохочет Борис. — Герои-любовники...

— Давайте, не прощаемся...

Бросить на стоянке авто (кто ж знал, что и сегодня этот гад нажрется, а я морально не в состоянии буду сесть за руль). Вызывать такси — и наконец-то отправиться домой.

Домой...

Едва переступили порог, как тотчас голодно накинулся на меня, сдирая одеждыны.

Смущенно смеюсь:

— Еремов, тебе что, мало?

— Надо закрепить полученный результат, — жадно впивается поцелуем в губы, — пока ты вновь не передумала...

Глава 16. Пробуждение

Глава 16. Пробуждение

Утро было сказочным.

И пусть за окном — очередная слякоть, небо затянуто серыми тучами, и даже моросит мелкий дождь, казалось, будто в мире взорвалось нечто прекрасное, озарив собой всё вокруг.

Провернуться в Гришиных объятиях и коротко, украдкой поцеловать в кончик носа.

Дрогнул, вмиг распахнул веки. Улыбнулся.

— Выспалась, что ли? — шумно вздохнул и лениво потянулся.

— Кушать будешь?

Ему кофе, мне — чай. Ему — пельмени. Мне — конфеты.

Идеальный завтрак. Пристыжено прячу взгляд. Краснею, вспоминая вчерашнее.

— Что? — заметил, смеется.

Пытаюсь выкрутиться, отвлечь другой темой:

— Хорошо, что только суббота.

Ржет с набитым ртом Григорий:

— А у вас там что, еще и выходные есть?

— Ха-ха, — паясничаю.

Прожевывает.

— Сколько не замечал, ваш Фирсов там сутками сидит. Зачем ему вообще квартира?

Жил бы там. А то зря только на бензин деньги тратит.

Скривилась я недовольно, что он задевает моих.

— А он и жил бы, если бы не семья, — рычу.

— Семья? У него еще есть и семья? — язвит, неприкрыто улыбаясь.

— А то ты не знал! — сплевываю саркастично.

— Надо оно мне?! То ли Балашова...

Вздергиваю бровями. Но тут же хватаюсь за давно интересующее:

— Так что... реально в моем деле половины страниц нет? Ничего об Евсееве?

Вытянулось его лицо от удивления на мгновение:

— Реально, — проглотил остатки пищи и новый пельмешек затолкал в рот. Попытка говорить: — Чего б я тебе врал?

Пожимаю плечами.

— Но как-то странно...

Обмер:

— Что странного? — ухмыляется. — Мыли дело.

— Мыли?

— Да, — цыкнул зубом. — Был план — следы убирали. Не думаю, что ваши хотели это просто так спустить ему с рук. Особенно после того, как дали только десятку.

И вновь пожимаю плечами. Пристыжено опускаю очи. Молчу.

— Слушай, — вдруг шумно, тяжело вздохнул Еремов, отчего предчувствие тут же ужалило меня, заставляя поежиться. Мигом выстреливаю взором ему в лицо.

А вот он не смотрит — взгляд около. Тугие мысли, рачительно подбирая слова:

— Возвращаясь к вчерашней теме... — тихо пробормотал, с опаской.

Жуткая пауза, отчего я уже не выдерживаю. Рывкаю:

— И?

Несмело подводит взор. Глаза в глаза:

— Только... не вздумай обижаться. Пойми правильно.

Похолодело все внутри меня, перехватило дыхание.

— Говори...

— То... твоё состояние, — почесал лоб, нервически коротко рассмеялся. — Хотела ли бы ты что-то изменить? Если дело только в деньгах, то я оплачу всё. Без всяких обязательств после.

Обмерла я, пришиленная прозрением.

Вмиг на глаза проступили слезы.

Ах, вот оно как, да?

Наступило отрезвляющее утро — и теперь уже не так и плевать на тот мой ужас, мой «изъян».

Действительно. Чего это я? Идиотка!

— Том, чего ты молчишь? — не выдерживает напряженной тишины Гриша. Задумчиво: — Слушай... — испуганный взгляд на меня, словно что-то учуял. Резво вскочил со стула. — Ты что, плачешь?

Попытка обнять — отворачиваюсь, вырываюсь. Бросаюсь в коридор.

Слышу гневное вдогонку:

— Да ма** тв** же! Балашова! Сколько еще можно?

Резвые, уверенные, стремительные шаги ко мне ближе.

Силой выдирает из рук шапку, не давая ее надеть.

— Да всё с тобой ясно! — рычу обижено.

Плевать на шапку — живо хватаю обувь и начинаю пялить на себя.

Вдруг хватает за ботинок — отчего тут же пошатнулась и грохнулась на пол.

Стянул обратно с меня и швырнул со всей дури в другой конец коридора. Пытаюсь встать на карачки, выровняться, как внезапно хватает за плечи, заставляя замереть лицом к лицу.

— ОСТЫНЬ! — гневно крикнул на меня и встряхнул, приводя в чувства. Взгляды схлестнулись. — Что опять, б****, не так?! Что опять в твоём маргарине там случилось? Что?

Нервически сглатываю слюну, непроизвольно уже начиная дрожать от страха, хотя все еще пытаюсь не подавать вида:

— Да все понятно! Мерзость — она и есть мерзость.

Шумный вздох — и вдруг резко отстранился, расселся на полу, опершись спиной на стену.

— Приехали...

Провел рукой по лицу, снимая напряжение.

Сажу и я рядом, боюсь пошевелиться. Шмыгаю носом, проглатываю слезы.

Звонкий, глубокий вдох (его). Тягучая пауза.

Взор на меня:

— А то, что вчера было... то уже не показатель? Да? — наконец-то находит силы на слова.

Взволновано сглатываю слюну. Прячу глаза.

— ЧТО? Чего молчишь?! — не выдерживает.

Передернуло от его крика. Несмело, едва слышно, шепотом:

— Ну да. Спьяну и показатель...

Застыл, окаменел, огорошенный.

— Ох, ё* тв** ж мать! — нервически рассмеялся. Повесил голову.

Жуткие, долгие мгновения рассуждений.

И вдруг иронически:

— Нет, Балашова... Ты точно е****тая, — перевел взор на меня. Ухмыльнулся: — Но я справлюсь.

Вмиг рывок, движение — кинулся ко мне. Попытка (моя) отстраниться, спрятаться от него, да только обреченно влипла спиной в дверь. Сижу, застывшая в страхе.

На расстоянии вдоха.

Коварная улыбка выползла на его уста:

— Только потом не сопротивляться.

Молниеносно срывается на ноги и подхватывает меня себе на руки.

— Гриш, не надо, — испуганно шепчу.

Шаги в спальню. Повалил на кровать. Силится стащить с меня штаны.

— ГРИШ, ПРОШУ! — отдергиваю его руки, сопротивляюсь (хотя вяло, неуверенно).

— О да, хорошая моя. Меня это уже заводит.

Содрать свитер, футболку.

— Еремов!

Прибил за руки к постели.

— Что Еремов? — улыбается. — Все вопросы к Балашовой. Это у нее там какие-то... прибабахи.

Расстегнуть бюстгальтер, оголяя грудь.

Рдею, прячу стыдливо взгляд. Страшно даже взглянуть ему в лицо, завидев реакцию.

День. Треклятый день — даже нет лампочки, чтоб ее разгромить, скрывая свой страх и позор. Скрывая... уродство.

Но вдруг впился жарким, неистовым поцелуем в шею. Откровенно провел языком по коже и тут же витиеватой дорожкой побрел к потаенным местам. Дерзко, грубо сжал руками голую, возбужденную грудь, требовательно пропуская ее между пальцев — голодно, хищно облизал и до сладкой боли сжал губами, зубами, одну за другой, отчего бесстыдно застонала я, захлебываясь страстью. И вновь долгий, смелый путь — уже к низу живота... Дрогнула под ним невольно, желая сбежать, но удержал, сверху учтиво прибивая всем своим телом. Приспустил кружева, оголяя запретное. Заживо сгораю от трепета. Задыхаюсь. Нежные ласковые поцелуи вдоль линии приличия, наворачивая дикие волны вожделения, жажды, заставляя внутри пробудиться демонов; закипеть, забурлить кровь. Бешено запульсировало желание, предательски воззвав к жесткому, повелительному, неуклонному властвованию надо мной.

— Гриш, не надо... — отчаянно зашептала, робея, краснея; забила под ним, словно испуганная, раненная птица.

Только подразни зверя — вмиг стянул с меня полностью белье и скользнул ладонями между бедер, напористо разводя их в стороны. Слабовольно поддаюсь натиску — нетерпеливо впивается наглым, властным поцелуем в отвоеванные места, а затем уверенно,

чувственно, скользя языком, стал пробираться все выше и выше, все дальше и дальше, пока и вовсе не достиг цели. Отчаянный, сумасбродный, пронзительный крик мой раздался на всю квартиру, оповещая о полной капитуляции завоеванной, поработанной жертвы, отдающей ему сполна.

Глава 17. Дела

Глава 17. Дела

Проснулись от того, что в дверь кто-то постучал, заколотил нещадно.

Мигом подорвались, расселись мы на месте. Хмурится, кривится недовольно мой Еремов, с трудом приходя в себя после бурных суток. Замотал головой, прогоняя дурман.

Резвое движение — вскочил с кровати. Дерганые, топорные, раздраженные попытки отыскать одежду, пистолет. Беглый взгляд на меня:

— Что бы там не было — не выходи. Если что — через балкон на крышу и в соседний подъезд.

Обомлела я, ошарашено выпучив глаза. И звука нет сил выдавить...

На ходу надел на себя брюки.

В коридор. К двери.

Щелчки: предохранителя, замка...

— Борян, ты че, б***ь, е**нулся? Х** творишь?!

— Дело срочное.

— А телефон?

— Какой, б***ь?! Тот, что разье**шили? — рявкнул.

— Проходи...

Стукнула дверь (судя по всему, кухни). Звук притих...

Мат. Жесткий, отборный... едва ли прерывающийся на человеческую, "обыденную" речь...

Каждый гатил, не стыдясь и не сдерживаясь. В какой-то момент раздался грохот... и отчетливый крик Еремова — опять безумствует.

Пытаюсь не слушать. Пытаюсь пропускать всё мимо, дабы если что — в качестве свидетеля и слова из меня нельзя было выудить.

Закрывать уши руками... и ждать. Нервически покачиваться вперед-назад, отсчитывая секунды. Слезы, жалкие, гадкие, трусливые, скатывались по щекам... признавая мою слабость, неспособность... и бесполезность...

И снова грохот... и снова мат, казалось, просто заживо вынимая из меня душу, стегая плетью холода по коже — погоня по жилам страх, животный, дикий, отчаянный... куда неистовее, нежели даже когда мысли заходят о Евсееве.

Жизнь, свобода, безопасность, покой Еремова сейчас были куда важнее для меня, чем что-либо еще в этой жизни. Гриша вдохнул в меня жизнь, стал моей опорой, и без него я теперь — полный ноль: рассыплюсь, растаю, исчезну...

Еще минуты, еще безумие — и вдруг хлопнула дверь, щелчки замка. Резко всё стихло. До жути, до дрожи, до ужаса...

Мигом срываюсь с места — в коридор. Испугала Еремова — вздрогнул, обернувшись.

Молчит, взгляд отрешенный, лихорадочно пляшущий по сторонам.

— Что случилось? — тихо, неуверенно, дрожащим голосом, шепчу я.

Звонко вздохнул.

Глаза в глаза. Скривился:

— Ничего...

Прожевал эмоции, матерные слова.

Еще миг замешательства и, нервически сглотнув слюну, подался к гардеробу. Постучал по карманам совей куртки, нырнул в один из них: тотчас достал пачку сигарет, зажигалку.

И вновь шумный вздох, шаги в спальню.

Несмело провожу взглядом.

Грубые, аляповатые движения — застыл на балконе, в холоде, плотно закрыв за собой стеклянно-белое полотно.

Не решаюсь пойти следом.

Лишь к кровати шаги.

Присесть на край. Стереть с лица остатки слабости, привести себя в приличный вид — и, делая глубокие, жестким надрывом, вдохи, вытеснить из себя мерзкое малодушие.

Хватит трусости!...ХВАТИТ!

Еще минуты — и наконец-то грохот, стук — открылась дверь.

Движение ко мне ближе. Присел рядом. Взор пред собой. Безмолвствует.

И что теперь?

Робко поворачиваюсь к нему. Коротко, украдкой целую в плечо.

Невольно вздрогнул:

— Зай, не сейчас... — немного качнулся в сторону, но не отодвинулся.

— Я могу чем-то помочь? — несмело, взволнованно, вкрадчиво, заглядывая ему в очи. Доля секунды, дабы осознать услышанное — и тотчас обрушивается на меня взгляд. Пристальный, изучающий... Внезапно хмыкнул, рассмеялся.

Живо закинул мне на плечи руку и прижал к себе. Висок к виску...

— Балашова, ты моя Балашова... — сдавленный, тревожный вздох. Секунды — и вновь обернулся: — Давай спать?

Игнорирую. Впервые... смелая и решительная.

Обняла, ухватила, утопила его лицо в своих ладонях. Глаза в глаза. С вызовом, с мольбою, с заговором...

(обмер, удивленный)

— Гриш... — нервно сглотнула слюну, — не знаю, что у тебя там произошло... Но мы справимся...и я тебя не подведу.

Удивленно вздернул бровями.

Долгая, жгучая минута... рассуждений, сомнений, выводов — и наконец-то на его устах проступила улыбка. Сначала добрая, нежная, чистая, но еще миг — и враз всем этим завладело коварство... Угрожающий взгляд. Напористое движение — повалил меня на кровать, прибив собой сверху. Жадный, властный поцелуй в губы, шею, нарочно грубо, причиняя сладкую боль...

Неуверенно шепчу, пытаюсь не уступать сему дерзкому настроению:

— А как же спать? — паясничаю, играя, дразня, силуюсь оттолкнуть его руки.

Но момент — и проник уже между бедер, вынуждая обнять, обвиняться ногами вокруг поясицы — подчиняюсь.

— Гриш, ну...

Косой, быстрый взгляд мне в лицо, на мгновение прерывая свои пылкие ласки. Ядовитая ухмылка:

— Допи****лась? Теперь терпи...

Мерзкий, настырный звонок...

Черт, что хоть за день? Что за время суток?

Взгляд за окно — сумерки: познавательное...

Нехотя дотянуться до тумбы, взять телефон. Неизвестный номер.

Косой взгляд на Еремова — и принять вызов:

— Слушаю.

— Здоров, Балашова. Это Боря. Ерёма рядом?

— На. Тебя, — лениво протянула Грише трубку.

Не прошло и полчаса, как уже «двое из ларца», но разные с лица прискакали к нам в гости.

Закрылись в кухне. Недолгий, но важный, и опять на грани постоянного мата, разговор.

Жуткие, волнительные минуты... и вдруг движение, шорох в коридоре — зашел Григорий в зал. Обрушиваю взгляд на него, растерянного. Хмурюсь:

— Что не так?

Шумно вздыхает, шаги ближе.

Выхватывает пульт из моих рук и живо выключает телевизор.

Глаза в глаза. Страшно сделать даже вдох.

— Уехать надо. Сейчас. Не знаю на сколько, — мотает головой. — И ребят я своих с собой заберу — понадобятся. Прости.

Киваю, давая понять, что ничего страшного.

Мигом встаю с дивана — на выход в поисках своей одежды (кофта, куртка и прочее...).

— Забросим тебя сейчас в отделение, — учтиво продолжил Еремов. — Пусть Фирсов присмотрит. А как только посвободнее станет, то сразу: или сам приеду, или пацанов пришлю, — кивнул головой в сторону молодых людей, — вон Борян с Блохой, если что, подскочат...

Высадили у родимого отделения.

Взглядом окинула я здание: только из коридора тусклый, медовый свет нарушает жуткую идиллию покоя. Темнота и дремота в окнах: воскресенье, поздний вечер берут свое.

Шумно, нервически вздыхает Еремов.

Смеюсь пристыжено:

— Гриш, не переживай. Если что — и Петрович присмотрит, тоже толковый мужик. Ничем не хуже твоего Фирсова...

— Моего Фирсова? — язвит, хитро щурясь, всматриваясь мне в глаза. Поддается невольно на настроение — улыбается.

Обнял за талию, притянул к себе.

— Ну, а чьего же? У вас сразу столько страсти... как только упомянуть имя одного пред другим.

Ухмыляется, качая в негодовании головой.

Но миг — и опять становиться серьезным:

— Береги себя. И жди меня. Я приеду за тобой.

— И ты береги себя... — едва слышно, тревожно шепчу я; робко тянулась к нему. Отвечает. Жадным, сладким, запойным поцелуем увлекает меня в дурман.

— Гриш! Еремов! Ерема! Ну, время же, ребята! — не выдерживает Кузнецов.

Отрывается вынужденно от меня мой герой. Облизался и печально поджал губы.

И снова нежная, добрая улыбка. Выпустил из хватки. Но вдруг движение — щелкнул мне по носу:

— Балашова, не балуйся. А то приеду — и выпорю. Жестко выпорю! Просто... дождись.

Хорошо?

Следующие дни были сродни пыткам. Понедельник. Вторник. Среда.

Звонить я не решалась. Наверняка, уже и телефон новый купил, и симку туда старую вставил, однако... а что, если этот звонок будет не вовремя? Окажется роковым? Отвлеку в самый жуткий момент?

Нет. Черт, нет!

А потому и сижу, глупо медитирую на пустой экран.

Стук в дверь. Фирсов.

Пройтись без приглашения...

— Ты не хочешь поговорить?

— О чем? — невольно грублю то ли другу, то ли все еще «врагу».

— Ну, как? — решается. — О Евсееве, о брошюре, о мыслях, которые тебя посещают по этому поводу...

— И всё? — уверенное, смелое бросаю ему в глаза. — Только это? Евсеев? Не Еремов?

Ухмыльнулся, отвел взгляд на мгновение в сторону.

Еще шаги — присел в кресло, вальяжно развалившись. Забросил ногу на ногу.

— Ты всё равно ничего о нем не скажешь, — смеется едко.

— Не скажу, — язвлю в ответ. — Но все равно пришел за этим. Евсеев ни разу еще не заставлял тебя так резво примчаться ко мне, только если не новый труп. А нового трупа нет — иначе бы Грановский уже тарабанил в дверь. Да и Заболотный... пару приказов поспешно оформил бы.

— Ты что-то нарыла на него? — внезапно серьезным голосом проговорил Фирсов.

— На кого? — дерзко, отчасти удивленно.

— На Евсеева, — мигом вскочил на ноги. Шаги ближе, оперся руками на стол. — Евсеева! — саркастически, мерно сплюнул мне в лицо, словно отраву. — Или ты забыла? Где и чем занимаешься...

— Не забыла, — рычу.

— Так что, нарыла? Есть что новое?

— Нету... — пристыжено, виновато опускаю очи.

Ухмыльнулся едко, кивая головой. Выровнялся. Шаги в сторону.

— Конечно, б****, какое расследование?! Какие дела?! — разъяренно замахал руками, — когда такой х** перед глазами маячит!

— Ты че, свихнулся? Что за наезды?!

— А что ты хотела? — обмер. Неистовый взгляд мне в глаза: — Благословения?

Презрительно захохотал.

— Нет, подожди, — перебиваю я. Живо подрываюсь с места. Из последних сил держусь, чтоб не кинуться с кулаками на него от обиды. — В чем я провинилась?! — бешено ору. — Конкретно, в чем моя вина?! А?!

— Да в том, — сплевывает мне желчь в лицо, — что я уже не знаю, КТО ТЫ, и можн

ли тебе ДОВЕРЯТЬ!

Обомлела я, прозревшая.

Сухим, охриплым голосом:

— Даже так? Ну, и ладно...

— Что ладно? — яростно.

— Ничего... Зато он защитит меня.

— Опаньки... — обмер, словно после выстрела. — Ох***ть! А мы здесь, с**а, чем все эти дни занимались?! Х** пинали? Или что? Или ты, б**** паршивая, уже забыла, как тут ночевала, как каждый из наших норовил подольше остаться на работе, и плевать на семьи, лишь перестраховать, проследить за тобой, овца?! Или как до этого, во время суда, да и после, спали всё ходили тебе вытирали?! Ну? Что молчишь? Где твой х** был? Дела свои проворачивал, да телок е**л? А как на складе после них тебя голую, без сознания наши! Тоже забыла?! Молчишь? Молчи, тварь неблагодарная!

Пристальный, пронзающий взгляд, впивающийся в самую душу. Страшно моргнуть.

Закивал головою:

— Вот так всегда! Бабы, вы бабы: один раз х**м помаячили, лапши навешали — и сразу помчали следом! С*ка ты, Балашова. И срать ты хотела на своих. Свои стали чужими. Вот только чужие примут тебя в свои? А? Ты у них-то поинтересовалась? ДА НЕ МОЛЧИ ТЬ Б***Ь! — неистово, бешено завопил, разъяренно замахав руками, отчего враз меня передернуло на месте. Испуганно сжалась, словно беса страшась.

Трусливо опустила взгляд.

Тягучие, долгие мгновения тишины...

Неожиданно продолжил, но уже более сдержано:

— Я тебе последний шанс даю... Хоть что-то скажи в оправдание!

Болезненные, сумасбродные мысли, переворачивая все за и против в очередной, тысячный раз. И выпаливаю, осмеливаясь даже при этом взглянуть в глаза:

— Я его люблю, и я его не сдам.

Глава 18. Друзья

Благо четверг. Опять смена Петровича.

По-моему, он единственный, которому было глубоко все равно, с кем я связалась, и с кем теперь сплю.

— Вот почему так, Петрович? Почему? — не выдержала я уже, и с горя вызвала его на это безумное откровение.

Цыкнул зубом, дожевывая свой бутерброд.

— Почему? — рассмеялся. — А потому что... все мы одинаковы, как не назови. Различают только поступки: и то, что творит наш близкий, никак не значит, что мы такие же. Это — жизнь. Она многогранно жестока. В том числе, заставляет мириться с разными, порой даже мерзкими, недостатками дорогого сердцу человека. Вот у меня жена была. То ей было не так, то ей было не этак. Гуляла, бухала, что черт. А что я? Домосед, дурак. Из всего хобби — кроссворды да работа. Но я мирился. Мирился со всем, но и не значит, что я был таким же. Просто из всей череды... были такие дни, чаще всего это было воскресенье, когда мы собирались всей семьей на кухне... Она жарила котлеты, или еще что, а я читал газету. Дети бегали вокруг, доводили до бешенства. Но мы были счастливы. Безмерно счастливы, вопреки всем «но». Ведь не так важны вспышки чувств (а они бывают разные, и часто противоположные), как именно такие моменты определяли нашу жизнь. И это даже не я сам придумал. Нет — не помню, откуда взял. Но, кто бы сие не подметил, он был безмерно прав: ведь отними такие моменты — и я остался бы пустым. Возможно, тоже бы спился. Может, даже бомжом по миру пошел. У каждого свой крест — у меня вот такая жена. У тебя — сама знаешь... И потом, пути Господни неисповедимы. Может, не зря ты в его жизнь пришла, этого твоего... Гляди, одумается, свернет с гиблой дороги. Немногих, но все же любовь возвращала к жизни. А если за той чертовой личиной еще бьется сердце, как и твое, то почему бы не попытаться? Почему бы не спасти? Как тогда, когда тебя из морга живой обратно вернули. Чудо? Чудо. Вот и нечего на него нарекать. Какое оно есть, такое и есть. Даже если и губительное. Сделала выбор — дерзай. Тебе потом за него реветь и расплачиваться. Тебе, а не нам...

— Нарды, домино?

— Шахматы, — коварно ухмыляется старик. — Я как-то прослышал, что в свое время ты даже Фирсова обыграла!

Качаю головой, улыбаясь:

— И кто же вам такую байку-то сочинил?

— Грановский, — нахмурился.

Смеюсь тихо себе под нос:

— Ну, да ладно! — махаю рукой. — Расставляйте!

Не успела моя ладья отрезать короля, как вдруг скрипнула дверь. Кто-то вошел в здание. Напрягся Петрович.

— Боря! — счастливая, вскочила я с места, признавая в темной фигуре знакомое,

отчасти уже родное лицо. Но миг — и осознаю: Еремова вместе с ним нет.

— Привет, как ты? — подходит ближе к дежурке.

Испуганным, мертвым голосом шепчу:

— Где он?

Скривился:

— Всё хорошо. Будет скоро. А пока просил забрать тебя. Едешь?

Растерянный, взволнованный взгляд на коллегу.

Пожал плечами мужчина:

— Сама решай. Твой крест.

Закивала я головой, соглашаясь:

— Спасибо. И простите... потом доиграем!

Схватить куртку, сумку, прочие вещи — и помчаться, мышей выскочить за Кузнецовым, как за своим спасителем.

— Ну, Блохина ты помнишь, — ткнул рукой на своего товарища: невысокого, русоволосого, худощавого молодого человека, на вид — лет тридцать, не больше.

Молча, киваю головой, подтверждая (еще бы... ведь этот гад — не просто тот, кто заявился тогда вечером в воскресенье к Грише домой вместе с Борей... Нет — это тот самый "оголодавший кобель" с июльской ночи, на складах, что так отчаянно тогда спорил с Кузнецовым, сражаясь за жертву, за право отыметь меня).

Забраться в машину на заднее сидение. Невольно сжаться от неловкости и потаенной тревоги...

— Куда едем? — бросаю Борису, когда тот сел за руль.

— Да к Ереме, на хату. Куда ж еще?

Приготовить ужин на троих и подать на стол.

И если Борис, схватив свою порцию, сразу пошагал, помчал в зал к телевизору, то Блоха завис рядом со мной. Присел на табурет напротив и, принявшись уплетать макароны с отбивными, то и дело, что метал пытливые взгляды на меня да задавал странные вопросы:

— А ты давно в милиции?

Удивленно вздернула я бровями, но все же решаю ответить:

— Сразу после академии — несколько лет. Потом перерыв был, лет семь. Ну, и снова вот... недавно.

— А с Еремовым?

— Что?

— Давно вместе?

Рассмеялась я от неловкости.

— Тебе не кажется, — иронично улыбаюсь, — что этот вопрос... как-то неуместен? Нет?

Скривился на миг, пожал плечами:

— Мне просто интересно... Необычная пара.

— Да неужто? — хохочу. — По-моему, очень даже... За что некоторые предвзято судят и недолюбливают женщин в милиции. Считая, что нашу дурную, сопливую голову проще будет задурманить, навешать лапши — и выехать из сложной ситуации. Или и того хуже — втянуть в преступный мир, и уже пользоваться сполна доверенной властью.

— А мужчин нельзя? — смеется.

— Не знаю, — улыбаюсь в ответ. — Я таких исследований не проводила. И вообще, мыслями подобными голову не забивала.

— Но он же для тебя... старый.

— Кто? — обомлела я в еще большем удивлении.

— Еремов. Вот сколько тебе лет? Двадцать пять?

Ошарашено (отчасти паясничая) моргаю я, неторопливо дожжевывая пищу:

— Блоха, — проглотила остатки. — Тебе не кажется, что ты... забываешься?

— О чем? Что я такого сказал?

— О том, что он — твой босс.

— Ну, босс. И что это меняет? Я же не крысятничаю. А так, просто... вопросы задаю. Е плане баб — он не постоянный, и все это знают. Если... Кузнецов молчит, то это — его дело. Как и Ереме, ему на всех насрать. А мне тебя жаль. Вот ты молчишь. Но сколько у вас разница в возрасте? Лет пятнадцать?

Обмерла я, прибитая заявленным. Пытаюсь подыграть, дабы скрыть свое волнение и смятение, что посеял в моей душе этот гад предыдущими словами.

Хмурюсь, силясь вспомнить год рождения Еремова — раньше я как-то сколько ему лет, и о разнице наших возрастов не задумывалась:

— Он, вроде... 74 года рождения?..

— Да, в 2014 гремел его юбилей. Ваши хорошо должны это помнить.

(«Наши»... ну-ну)

— Значит, десять лет, — подытоживаю я. — И? Не вижу проблемы.

— Почему же? Ему стукнет пятьдесят, а тебе еще только сорок.

— Блоха, — подаюсь немного вперед; сознательно, откровенно грублю, презрительно улыбаюсь: — Да хоть сто лет разницы. Тебе какое дело?

Скривился, вздернув бровью. Не отодвинулся...

Коварно ухмыльнулся.

Откусил отбивную и прожевал, нарочно дразня своим молчанием.

— Да никакой, — наконец-то ответил. Загадочная улыбка: — Просто, я думал, ты умная баба, хотел помочь. Но, оказывается, ошибся. Ты такая же, как и те, кого он до этого тягал.

Обмерла я, округлив очи.

— Ну, вот, — внезапно продолжил, — какие у вас с ним общие интересы? Кроме постели... Какие? Никакие? — кивает головой, сам невольно отвечая на свой вопрос. — Он же не изменится, Том... Никогда. Ерема же как нарик конченный: привычку не бросит, даже если ему дуло в пасть засунуть. Человек в тринадцать лет ушел из дома, громко хлопнув дверью, послав всех на**й... И с тех пор его семья — это пацаны, братва. Оно тебе надо? Ты такой жизни хочешь? В страхе, в жути, а коль что... — и от звонка до звонка вместе с ним отсиживаться: только каждый по своим норам. И это если ему вышак не впаяют, что, кстати, куда быстрее всего...

Тотчас закашлялась я, невольно поперхнувшись крошками. Глаза просто полезли на лоб от услышанного...

Шумный вздох, секунды дабы отойти от шока — и резво (с грохотом) встать из-за стола.

Выбросить остатки пищи в мусорку, помыть тарелку.

Разворот. Спиной к тумбе, опереться руками на раковину. Взгляд в глаза ублюдку.

Прожевать матерные слова:

— Я сделаю вид, что этого разговора не было. Не знаю, зачем тебе это, но ты... неправ. Какое бы не было у нас с ним будущее — но оно есть. И ничего я менять не собираюсь. Спасибо за компанию, — лживо улыбнулась и мигом вылетела из кухни.

Пройтись в спальню, достать одежду (благо, еще до этого Еремов меня надоумил, заставил перевезти сюда кое-какие вещи из дома), найти полотенце и пройти в ванную.

— Борь, я купаться! — учтиво рапортую своей охране.

— Ага, иди, — слышится из комнаты.

Дверь на защелку.

Воду до упора, да погорячее. Да только залезть под душ так и не решилась. Более того — даже раздеться... Столько кобелей сейчас за дверью, что просто духа не хватит...

Да еще и эти речи Блохина...

Присесть на край ванны — и замереть в раздумьях.

Черт! Что за бред?!

"Заботится" он обо мне...

С*ка, а не Блоха...

Гневно потереть руками лицо, сгоняя напряжение.

Черт! Не верю! НЕ ВЕРЮ я этому идиоту!

И вновь выпустить табун шальных мыслей.

Мерзкая вша... Просто выбесил меня! Выбил из колеи.

Паскудно теперь на душе. Гадко, словно на помойке...

Почему-то я считала, что все люди Еремы, его приближенные, друзья, — всегда горой за него, на всё готовы и принимают его решения безоговорочно. А тут — мало того, что мне ткнули пальцем на мое место: "ваши-наши"; так еще и в его, Гриши, огород камни полетели... "Интересы", б***ь... Ему важны наши общие интересы... "Ничего, кроме постели..." А тебя оно е**т? Да даже если и так... тебе-то... ЧТО?

Устанешь свечку держать, али че?

(шумно выдохнуть)

Просто, вам мерзко осознавать, кто я на самом деле?.. ДА?

И что он выбрал меня... вопреки вашим законам, верованиям и ощущениям.

Так?

А иначе просто ума не приложу, какие еще могут быть тому причины...

Вдруг грохот. Шорох в коридоре.

Обмерла в испуге.

Живо выключаю воду и прислушиваюсь.

— Еще раз, с*ка, подкатишь к ней свои шары — и я, б***ь, сам тебя уган**щу! ВСОСАЛ ГНИДА Е**ЧАЯ?! Или повторить?!

Огрызается второй, но различить слова невозможно. Щелкнул замок.

Открываю и я дверь.

Стоит на пороге Кузнецов... потирает окровавленный кулак.

Блохина не видно.

— Борь... — несмело позвала его. — Что случилось?

Метаю испуганные взгляды по сторонам, ища строптивного.

— Ничего. Иди мойся, — рычит сдержанно, не смотрит.

— А Блоха где? — взволнованно.

— В машине спать будет, — раздраженно рявкнул, разворот. Глаза в глаза. Яростно: —

Жарко ему здесь! — бросил на прощание и живо пошагал в комнату.

Выбраться из ванной. Торопливо вытереться, натянуть белье, кофту с длинным рукавом, спортивные штаны. Провернуть защелку, открыть дверь. Несмелые шаги в коридор, в сторону зала.

Сидит, смотрит Кузнецов телевизор.

— Борь... — робко, несмело позвала я.

— Что? — кидает слово, а вот взгляд так и не переводит, все еще таращится в экран.

— Ты Еремову скажешь?

— О чем? — удивленно метнул на меня взор.

— О Блохе.

— А надо?

Оторопела я, даже не знаю, что сказать. Для меня-то сие... по сути, впервые.

Но вдруг продолжил:

— Знаешь, сколько еще таких будет? Это что свой. Да, косяк жесткий: гнилое дело — бабу у своих отбивать... — похолодело у меня внутри от прозрения, оцепенела. — Но на тебя-то взглянешь — понятно. Молодой, дурной — быстро потек. А так... Это же Ерема: чуть что задели за живое — так сразу к кораблям.

Стою, разодранная, распятая услышанным.

Но Борис игнорирует. Отворачивается. Вновь делает вид полной заинтересованности тем, что происходит на экране.

Минуты...

— Борь, — опять несмело зову.

— Что? — раздраженно вздыхает. Переводит взгляд на меня. Глаза в глаза.

Нервно проглатываю страх и решаюсь на важный вопрос. Правдивый ответ, по сути, на который не так уж важен. Уж лучше пусть соврет, но зато... на душе станет спокойно.

— А тогда... летом. На складах. Если бы не... эти мои уродства... ты бы... вы бы — поправляю себя, — меня изнасиловали?

Обомлел, прозревший.

Нервически сглотнул слюну. Отвернулся на миг. Шумный вздох.

Встал.

Шаги ближе — отчего невольно дернулась я назад, но тут же уперлась спиной в косяк. Закоченела от страха.

Ухмыльнулся:

— Во-первых, не уродства... а испытания судьбы, — неожиданно коснулся моего лица, заправил локон волос за ухо — поежилась, побежали мурашки по телу. — Ты как была красива, так и осталась, — отступает немного назад, разворот — взгляд около... — И даже Еремов тому доказательство: он-то уж ценитель у нас... прекрасного. Во-вторых, — и вновь глаза в глаза со мною, — мы не какие-то конченые отморозки. Попугать — да: дело святое. А за тобой, как и за тем ублюдком — косяк малый был, незначительный, просто не вовремя, а потому и попали на взрыв.

— Но он поймал пулю... — несмело шепчу, пристыжено опутив взгляд.

— За то, что сдал, — поспешно уточнил Борис. — А это уже другой косяк, совсем из другой оперы.

Немного помолчав, добавил:

— Короче, что было, то было. Все мы — не безгрешны. Но сейчас ты — баба Еремы. И это — единственное, что должно тебя волновать. Остальное мы сами все порешаем. Ясно?

— Когда он вернется?

Обмер от внезапности поворота диалога.

Шумный вздох — и потер глаза, прогоняя напряжение, раздражение, гнев.

Взор на меня:

— Не знаю. Когда будет, тогда и будет. Привыкай.

Глава 19. Вещь

Глава 19. Вещь

А вот и пятница. Тяжело дался очередной рабочий день, но если бы не он, если бы не труд, то и того было бы кошмарнее — мысли глушили голову, раздирая оную на части: где Еремов, чем занимается, что ему угрожает... и когда вернется?

И снова вечер. И снова за мной приехали Борис с Блохой.

Коротко поздороваться, бросить мимолетный взгляд то на (не выпавшегося, замученного, со сломанным носом) Блохина, то на Кузнецова, что не меньше моего грузился своими проблемами, — и отвернуться к окну.

Пустой, бесцельный взор на мелькающие виды.

Гриши уже почти неделю нет. И сколько еще не будет? Черт, а если во что-то вляпался?

Надо было у Фирсова выведать. Как он пытался из меня выудить информацию, так и с ним в пору поступить.

И если что...

А что, если что? Вот что я смогу сделать?

Помешать правосудию? Или что?

И где, какая теперь... моя правда?

Но и не смогу тихо, смиренно смотреть, как будут закрывать Еремова. Однозначно.

Да. Это — эгоизм. Эгоизм! Ну, и что?

Что, коль это — единственный вариант, основа моего выживания... как душевного, так и телесного? Не вечно же мне куковать под присмотром людей Гриши? Под опекой того же Бори?... в то время, как Еремов будет колесить, где придется, или вздумается...

Но, даже если... и доберется Фирсов, если захлопнет за ним решетку — ничего не изменится. Этот человек спас меня. Да, пытались все. Чего только стояла самоотверженность, доброта того же Макса, но...

Спас, вытащил из клещей страха, отчаяния, собственной никчемности — Он. И только Он. Мой Еремов. Потому и вопреки всему... я люблю его, безмерно люблю, и приму любую судьбу, даже если это — ждать с ним встречи годами...

— Борь, а ты женат?

— Что? — нервно дернулся в мою сторону, огорошенный Кузнецов. Уставил взгляд, оторвавшись на мгновение от дороги.

Невольно улыбаюсь его такой реакции.

— Говорю, женат ли ты? — не без иронии переспрашиваю. — Может, невеста есть, или жена?

— И потому у Еремова в квартире ночую?

— Ну, — пожала я плечами, отворачиваюсь. — Всякое бывает. Тем более... это же — дела, а не добровольно.

— Ну, как сказать.

Удивленно вздернула я бровями.

— В смысле? — разворот.

— В смысле, — вдруг резво, грубо вклинился в разговор Блоха. — Что и он на тебя

точит. А отгреб только я.

Обомлела я, прозревшая.

— Слушай, п**дюк, — в ярости метнул взгляд Кузнецов на «пассажира». — Ты сейчас довые****ешься!..

— Правда в глаза колет, да?

— Ты че, тварь? — выпучил неистово очи Борис. Удар по тормозам — взвизгнули шины.

Резво дернул дверь — и влетел наружу: кинулся, вытащил за грудки ублюдка.

Гудят, пиликают сзади подоспевшие автомобили...

Выскочила за ними и я: испуганно заорала, завизжала, замолила остановиться (отчаянно махая руками, цепляясь за куртку ополоумевшего, силой пытаюсь оттащить обратно) — да срать хотел Кузнецов: лупит, гасит этого идиота прямо у всех на виду. Да так, что тот уже давно и не сопротивляется: куда против такого шкафа?

Слезы рекой потекли по щекам.

С*ка... опять всё по е**ному кругу... Опять эта бесовская внешность, что в пору самой уже ее изуродовать...

Еще миг — отступаю, пячусь... лихорадочно мотая головой.

Нет. Нет, я больше так не могу...

Резвый разворот — и наутек, изо всех сил... что было духу, дури, боли... между двумя сплошными в неизвестность.

Господи, за что?! Сколько еще будет это всё?! Почему нельзя просто жить... быть с Еремовым. И что ничего лишнего! Ничего... и никого!

Чертовы кобели. Все никак конченую самку не поделите. Самку, которой тошно от одной только мысли... о вас и о вашей похоти!

— А ты, б***ь, еще куда?! — вдруг раздалось свирепое за моей спиной.

Догнал. Сработало. Конечно, сработало. Куда лучше всяких уговоров — когда трофей бежит, тут уже не до дележки...

Мигom настигает и хватает за локоть. Пытаюсь выдраться:

— ОТПУСТИ!

Борзо, гневно, неистово отдергивает обратно, швыряет, отчего, словно кукла, тотчас полетела я на асфальт. Шаг ближе — и повелительно, бесцеремонно подхватил, поднял к себе на руки, перекинул через плечо и понес к машине.

— Отпусти! Кузнецов, отпусти! — ору, визжу, колочу со всей дури кулаками по его спине — тщетно.

Еще шаг — и опускает, едва ли не бросает на землю: пошатнулась, повалилась на авто.

— Уйди! — рычу. Попытка выдраться, сопротивляться.

— Мне сказано доставить и следить — значит так и будет! И мне по*** на вас двоих! — метнул яростный взгляд то на меня, запуганную, то на Блоху, избитого и скрюченного: — Хотите вые**ваться — вые****йтесь! Но не мне, б***ь! Приедет Ерема — и валяйте, что хотите! Он, с*ка, быстро эту х**ню порешает! А мне эта е**тень не нужна! ЖИВО. СЕЛА. I МАШИНУ! — жестко, мерно, словно демон.

— Я — не вещь! — злобно рычу, прозревшая от такого его поведения.

— ВЕЩЬ, Балашова. ВЕЩЬ! — сплюнул яростно в лицо.

Миг — и, ухватив за шкварки, отстранил вбок, открыл машину и запихнул, силой втолкнул меня в салон.

— Сейчас — ВЕЩЬ, — с лязгом закрыл дверь.

Сидим вдвоем с Кузнецовым на кухне (опять Блоха в машине, внизу). Молча, пьем чай. Каждый повесил голову и утопает в своих тяжелых мыслях.

— Прости, — внезапно шепнул, отчего невольно вздрогнула я. Подвести очи и уставиться ему в лицо (а вот он не смотрит). Продолжил: — Но и ты сегодня неправа была, — глаза в глаза. — Не смей больше так реагировать, вести себя. Никогда не пререкайся, на людях. Даже если тебе кажется, что вокруг — одни друзья.

Слушаю, внимаю ошарашено; боюсь моргнуть.

— Особенно с Еремой, — ведет дальше; взгляд около. — Ни огрызаться, ни истереть, а уж тем более унижать. Ты же вроде уже большая девка, и касалась нашего мира — а элементарного не сечешь. Так и по роже могут съездить, и не только это... То, что ты там при Алтухове творила — даже я ох**л с лояльности Гриши. Он тебе не сказал, так я скажу: такое — непростительно. Дома — хоть на ушах стой. За пределами — ты баба Еремы. Вещь. Неотъемлемая часть его...которая просто ну не может не подчиняться. Смирись. Ведь даже если ТЫ его дискредитируешь, и он это терпит, то чего мы, равные пацаны, должны его слушать и ему подчиняться? Им баба командует? Вот и пусть ходит под ней, а не...

Опускаю пристыжено очи.

Прожевал эмоции. Шумно вздохнул:

— И пока я за тобой присматриваю, ты будешь подчиняться мне. Всё понятно? Я, вроде, ничего лишнего не прошу, и скотски себя не веду. Вот и ты, будь добра, иди навстречу... Договорились?

Нервически сглотнула скопившуюся слюну. Немного помедлила, но решаюсь (не подводя глаз):

— Да. Договорились.

...

Долгие, пустые, тяжелые минуты... неловкости и рассуждений.

Бесцельный взгляд за окно...

И вдруг раздался шорох. Тихий стук.

Мигом встrepенулась, сорвалась с места я. Поспешил за мной и Кузнецов. Обмерли в коридоре, ожидая.

Еще момент, еще штрих — и дверь распахнулась.

Дикий, радостный стон, вскрик невольно вырвался из моей груди. Еремов. Моя попытка кинуться на него, его же — зайти в квартиру. Столкнулись, как идиоты.

Счастливо смеюсь, торопливо отступая.

Но уже буквально доля секунды — и сам бросается на меня. Жадный, откровенный, развратный, пылкий поцелуй в губы — наполняя, насыщая меня сполна своим ароматом, вкусом, теплом. Одной рукой прижимает за талию к себе, а второй — силится стащить с себя вещи. Отчаянно помогаю.

Шаги наощупь — забрались в кухню. Еще миг — и уткнулись в стол: хода дальше нет. Смеюсь, пристыжено. Отрываюсь от его губ — а он и не против, тотчас прилипает лаской к шее, еще больше доводя меня до трепета, до взрыва неистового желания.

— Может, голодный? Поешь?

— Ага, — ржет, и тут же повалил меня на стол.

Рассмеялся Боря: живо убрал со стола чашки, давая нам больше свободы; шаги на выход.

Схватил курку.

Слышно:

— Я буду в машине.

Едва раздался стук двери, как тотчас, словно по команде, среагировал Еремов. В момент отстранился назад: грубо, алчно стащил с меня джинсы, белье — и вновь повалил на стол. Точные, ловкие, но спешные движения... Не успеваю даже ничего сказать, как в следующий миг — полностью ощутила его уже в себе. Резвый напор, по нарастающей действия, доводя меня до полного исступления, до дрожи, до громких, что не в силах сдержать, наполненных изнеможением и похотью, стонов. На глаза проступили слезы...

Замер, расплываясь в удовольствии...

Глубокие, усталые вдохи.

И вдруг, едва различимо шепотом на ухо:

— Евсеев мертв.

Обмерла, окаменела я от услышанного. Но секунды — и, ничего больше не сказав, не продолжив, отстранился от меня; поправил, застегнул брюки. Шаги в коридор, не оборачиваясь. Мигом спускаюсь и я со стола. Торопливо слеую за ним.

В ванной замер Гриша — моет руки.

— В смысле? — хмурюсь, огорошенная. Все еще никак не могу понять, не послышалось ли мне. И что он имел в виду (ведь такого, казалось, просто не может быть... в природе даже: только не этот бес).

Молчит. Выключил кран. Вытер руки.

Движение ко мне ближе.

Улыбнулся Еремов, вдруг добро так, снисходительно, нежно, будто умиляясь моему наивному замешательству.

Коснулся бережно щеки и провел вдоль скулы.

Ухмылка:

— В прямом, — наконец-то прозвучало, будто гром, подтверждая вперед прорвавшееся сверканье молнии. — Его больше нет.

Глава 20. Свобода

Глава 20. Свобода

Свобода.

Вот она, да? Моя свобода? Даренная волею иронии судьбы, или даже сарказма — не судом, не той стороной, которую я избрала как мир для себя, как Закон, как наставление, как цель, а «врагами»... «Чужими», в то время как у «своих» вопреки всему... с этим не срослось.

Свобода. Несколько лет... но теперь — свободна? И ни тебе ночей в отделении, и ни тебе страха за спиной. И ни тебе черной дыры внутри, вместо... души, что пожирала все вокруг?

Еремов. Мой Еремов мне эту свободу подарил. Под солнцем, на ветру, среди покоя...

Суббота. Гриша уехал по делам. И я осталась одна.

Но сегодня я этому и рада. Рада, побыть наедине с собой — и полностью осмыслить все это, ощутить, понять. Переварить и принять: его больше нет.

Самого жуткого кошмара моей жизни — больше нет.

Закрывать дверь на ключ.

Сесть в лифт.

Несколько этажей — и выбраться наружу.

Выйти на улицу.

Впервые за долгое время не оглядываться.

Вдохнуть полной грудью.

Свобода.

Шаги по тротуару, вдоль по улице.

Жива. Я — жива. И буду жить...

Каренко? Каренко я не боюсь. Нет в нем того потенциала, что был в этом демоне. Да, может, я снова недооцениваю врага, но... тем не менее. Каренко — не Евсеев, а... как говорил когда-то Еремов, «очередной преступник», с грубостью, жестокостью которого приходится мириться, терпеть, и изо всех сил стараться не уступать. Ведь мы его поймаем. Я, Фирсов, Грановский — все мы приложим усилия и поймаем его. Без одаренного наставника — он где-то да ошибется. Я верю, чувствую, что проколется, споткнется гад — и тогда мы его схватим. Я схвачу — и засажу. И справедливость будет восстановлена.

Господи, неужели?

«Евсеев — мертв», — слова вторились в моей голове, словно у помешавшегося маньяка. Мертв.

Рада ли я? Чего греха таить — рада. Увы, но рада. Мы словно были замкнуты в одной комнате, где кислорода хватало до прибытия спасателей лишь на одного.

Либо он. Либо я.

И судьба решила иначе. Судьба, а не я. Я не отрицаю своей вины. Нет, однако... это судьба меня свела с Еремовым, да так плотно связала, скрутила, что и бежать не только нет сил, но и желания.

Я люблю Гришу. И теперь знаю — он любит меня. Странной, грубой, черствой любовью... и возможно, лишь на несколько месяцев, недель, дней... как утверждают его же

друзья-знакомые, но... любит. Сегодня он меня любит. Сегодня — я его, и при этом свободна.

А мне более и не надо.

Перейти через проезжую часть — и податься в торговый центр. Не за покупками даже. Нет. Просто прогуляться, пройтись среди толпы, каждую минуту не пробивая боковым зрением обстановку, не оглядываясь, и не шерстя предчувствием округу. Нет.

Просто... жить. Просто... бродить. Просто... дышать.

...

Сесть в автобус. Автобус!... и отправиться домой, к себе в квартиру.

За последние месяцы была здесь всего несколько раз: да так, что на пальцах можно пересчитать, одной руки.

Уже отвыкла от всего. Дико даже.

Так быстро дом Еремова стал для меня родным, а мой, «облюбованный» годами, — пустым и чужим.

Перебрать вещи. Приготовить пакеты. Убраться немного: целый слой пыли, меняющий цвет мебели в уныло-серый. Выбросить мусор, засохший цветок.

Еще раз проветрить закрыла ли краны на трубах: газ, вода.

Взгляд на баулы у входа: пусть завтра сам приезжает и забирает их. Не хочу тащиться с ними, хоть даже и в такси.

Захлопнуть дверь, закрыть на два замка...

И снова лифт. Улица.

Строптивная зима. Вокруг — промозгло и жутко. Сумерки спустились, времени не стыдись.

Пройтись в сторону местного супермаркета: купить бы чего-нибудь из еды, а то уже и желудок крутит. За целый день ни крошки во рту. А не хватало еще возвращение гастрита. Хотя, чего это я? Скоро опять-таки весна, и вероятней всего — «плановое» обострение. Так что, хоть молись, хоть крестись, а что заработала, то заработала.

Через темные дворы да в сторону яркой вывески. Издевательское поведение фонарей: там островок света, будто днем, здесь — ленивое мерцание, диско (только музыки не хватает): то зажгутся, то потухнут задумчивые и неопределенные стражи-светочи. Еще немного вглубь — и вновь полная темень. Хоть глаз выколи. Одно спасение: временами из-за туч выходила заботливая, снисходительная луна.

Ускоряю шаг — старая, чаще всего неосознанная, привычка. Да оно и понятно: гоп-стоп никого не милует. Попался в нужном месте в нужный час — получай. И не факт, что не арматурой по голове.

Я-то одному смогу дать отпор, даже в свете нынешних своих «слабостей», однако толпа — оно, как говорится, и батька проще бить. Пистолет? Мне его так и не выдали. Да и ладно. Особо нигде одна и не шатаюсь. Только что сегодня, и то... в честь «праздника».

Еще немного — и послышался где-то рядом хлопок. Станный, непонятный.

Обмерла на мгновение.

Но даже не от звука.

Странное, жуткое, просто убийственное чувство из прошлого.

Запах... яда, смерти, страха...

Запах Евсеева. Я готова была сейчас клясться всем, чем угодно, что это именно он, и мне не кажется, а так оно... и есть.

Живо закурилась, скользя взглядом по сторонам.

Животный, первобытный страх сжал все мышцы в теле.

Черная дыра... она вновь проснулась внутри меня и начала свой плавный, замысловатый ход, стягивая все в себя живое по спирали.

Сердце заколотилось, затрепыхалось в груди, словно бешенное. Будто чувствуя, ощущая каждой своей клеткой: еще немного — и его вынут из его дома и вновь отправят на съедение... голодным псам.

Мигом срываюсь на бег, вперемешку с торопливой ходьбой, дабы сильно не привлекать внимания. Дабы слиться с серостью и толпой.

Шорох за спиной.

Казалось, я уже кожей чувствовала его рядом.

Дикая кошка ужаса заживо драла давно когда-то не додранное...

Еще миг — и выскакиваю на свет. Оборачиваюсь на миг — издалека виден силуэт. Не сбавляю скорости. Мчу в сторону проезжей части — а там длинным путем, но можно добраться домой.

И снова оборачиваюсь — словно выстрел: узнаю лицо. Обезумевшая, лечу в сторону единственного оплота, единственного места, где можно укрыться.

Слышно скорое, стремительное движение за мной...

Долететь до подъезда, на ходу уже лихорадочно вынимая ключи из кармана. Прислонить синий кружок к домофону — пиликнуло устройство.

Тотчас нырнуть внутрь и плотно, с диким лязгом захлопнуть за собой.

Не знаю, правда или ложь, но странный звук, шорох за дверью, отбивающийся в моем вскипевшем сознании жутким шепотом:

— Куда же ты, родная?

На лестницу — только не лифт!

Забраться наверх и лихорадочно целясь, а затем, крутя ключами в замочной скважине, отпереть пристанище.

Едва не отрывая барашки, запереть замки.

Сползти на пол.

Сердце... колет, режет, ноет. И снова чертова лопатка словно горит. Рука адски немеет, лишая возможности даже нормально ей управлять.

Нырнуть в сумку. Достать таблетки. Лихорадочные, топорные движения — что порвала, что просыпала.

Заглотнуть едва не жменей по максимум дозу всего подряд — и выдохнуть.

Опереться спиной на стену.

И вновь выдох.

Догорает, умирает душа от страха...

Несмело достать телефон. Набрать заветный номер:

— Да, зай? — послышалось наконец-то...

Жуткая, волнительная пауза — перебираю слова, находя силы на звук:

— Зачем ты соврал?

Обмер, не сразу ответил:

— Ты о чем? — казалось, вполне искренне, даже грубо удивился.

Сухие, мертвые слезы скатились по щекам...

— Евсеев. Он же жив...

...и он здесь, за моей дверью.

Глава 21. Эксплозия

Глава 21. Эксплозия

Не знаю, сколько прошло времени. Но недолго.

Когда забарабанили, злобно, уверенно заколотили в дверь, меня даже подбросило на месте, вырывая из дурмана, протрации.

— ОТКРЫВАЙ! Балашова, это я — Ерема! ТАМАРА!

И снова жесткий, дикий стук, отчего скоро так и соседи выползут на сие землетрясение. Неспешно, буквально из последних сил, поднялась, дотянулась до дверного глазка.

Пристальный, внимательный взгляд — и подчиняюсь: провернуть барашки, один за другим.

Полотно проделало свой ход — несмело отступаю, давая возможность зайти внутрь. Мигом хватает за руки:

— Том, ты как? — заставляет присесть на низкую тумбу. Сверлящий, молящий взгляд в глаза: — Что случилось?

— Я его видела. Еле убежала...

Пристыжено опустил взор, нервически сглотнул слюну. Скривился.

— Зачем ты мне соврал? — едва слышно, тихо, смиренно. Отрешенно...

Но не ответил. Шумный вздох. Внезапно схватил за локоть и подал вверх, заставляя встать:

— Пошли на кухню, воды выпьешь.

Подчиняюсь неохотно, лениво, едва осознанно.

Присесть на табурет. Пустой взгляд пред собой.

Протянул кружку:

— Вот, выпей — станет легче. Выпей, выпей, — подначивает, силой поднимает чашку и заставляет влагу коснуться моих губ. И вновь невольно покоряюсь — короткие, несмелые глотки.

Отпустить посудину, роняя в его ладони.

Живо отставил на стол, присел напротив меня, на корточки. Схватил руки в свои и крепко сжал.

— Все хорошо. Теперь я рядом...

— Гриш, — не унимаюсь. Робко подвожу взгляд: глаза в глаза. А в груди так и дерет обида. — Зачем? Я же не просила... — качаю головой, — я же тебя не натравливала на него. Зачем?

Нервно сглотнул слюну.

Встал, отстранился от меня. Шаги по кругу. Обмер. Руки в боки.

Вдруг негромко, но мерно и жестко проговорил:

— Я — не врал. Он — мертв.

Качаю головой, поражаясь его упрямству: даже сейчас, когда и так все стало ясным. Явным. Когда ложь раскрылась. Зачем?

— И вообще, — внезапно отозвался недовольным голосом. — Чего ты по темноте одна гуляла? Что, вообще, забыла здесь? — взгляд около. — Нах*ра приехала? Завтра бы вместе смотались, если так срочно понадобилось. Или ночью, когда бы я там сегодня приехал

домой... Ну?

И снова глаза в глаза. Не отступаю:

— Зачем? Зачем соврал?

Окаменел. Жуткий, пронзающий взгляд — словно только что достиг точки кипения.

Резко дернулся, приблизился ко мне, на расстоянии вдоха (тотчас от испуга все сжалось внутри меня).

Впился неистовым взглядом.

Жестко, яростно завопил:

— ДА, НЕ ВРАЛ, б***ь! НЕ ВРАЛ Я! Я сам этой с*ке глотку перерезал!

Заледенела от услышанного. Оцепенела, изумленно выпучив очи.

Неспешно отстранился. Шумно выдохнул.

Но вдруг резкое, бешенное движение — схватил табурет — запустил в стену, отчего тот враз развалился на части.

(передернуло меня от страха)

Гневный, больной крик на всю квартиру (разъяренно жестикулируя):

— Я, с*ка, НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ, кого ты там, б***ь, видела! НЕ ЗНАЮ! Но, х** того. Больше НЕТ!...НЕТ!

Приблизился. Очи в очи.

...дико, словно зверь, утробно зарычал

(сильнее ежусь):

— ЕВСЕЕВА. БОЛЬШЕ. НЕТ!

Медленно отодвинулся. И вновь шаги по кругу...

Внезапно забрюзжало, зашумело что-то где-то, а затем и вовсе раздалась мелодия.

Живо нырнул в карман Еремов, достал телефон:

— ДА?! — раздраженно рявкнул на нервах. Но миг — и уже более сдержанно: — Ничего. Здоров, — долгая, жуткая пауза, замечаю, как на лице пробивается не то удивление, не то злость: — Ясно! — гневно перебил собеседника. — Едем. С кем, с кем, б***ь?! С ЖЕНОЙ!

Ошарашено опускаю взгляд, дрожь по телу.

Вдруг поворачивается ко мне Еремов. Сдержанно:

— Шмотки — завтра. А сейчас собирайся. Дела зовут. Одну я тебя не ставлю. Со мной поедешь. Не знаю, кто там к тебе приходил, некогда разбираться. Всё потом... ЖИВО!

Сесть в авто — и зажать педаль газа.

Мчали... далеко от дома: от моего, от его. За город. По трассе — в никуда.

Спросить — не решаюсь. Да и не скажет. Судя по всему: я всегда буду в стороне от его той, другой жизни. Что, возможно, и не худший... вариант.

Нервно сглотнуть слюну и отвернуться в сторону. Взгляд за окно.

Евсеев.

Не знаю уже... Раз Еремов так уверен, раз он «сам»...

Черт. Но я готова клясться, что там, во дворе был Евсеев. Что его голос я слышала через дверь.

Да и оно более разумно: невозможно этого демона вот так просто убить. НЕВОЗМОЖНО! Ничто и никто его не берет. Порой мне кажется, выстрели я ему в лоб — он все равно останется жив. Не знаю, какая неведомая, жуткая сила в нем — но она есть, и она

им не просто управляет, движет, а оберегает его, хранит.

— А если это был Каренко?

— А? — кинул на меня в непонимании взгляд Гриша. — Что Каренко?

— Если там был Каренко?

— Ну-у, — повел, — в это я еще могу поверить.

— Нет, не у меня, — перебиваю. — Запах Евсеева я везде узнаю. Мне сложно это объяснить, но... Короче, — хмурюсь, качая головой, понимая, что веду не туда, что еще хуже сейчас сделаю. — А что если... ты, — «убил»? сказать «убил»? — «остановил» Каренко. Они очень похожи. Погоди, — обомлела я от прозрения. — Все сходится. Подражатель — нелепый, глупый, наивный, с мечтой как у него. Отличная рокировка, алиби, отвод глаз. А дальше сам Евсеев становится Подражателем на Подражателя. Дела творит — а шишки на друга валяться. И если что — пострадает исключительно тот. Пострадает Каренко. Он явно не рассчитывал на наш с тобой союз, но что мои ребята, друзья, бросятся его душить — это непременно. Вот почему они так похожи. Вот почему из всех — именно Каренко. Чтобы если и убили, то не его. Спорим, все мелочи, даже вещи в кармане, одежда сама — все было Евсеева, все штрихи стрелками указывали на этого ублюдка. Вот только... ни тело, ни душа — отнюдь не демона. Глупого, слепого, наивного, доверчивого преступника. Но не демона...

Пристальный, с вызовом взор на Еремова, ища подтверждения своим словам.

Но молчал. Лишь нервно кривился, играл скулами, пристально всматриваясь на дорогу.

Внезапно вновь шорох, звук вибровывова, вот только уже мелодия другая. Мой телефон.

Мигом ныряю в карман. Взгляд на экран: «Фирсов».

— Кто там? — бросает косой, отчасти машинальный, пустой взор Гриша.

— Макс. Фирсов, — несмело отвечаю. — Принять?

Глаза в глаза. Странно улыбнулся:

— Прими.

И вновь взгляд перевел на проезжую часть.

— Слушаю?

Торопливое, серьезное, на грани надрыва:

— Если ты с ним — то беги.

... гудки.

В ужасе, в непонимании уставилась я на дорогу: входим в поворот, и вдруг буквально нос к носу столкнулись с преграждающими путь автомобилями (часть — даже с мигалками).

— НАЗАД! — визжу, словно ополоумевшая.

Резко реагирует: по тормозам, разворот — и, вдавливая педаль газа до упора, мчим долой.

— Что сказал? — бросает жесткое.

— Сказал бежать.

— Понятно... Вот, с*ка... — гневно пнул баранку.

Но миг — и уже крутит руль, ловко входя в очередной поворот. А сзади отчаянно режут хищники, так голодно, яростно требуя в свои лапы улизнувшую дичь.

— Кто? Что случилось? — испуганно шепчу.

— Не знаю, — рычит и снова занос. — Б***ь! Реально, не знаю! Отрываться надо. По трассе нельзя: железно и там тупик.

Вдруг сбрасывает скорость — чуть в сторону и прямо в лес. Прыгая по кочкам, как по пружинам, мы рвались в никуда... Ловко, на грани чистого везения, проскальзывали между

стволами деревьев, что буквально стеной стояли впереди. Еще миг — и резко по тормозам — едва кубарем не пошли вниз.

Обрыв. По бокам — густые заросли.

— ВЫХОДИ! — командует. И сам тут же выныривает наружу.

Достал пистолет. Схватил за руку.

По гребню, по краю обрыва, хватаясь по пути за ветки, как за спасательные страховки, дабы вовсе не сорваться вниз.

Послышался вдалеке стук дверей.

Прибавить скорости: бежим, на пределе, путаясь в собственных ногах.

Задыхаюсь.

И снова чертова боль в груди, которую я бы безумно хотела не замечать, но каждый раз она все сильнее, пронзительнее, и уже даже золотистые звезды в глазах на темных пятнах не дают четко видеть, куда ступаю шаг.

— Хорошая моя, пожалуйста! — тянет уже силой меня за собой. — Шустрее, зай!

Миг — спотыкаюсь и падаю, в глазах темно, в груди уже не камень, а валун — вдохи делаю лишь осознанно, силой. Нет во мне больше... сил жить. Реву, отчаянно.

Присел. Схватил мое лицо в свои руки.

— Ты слышишь меня? Том! Тома, ответь!

— Да.

— Оставайся здесь. Жди их. Сразу сдайся — ничего не будет. Скажи, силой уволок. В заложники взял. Жизни угрожал. Что угодно плети — не страшно. Ничего не бойся. Если начнут давить, если видишь, что не справляешься, что могут не как свидетелем пустить — звони Ефиму. В любое время, в любой момент. Не страшно. Он поможет. Бесплатно. Выгородит тебя. Через Борю его найдешь. Кузнецову доверяй. Я вернусь по тебя. Как смогу — вернусь. Обещаю.

Еще миг — и оторвался. Разворот — помчал прочь...

Дикий, обреченный стон, писк... словно сама моя чертова жизнь вырвалась наружу.

Рухнула лицом наземь, в грязь, в труху — и горько завывала, отчаянно грызя кулак, дабы не выдать заранее... ни себя, ни его... лишним звуком.

Глава 22. Послевкусие

Глава 22. Послевкусие

Сидя на голой земле, жадно поджав под себя ноги и нервически качаясь, шатаюсь из стороны в сторону, бессмысленно пялилась я в одну точку.

Не сразу даже поняла, что кто-то что-то кричит мне. Приказы. Угрозы. Требования...

Плевать. На все — плевать. Конец. Всему конец.

Подошел, склонился, несмело коснулся плеч.

— Балашова! — в очередной раз прозвучало, встряхнув мое тело, словно неживое, прежде чем окончательно я поняла, осознала вокруг творящееся. — Посмотри на меня!

Нехотя подвожу взгляд.

Фирсов.

Отворачиваюсь, опускаю очи, вновь бесцельно потупив взор в землю.

— Кому тут врач?! — послышалось где-то сбоку.

— Ей! Вот. У нее лет восемь назад была трансплантация сердца. На таблетках.

Присела рядом со мной медработник.

— Женщина, вы меня слышите?

Не реагирую.

Шевельнулась та, что-то достала из своего кармана — и тотчас яркий свет выстрелил мне в лицо, отчего невольно дернулась, зажмурилась я.

— Отлично, — подытожила та.

— А ее кто-то досмотрел? Есть какие вещи?

— Да, Фирсов смотрел: ничего, и пушки тоже нет.

— Да ей и не выдавали, — послышался голос Макса.

— Ну, мало ли... этот ее, — и вновь едкое, незнакомое, мерзкое.

— Женщина, — снова обратилась ко мне незнакомка.

— Тамара ее зовут, — неожиданно кто-то вмешался, подсказывая. Неохотно подвожу взгляд — Грановский. Серьезный, сдержанный: но ни жалости, ни зла на его лице нет. Рисованное равнодушие.

— Спасибо, — кисло улыбнулась мадам. — Тамара, какие препараты сегодня принимали?

— Хех, вот с*ка! — слышится чей-то жуткий смех. — Бабу свою бросил... крыса позорная...

— Слушай, — внезапно перебивает его другой. — Так что там за перестрелка была? Попали?

Заледенела я, ошарашенная, округлив очи. Прислушиваюсь.

— Не знаю... Наши — все целы, а кровь, вроде как, нашли. Как эксперты подтвердят, так и отвечу...

— С*ки! С*ки, вы! — мигом срываюсь с места и бросаюсь на ублюдков, тут же пытаюсь заехать одному кулаком в челюсть. Но так не вовремя кто-то поймал, остановил меня и тотчас оттянул от уroda, силой сдерживая в стальной хватке. Застыли гады, ошарашено выпучив глаза.

— Эй, Фирсов, заberi свою больную! Пока мы ее не пришили! — послышался

незнакомый мужской голос у меня над ухом.

Подоспел Макс. Враз захватчик швырнул меня в его сторону — отчего невольно споткнулась, запутавшись в собственных ногах, упала на землю. Завизжала, зарыдала я, словно ополоумевшая.

Стреб в охапку Фирсов и жадно обнял. Короткие, нервные поцелуи куда попало. Противлюсь, вырываюсь, бьюсь, словно птица в клетке — тщетно. Скулю обезумевши...

— Тише, тише, — шепчет, еще сильнее сдавливая, удерживая меня в оковах своих рук. — Успокойся. Никто никого не ранил и не убил. Все в норме. Успокойся. Побереги себя.

Еще удары, еще мгновения — и обмерла, обвисла обреченно:

— Я его не сдам, — едва различимо, на ухо, сквозь плач.

Кивает головой Фирсов и еще сильнее обнимает, прижимает меня к себе:

— Я знаю... — шепотом.

Сдали. Свои же его и сдали. Не за Каренко-Евсеева, нет. Всё гораздо хуже и глубже. Указали на нить, нити, за которые потягивая, начали так удобно, так ловко и скоро милиция, прокуратура разматывать весь чертов клубок... Это был бунт, самый настоящий — для перераспределения власти. И много, очень много крыс тогда повывлазило на свет. Вот только ошиблись... Их оказалось недостаточно, чтобы полностью перекрыть, перечертить всю схему. Устранить Еремова — устранили, но еще остался Кузнецов — до мозга костей верный человек Гриши. Более того: он был лишь вершиной айсберга. Ибо преданных людей осталось гораздо больше тех тварей, что так слепо погнались за призрачной выгодой и возможным господством...

И кто все это заварил, кто сдал?

КТО?

Блохин. С*ка, БЛОХИН!

Гнида е**чая!

Как бы мне хотелось самой этой вше кадык вырвать!

Никогда не думала, что на это способна, да даже просто подумать о таком! Но сейчас — это был пик моих прелюдий, нежности и понимания.

Растоптала, с*ка, растерзала нас, прожевала и выплюнула.

А ведь все его считали другом (вопреки всем "но")...

Естественно, ничего на Еремова валить не стала. Сразу первый делом положенный звонок — Боре. Тот — Ефиму. И уже через час этот странный, веселый, но невероятно проницательный и хитрый мужичок вытащил меня за шкуру из бездонного колодца.

В свете всех этих обстоятельств, не без «кое-чьей» настоятельной просьбы, я уволилась из милиции. Задним числом.

Хотя и сама того хотела. Грановский оказался той еще с*кой, желающей кожу заживо с меня содрать и вывернуть наизнанку (хотя, и молодец в каком-то смысле, не поспоришь). Фирсов же, чье дело-то, как раз таки, сейчас блистало, вертелось, горело на столах и в чужих руках, тот, кому важнее всего было все это раскрутить, ибо вложено сил в него немало, и шерстилось не один год, оказался... истинным другом. Человеком. Не давил, не вымогал. Местами, даже морально поддерживал, особенно первые недели после случившегося, пока валялась в больнице.

Нет, так нет. Что уж тут? Да, официально я не была Еремову ни женой, ни иным близким родственником, а потому свидетельствовать была обязана. Однако Ефим все организовал, что не есть, в лучшем виде: любые упреки или намеки отскакивали от меня, словно мячик пин-понга от ракетки, основываясь на полном моем неведении, алиби или плохой памяти в связи с инвалидностью и постоянным, на грани нервного срыва, состоянием из-за дела Евсеева и Каренко (подозреваемых в совершении чреды убийств, "возможно" продолжающие мою прежнюю историю).

Еремова не только не схватили, но и след его упустили: где, как, и даже в какой стране нынче — неизвестно.

Была ли я в обиде на него за то, что он меня там бросил?

Ни капли. Побегу я дальше — и точно бы Богу душу отдала. Останься он — вlepили бы пожизненно, или "наши" пришли его ("при задержании" — и, кстати, это скорее всего; не говоря уже о тех крысах, которые тоже хотели обглодать его кости). Так что нет... Более того, это оградило меня от нападков предателей: подтверждая, что я — лишь очередная, тупая «шмара его, которую вовсе не жаль и в лесу бросить, на разрыв шакалам»...

Единственное, что меня грызло, на кого я злилась — это исключительно на себя. Это я нас обоих подвела: не смогла в нужный момент в нужном месте проявить физическую и моральную стойкость, сноровку и силу воли...

Я. И только я...

За мной следили «органы»: прослушки в телефоне, в доме. Любой поход — сродни кадрам из боевика. Однако и на том спасибо, какая-никакая, а все же "охрана": куковать в отделении больше не могла, а потому в страхе и одиночестве утопала в своей квартире, прячась за "тонкой" железной дверью.

Выходила на улицу исключительно днем, при свете белом и то, только в магазин да мусор вынести.

Блохина, как еще нескольких предателей из приближенных Еремы, убили буквально сразу. Причем, это была явно... чреда показательных казней. Даже того же Блоху — не успел и на сто метров отойти от своего дома, как в подворотне подловили, до полусмерти избили и ножом пырнули несколько раз, позорную крысу на тот свет гоня... и оставляя труп на видном месте.

Из новоиспеченной «шати-братии» бунтарей никто даже не рыпнулся за них. Никто не шелохнулся, не вступился, и мстить — и мысли таковой не явил... Однако, свято место пусто не бывает: и вслед за ним, за ними — пришли другие, жаждущие уже и Бориса смести, ставшего у руля вместо Гриши...

Это была война. Холодная, жестокая, беспощадная война... временами все же переходящая в откровенные, масштабами поражающие, "боевые действия". И милиция не особо стремилась всему тому помешать... То, что "наши" не смогли убрать, остановить законным путем — начало сметать себя, будто кто порохом всё засыпал, фитили подвел да в одночасье поджог...

С Борей связываться было опасно. Ему явно было не до меня: ведь кроме темных дел, еще и бизнес полностью свалился на его плечи...

...

Но я рискнула...

Заветное ОАО «ОНГМ».

Опять нервные секретарши. И опять Балашова без записи лезет.

Вот только уже совсем не до веселья.

— И когда ваш Кузнецов сегодня сможет принять? — рычу уже, не скрывая злости.

Раздраженно закатила девушка под лоб глаза:

— Я вам уже в сотый раз объясняю: проще — записаться!

Но тут внезапно, буквально у самой двери «босса», раздался мужской голос.

Оборачиваюсь на звук: ну, как же иначе? Значит, нет его, говоришь...

Резвые шаги вперед — и мигом, бесцеремонно рву на себя дверь за ручку.

Едва не лоб в лоб с каким-то молодым человеком столкнулась. Игнорирую. Бросаю взгляд тому за спину: сидит барин. Сидит и усом не ведет.

— Борис Федорович! — откровенно, гневно дерзя, пробиваюсь напролом — вовремя (учтиво) пропустил меня незнакомец. — Вы меня сегодня примите, али как?

Округлил очи Кузнецов:

— Балашова?

В момент подскочил с кресла:

— Да, конечно. Пошли...

Не ожидала — оторопела я от такого добродушного участия. Не менее ошарашенные застыли на пороге и зрители: испуганная секретарша и удивленный то ли сотрудник, то ли гость.

Стремительно приблизился, схватил куртку с вешалки Борис. Живо накинул себе оную на плечи. Движение ко мне — обнял за талию и повел на выход.

По коридору, а там — на лестницу. На крышу.

Замерли на краю. Упереться руками в перила. Взгляд, скользя по горизонту.

— На тебе, наверно, прослушка, — наконец-то осмеливается на слова Кузнецов. — Ходят по пятам шакалы, верно?

В свете нынешних событий вынужденно пропускаю мимо ушей оскорбление:

— Я бы заметила, — едва слышно, шепотом.

Рассмеялся, но добро так, понимающе. Взор на меня — подчиняюсь, отвечаю тем же.

— Не будь наивна. Ладно. По сути, неважно: здесь глушилки стоят. В общем, слушай меня. Говорим на эту тему — один раз и серьезно. Еремова не жди. Сама видишь, как все повернулось. Жив, здоров, но проблем хватает и без того... Живи своей жизнью. Будто ничего этого и не было...

Окаменела я, боясь даже моргнуть.

Тотчас заскребла обида в горле. Еще миг — и опускаю голову, пряча слезы.

— По поводу Евсеева — сама понимаешь. Если он и жив (а я в этом тоже глубоко сомневаюсь, так как сам потом... видел труп ублюдка), увы... ничем помочь пока не смогу. За каждым нашим шагом следят, да и ты — на крючке, причем я сейчас говорю не только о "ваших"... Так что... ни лично приглядывать, ни людей приставить не получится, — немного помолчав, шумный вздох: — Но не все так плохо, — печально улыбнулся, — есть один вариант...

Резвое, уверенное движение — и вытащил из-за пояса пистолет, из кармана — глушак, да прикрутил оногo к стволу. Протянул мне:

— Только если что — не колеблись. Стреляй сразу в голову.

Не решаюсь взять. Стою оторопевшая — и вновь не моргаю.

Не выдерживает паузы Борис. Обернулся целиком. Мигом хватает меня за руку и вкладывает трофей в ладонь:

— Осторожно с ним. Он хоть и чист, но все же не игрушка. Найдут — вали всё на Еремова. Мол, с прошлой жизни еще остался: не видела, не знала, не заметила. Будут проблемы — звони сразу или мне, или Ефиму — смотря, что или кто беспокоит. В остальном... как говорится, будь здорова... и не поминай лихом.

Прощай.

«Не жди...»

Легко сказать, да тяжело сделать.

Господи, почему? Почему? Ведь сколько знакомых, да даже друзей было. Муж. И никто, НИКТО не смог стать тем, кому бы удалось растопить, успокоить, понять душу так, как это сделал за сии короткие месяцы... Еремов. И почему именно он... должен был исчезнуть? ПОЧЕМУ ОН? Так стремительно и бесповоротно?

И как теперь жить... без него? КАК? Единственный человек, который полюбил меня не только за внешность, — исчез. Бесследно исчез.

Евсеев надеялся, что "оголив" мою душу, он явит миру правду, отвернув всех от уродства. Но вместе с тем он прогадал: да, он оголил, действительно оголил мою душу, заставляя прозреть ослепленных смазливостью, но Еремова это не оттолкнуло, не испугало. Наоборот. Среди дерьма физического и духовного он нашел то, за что можно полюбить — и полюбил. И вместо полного упадка — во мне разгорелась жизнь.

Глава 23. Охота

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

«Двенадцать стульев»,

Илья Ильф и Евгений Петров.

В какой-то момент всё это осточертело. До безумия осточертело!

Ожидание (причем, обоих «Е»). Страх. Одиночество.

Гнилая безысходность.

Адская ненависть самой к себе...

И я решила покончить со всем.

Сыта. Сыта по горло.

Мне уже нечего терять. И пора свершить то, ради чего я тогда выжила...

Куртка, кроссовки, кепка — весенний набор, все как всегда. Вот только засунуть в карман пистолет, надеть наушники, создавая вид, будто отвлекаюсь на музыку, — и смело выбраться на улицу.

Не днем. Нет. Не сегодня.

Поздний вечер, вокруг темно, холодно, мерзко. Безлюдно.

Уверенно свернуть на короткую дорогу к супермаркету: мимо «диско» прямо в темень. Что ж, если он следит за мной — то встреча неизбежна. И кому-то из нас придет конец: или мне (что тоже неплохо), или ему...

Шаги словно по эшафоту... Голова невольно вжимается в плечи, ежусь, по телу мурашки... по спине стегает страх, но я иду. Вперед. И ни шагу назад.

Не сегодня...

Вот уже больше половины пути, а никто ни сзади, ни сбоку не нападает. Даже шороха нет, или отдаленных шагов. Тишь да гладь.

Замерла я на месте.

Присесть, делая вид, что завязываю шнурок.

Сегодня я — хищник...

Ну же, Евсеев. «Родной»!

Где же ты ходишь? Поиграем!

Я знаю. Это — не паранойя. Не психоз.

Ты — РЯДОМ.

Пройтись до конца — в магазин, купить батон с молоком — и податься обратно.

Чертов гад.

Выжидаешь. Наверняка, выжидаешь, присматриваешься. Чтоб за мной не было хвоста.

Ну, смотри, смотри: последние отклеились совсем недавно. Видимо, окончательно тоже смирились, что Еремов... меня бросил. Вынужденно, но ушел.

Добраться уже до подъезда. «Забыть» закрыть дверь — медленно ползла старушка, проделывая полуоборот. Замереть около почтовых ящиков, перебирая корреспонденцию, рекламные брошюры. Ну же, вягель! Где ты? Твое «животное» уже... заждалось.

Тщетно.

Через пару дней — вновь выйти на охоту: тот же курс, только заодно свернув к мусорным бакам. Чего такому моменту пропадать? Можно и с пользой прогуляться.

И даже если в этот раз кто-то и шагал за мной, причем даже, вроде, мужчина, то, увы, — никакой агрессии, заинтересованности он не проявлял. Даже когда замерла, запнулась я на месте, тот пролетел мимо, по инерции едва не сбив меня с ног.

И снова тихо.

И снова — ноль.

Хоть собаку себе заведи, чтобы обрести видимый повод так изгаляться в темени, выискивая себе и прочие приключения на голову, а не только Евсеева.

Но что поделать?

Я знаю. Я чувствую. Вопреки всем мнениям, Евсеев — ЖИВ. Он РЯДОМ. И он ПРИДЕ за мной.

Просто обманывает, дурит, усыпляет бдительность. Хочет доказать, что не Каренко где-то там закопан, а будто сам Анатолий Сергеевич покоится... И как только я выпущу из своих рук оружие — тут же меня настигнет.

«Я ему не верю. И он умнее меня», — повторяла слова, словно мантру, уверенно отбивая каждый шаг.

Умнее — то умнее, но вот я — безумнее. Уже безумнее.

И я дождусь тебя, тварь.

Очередной вечер. Очередная безрассудность.

Пора менять тактику. Хватит нарезать круги по району. Нужно осесть и тупо ждать.

Недалеко отсюда есть озеро, около больницы. Обустроенный парк. Народу днем, обычно, тьма-тьмуша... А вот сейчас (окинуть взором пространство) — ни души.

Удивительно. Даже на проезжей части (что примыкает сюда) машин практически нет.

Идеальное место.

Присесть на скамью и утопить лицо в ладонях.

Прислушиваться к каждому шороху, быть наготове. Ждать.

Не знаю, сколько прошло времени: может, с полчаса, может, больше, но где-то вдалеке наконец-то раздались шаги. Не одного человека — несколько.

Мигом подвожу взгляд.

Двое. Стремительно приближались ко мне неизвестные молодые люди.

Еще секунды — и застыли рядом:

— Девушка, вам плохо?

Нервно сглотнула слюну, лихорадочно закачала головой:

— Нет, спасибо, ребят, — хрипло. — Всё в норме, — поморщилась.

— А чего грустишь? — не дожидаясь особого приглашения, в момент присел на скамью коренастый, темноволосый мужчина, попытка заглянуть мне в лицо. Смущенно отворачиваюсь.

— Да так, глупости лезут в голову.

— Так, может, мы развеселим? — живо отозвался, вмешался второй (высокий, худощавый), тотчас опустился на корточки рядом.

— Меня муж будет ругать, — кисло улыбаюсь (мурашки по телу).

— Муж? — удивленно переспросил Коренастый. Язвительная ухмылка: — А чего одного отпустил... в такую темень?

— Поссорились, — усердия правдоподобно лгать.

Поджал на мгновение губы Высокий:

— Бывает. Мне он моя тоже весь мозг уже выела, из-за чего домой уже неохота идти.

— Зря, — взволновано улыбнулась я (попытка проявить участие, задобрить незнакомцев). — Мы же ради семьи стараемся...

— Что?! Доводить до бешенства?! — от негодования вмиг взорвался собеседник. — До ненависти? Или унижать — это у вас, женщин, такое проявление любви?

Нервически сглотнула слюну я — лучше бы молчала. Опускаю взгляд.

Но деваться уже некуда... Вынужденно продолжить:

— Думаю, — пожала плечами, — она не хотела тебя обидеть или унижить.

Громко заржал вдруг Коренастый, не сдержался от улыбки и сам виновник разговора.

— Ты просто не знаешь его жены, — отозвался товарищ. — Она у него реально... е****тая.

— Ой, — дрогнул уязвленно бас. — Уж лучше такая, чем как у тебя: сегодня — одна, завтра — другая, а послезавтра — вообще никакой нет.

— Ладно, чего о грустном? — недовольно, пристыжено перебил Коренастый. — Ну, так что, красавица, пойдём?

— К... куда? — испуганно дернулась я. Лицом к лицу: до неприличия близко вышло. Вмиг запах перегара, смешанного с табаком, волной ударил в меня, отчего неосознанно поморщилась, а затем и вовсе отвернулась.

— К нам, вернее ко мне, — продолжил тот. — Винцо, тортик. У нас как раз со дня рождения осталось. Идем? — ухмыляется.

— Нет, ребят, — лихорадочно замотала тотчас я головой, вжимаясь в спинку скамьи, медленно отползая в сторону — едва уже не падаю на землю. — Благодарю, поздравляю... но нет.

— Да ладно тебе! Будешь здесь киснуть! — с задором вскрикивает новоиспеченный "кавалер" и мигом срывается на ноги. Резко хватает меня за руки и тащит на себя. От неожиданности растерялась, не совладала с собой — и тут же плюхнулась ему на грудь. Сжал в объятиях.

Поравнялся с нами и Высокий.

— Ну, что ты такая не сговорчивая?! — продолжил Коренастый. — Глупо грустить, когда весна на дворе! — радостно вскрикнул и напором попытался сдвинуть меня с места. Сопrotивляюсь.

— Ребят, нет! Честно, не могу! Я лучше домой пойду! — силюсь выдраться из его рук.

— Да ладно, отдохнем. Повеселимся. А мужу как раз наука будет: понервничает, подумает над своим поведением.

— Пожалуйста! — отчаянное, силой, ногтями уже впиваюсь ему в кожу. Но не реагирует. Еще сильнее разгорается подонка азарт.

— Руки убрали! — послышалось грозное за нашими спинами. Тотчас мое сердце заколотилось, словно бешенное. Резво оборачиваемся все трое.

— Дядя, а вам чего? — саркастически гаркнул на него мой "кавалер".

Но на лице "гостя" эмоции даже не дрогнули:

— Руки от нее... УБРАЛ!

Нервно сглотнула я слюну.

— А? — оторопел захватчик. — Ты че такой дерзкий?! — кидает гневное.

— Это муж мой, — испуганно, отрешенно прошептала я.

Миг — и хватка расслабилась. Отступили, шаги в сторону.

— Муж? — взгляд на меня, на него. — Так это и есть муж? Тогда "сорян"! — поднял позорно руки вверх Коренастый, сдаваясь. — Без обид, чувак, виноват.

Разворот — и буквально как по команде, лишь пару раз оглянувшись, пошли, помчали эти двое восвояси, скрываясь в темноте соседских дворов.

Тягучая, жуткая пауза. Боюсь даже пошевелиться.

Но Он решает все за меня: движение вперед. Замер рядом. Обнял за плечи и вдруг прижал к себе.

Едим, больным, жутким голосом, подобно скрежету металла, прошептал на ухо:

— Ну, здравствуй, родная... Заждалась?

Рука моя сама потянулась в карман... медленно и аккуратно.

Пытаюсь отвлечь словами:

— Очень, — нервно сглотнула слюну. — Даже не представляешь насколько, — попытка плешивой самоуверенностью не уступить кислотной слабости.

— Да я вижу... — потянул неспешно. — Ходишь, манишь... на свиданку всё зазываешь... да еще без хвостов.

— Зачем за новых взялся? — решаюсь на бой (хотя дрожу); пальцы уже обвилась вокруг рукоятки, курка. — Старых мало?

Обмер на миг, вкушая нежданную прямоту. Хитро прищурился. Хмыкнул. Взгляд в глаза:

— Перед тобой разминался, — мурашки тотчас побежали по моему телу, заново старые раны бороздя. — Хотел, чтобы было всё на высоте, — продолжил. — А вот ты, Балашова, разочаровала меня. Очень разочаровала. Подвела... Постарела, поглупела. Вместо дела — дурью занялась.

— А может, я устала бегать: за тобой, от тебя? — с вызовом уставилась и я в очи, выровнялась. — А, Евсеев? Что тогда? Не без твоей помощи — нет сил больше на кроссы.

Короткое движение — и тотчас впиваюсь дулом ему в грудь.

Ухмылка. Впервые... искренне, победно улыбаюсь, наслаждаясь дурманым превосходством.

Обмер, ошеломленно уставившись на ствол...

Несмело ослабил хватку. Еще миг — и тотчас заметались взгляды, заплясали по сторонам, просчитывая варианты, как устранить угрозу.

В момент отдаляюсь, силой выдираюсь из его рук, живо пятясь, — не сопротивляется. Взгляд не отрываю ни на секунду. Замираю в пару метрах.

Уверенно обхватила пистолет обеими руками и злорадно залилась широкой улыбкой:

— Вот и всё Евсеев: либо ты, либо я.

Секунды мыслей, рассуждений, скрытой паники — и вдруг захохотал цинично:

— Ты не выстрелишь, — осмеливается на яд. — Тебе самой же невыгодно...

— С чего это? — удивленно вздернула бровями.

— С чего? — победно ухмыльнулся (откровенно наслаждаясь своим умением склонить жертву к "правильному" диалогу): — А с того, что тогда узнаешь правду, — словно удар, слова. — Правду, которая тебе будет... вовсе не по нраву.

— Да неужто? — храбро рублю в ответ, с небывалой дерзостью (а на душе — кошки).

— Да... — едкое.

(а сила всё больше и больше прибывает в руки, сердце отчаянно колотится, и рассудок требует скорей всё завершить)

— И какую же? — поддаюсь.

Хохочет Анатолий:

— А ты не догадываешься?

— Нет, — лживо улыбаюсь.

Жуткий, до дрожи, мерзкий смех. Поморщился лукаво:

— Ничего этого вокруг, — вдруг завертелся на месте, смело, самоуверенно (пули не страшась), развел руки в стороны. И вновь взгляд мне в лицо, не унимая веселье: — ... НЕТ, — стеганул ужасом. — Да, ты выжила! — кивает головой. — Выжила: я тебя упустил. Однако... и не вернулась обратно. Всё это, — водит, крутит пальцем около, — сумасбродство... Вымысел. Больные фантазии... под действием препаратов, наркотиков. Умо-поме-шательство.

Глюк.

Заледенела, окоченела вся изнутри. Еще миг — нервно сглотнула скопившуюся слюну. Замотала отрицательно я головой, отбрасывая мысли. Позорно безмолвствую.

— Не веришь? — вновь заливается жалящим хохотом ублюдок. Шаг ближе, отчего я машинально дернулась, отступая ровно на то же расстояние. — И боишься... Всё ещё меня боишься, — иронично, упиваясь своим господством, ухмыляется гад. — Но это всё призрачно. Тамара. Всё это — выдумка твоя, — качает в негодовании головой. — Даже я — вымысел. Так что... пока ты не выстрелила, пока не прервала мое видение — пока все еще можешь надеяться, что мои слова — ложь. Хочешь стрелять? Стреляй. Мне от этого ничего не будет. А вот ты — свой мир потеряешь. Своего выдуманного Еремова, Кузнецова. Кто там еще был? Ах, да! Фирсов, Грановский. Последний вообще молодец: перестал быть скотиной. Но лишь на время, да? Странно еще, почему ты мужа своего... прогнала.

Поежилась я от ужаса, горло сдавил страх, запекло в груди.

— Я не верю тебе, — жестко, злобно, хоть и сухо, не столь категорически...

Пожал плечами. И вновь зашелся диким, гортанным смехом Евсеев. Шаг ближе — но я стою уже твердо на месте: страх — страхом, а решение принято, налилась я им сполна — не шелохнусь.

— Стреляй! — гаркнул вдруг. — И разрушь всё к чертовой матери! Сотри иллюзии! Узнай правду... Хлебни горькую сполна.

Еще шаг (его) ближе.

Да так, что дальше некуда: действительно, либо он, либо я.

— Прости, Евсеев. Но мне уже — всё равно.

...зажат курок — взвизгнула пуля.

Глава 24. Хищники и жертвы

Глава 24. Хищники и жертвы

Зажат курок — взвизгнула пуля...

Рухнул. Грохнулся на землю передо мной мой демон. Конец эпохи. Тиран пал.

Но что теперь остается мне? Что дальше?

Несмело опуститься на землю рядом. Взгляд в окаменевшее лицо с ледяными глазами.

А что если не врал? Что если этот мир — больная выдумка, галлюцинация, фантазия? Что если я все еще в коме, или в бреду? А может, и вовсе умерла? Что если из морга меня никто живой не возвращал обратно?

Несмело потянуться к нему рукой, но так и не отважиться коснуться.

А если он исчезнет? А если это — сон?

Но не решусь сейчас — и уже никогда не узнаю точно.

Отчаянное движение — прилипла пальцами к шее, выискивая пульс, словно и здесь Евсеев может обвести меня вокруг пальца. Но кровь не вальсировала в жилах. И сам не дрогнул, не отреагировал супостат. Ничего. Один — ноль,

в мою пользу.

Глубокий вдох и стереть с лица непрошенный слезы.

Мигом срываюсь на ноги и вынимаю из кармана телефон. Отыскать нужный контакт и сделать вызов.

Жалящие гудки — и наконец-то:

— Слушаю.

Вдох-выдох:

— Я убила Евсеева.

...

— Ты где сейчас?

— В парке, на озере, около больницы на Летней.

— Видел кто?

— Нет.

Шумный вздох собеседника.

— Там темно? Заметить сразу смогут?

— Не сразу, но...

— Отойди тогда подальше, — резко перебивает, — но из поля зрения его не теряй. Лишних движений не делай. Уже еду. Жди.

...

Пройтись ближе к деревьям и присесть на перекошенный бетонный обод канализационного люка. Жадно прижать колени к груди и, психопатически покачиваясь туда-сюда, напряженно всматриваться в темноту, словно выжидая там явление мессии...

Не осознаю... ничего еще не осознаю толком, что произошло. Что СДЕЛАЛА... Не верится. Кажется, бред — померещилось. Надумалось. Приснилось. Однако лицо, жадно выпученные стеклянные глаза Евсеева застыли этюдом передо мной, являя лик кошмара в странном, неестественном состоянии, замирая навеки оправдательно-обвинительным приговором в моей разреженной, вакуумной прострации...

...

Недалеко от приемного отделения замигал стоп-сигналами черный джип. Еще миг — и вовсе остановился. Стукнули двери. Высыпало на улицу несколько мужчин. Стремительное приближение...

Страх вскарабкался дикой кошкой по коже...

Окаменела я на месте. Взвесить все за и против.

А если что-то пойдет не так? И вдруг... Он окажется не на моей стороне?

Буквально минуты — и сами уже у скамьи наткнулись на труп. Короткие распоряжения жестами.

Взгляд около — вероятно, выискивая меня.

Деваться некуда.

Мигом подрываюсь и, путаясь в собственных ногах, мчу к своим судьям.

Тотчас отреагировал мой "спаситель".

— Тома! — враз развел руки в стороны мужчина, отчего я уже и не сопротивляюсь — падаю ему на грудь. Крепко, жадно обнял, слегка закачав из стороны в сторону. Поцелуй в макушку. Насильно отстраняет от себя. Взгляд в глаза (заботливо стирая с моих щек слезы):

— Никто не заметил?

— Нет, — лихорадочно мотаю головой.

— Хорошо.

— Макс, я убила его... — отчаянно сжимаю его руки своими.

Едва заметно, коротко кивнул, виновато поджав губы. Взгляд на ребят:

— Принимайтесь.

Роли розданы. Декорации возведены.

Фирсов взял всю вину на себя. Я же фигурировала исключительно как добровольная приманка. Вопрос стал только о пуле и о пушке, с которой стреляли, но слишком много народу хотело смерти Евсеева, чтоб помешать сыграть этот спектакль.

Нет человека — нет проблемы: жутко, но факт. И даже дело шьется плавно и тугими нитками. Среди вещей убитого были найдены зацепки, которые и привели следователей по запутанному пути к логову изуверов.

По крупицам мозаика собрана. И вот уже дело о серийном маньяке... подходит к своему логическому финалу: закрыто на основании смерти подозреваемого; "домыслы" о существовании "Подражателя" исчезли ровным счетом, как и материалы о Каренко. Убийца наказан... "судьбой".

Похвала, благодарность. А кому-то даже награда.

Справедливость восстановлена, хотя и неверным... гадким путем.

Но я свободна, и даже жива. По-моему, это единственное, что должно быть для меня важным, однако совесть моя глуха.

Заболотный предложил вернуться на службу. Опять кабинет, опять стол, где такая кипа бумаг, что даже головы за ней не видно: но уж лучше так, среди привычного мира, нежели отбросом-тунеядцем на грани выживания сражаться за жизнь.

Время шло, мчало, как ошалевшее: **поди уже и третий год на носу**. Ни с Кузнецовым, ни с кем-нибудь еще из их шатии-братии я больше не сталкивалась. Ровным счетом, как и вести о Еремове впредь не доходили до меня (ведь даже с Максом мы эту тему больше никогда не затрагивали).

Прошлое осталось в прошлом. Кануло на темное дно. И все сомнения, метания "старой Балашовой" о том, где "свои", а где "чужие", казались уже странным сном.

Упорный труд с утра до ночи, временами сериалы по телевизору, книги, редкие дружеские вечера за чашкой чая с Фирсовым у него в кабинете — вот теперь моя жизнь. Вот какие ритуалы я теперь соблюдаю.

И все бы ничего, всё бы было терпимым, если бы не боль и не одиночество, что так предательски гнили в душе.

Странный переполох внизу, причем у кабинета Макса.

Живо спуститься по лестнице и, протиснувшись через взбудораженную толпу, прорваться за двери.

Человек десять обступило кого-то, сидящего за столом. Вот только это был не Фирсов: тот сидел на подоконнике и, нервно куря, бесцельно всматривался за окно на вечерний город.

— О! Балашова! — внезапно заметил кто-то меня из гурьбы и радостно вскрикнул. — Тебе-то точно это будет интересным!

По телу вмиг пробежала дрожь. Не дышу.

Расступились учтиво, раззадоренные новой, не менее веселой картиной. А вот и виновник: Грановский, в кресле сидел он. В руках — телефон, где и шипит, бурчит, судя по всему, какое-то видео.

— Ну, же, иди, смотри!

Испуганно метаю взгляд на Максима — но тот вовсе не проявляет участия.

Делаю глубокий, шумный вздох — и вынужденно шагаю ближе.

— Что там? — киваю головой на аппарат.

Едко, презрительно улыбается товарищ:

— Не поверишь, кто баллотируется в мэры!

Нервически сглатываю слюну. Еще один вдох и осмеливаюсь:

— Кузнецов?

— Холодно, подруга! — откровенно, убийственно хохочет тот. — Еремов.

Глава 25. Как жили, так и будем жить...

Глава 25. Как жили, так и будем жить...

И это была не шутка...

Что самое жуткое — это. была. не шутка.

Гриша вернулся. Причем явно не сегодня и не вчера.

Дело Фирсова, которое еще недавно так красиво держалось на показаниях убитого Блохина, с треском развалилось. Не знаю, кто, где поднажал, какие страницы "изъял", но всё оказалось опять пустым, недоказуемым, сплошной водой...

Все обвинения сняты. А шишки если и сыпались, то исключительно на мертвого "лжесвидетеля" и его соратников.

Так вот почему Фирсов нервничал, вот почему был вне себя: все труды и ночи без сна... ГОДА (!)... снова насмарку.

Подойти и поговорить на эту тему я с ним... не отважилась. Так как, даже самому отдаленному от всех тех наших страстей, человеку в этом здании была известна наперед моя истинная реакция на сию новость. А потому глупо было даже притворяться, или скрывать. Увы, но я вновь среди этой толпы... стала чужая.

...

Однако и Еремов ко мне не спешил. Не звонил, не писал... и не приходил.

В тот вечер я сидела до последнего в своем кабинете, тихо моля, надеясь, что он придет ко мне. Но тщетно. Ни в отделение, ни домой... Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

У него была своя жизнь — и в нее я больше не вписывалась.

Сама встречи не искала, и звонить не пыталась.

Глупо. Глупо гнаться за тем, кто, если чего-то хочет, то сам приходит и смело берет это.

А потому, вдох-выдох, стереть слезы со щек и в очередной раз вынырнуть темным вечером в одинокую, пустую "личную жизнь".

...

Самое жуткое, страшное, горькое... было выбираться за пределы кабинета. Везде был Он: на плакатах, в телевизоре, на рекламных щитах.

Серьезный, важный, обещающий светлое будущее.

Как же это... на тебя похоже.

Вот только что потом?

Разбитые мечты? Боль? Обреченность?

Три года, с*ка, три года я тебя ждала! А ты явился обратно — и даже номер мой не набрал. Просто "привет". Хотя, наверно...

...и вправду, лишнее. К чему слова, когда действия говорят сами за себя: проигрался — и бросил. Забыл. Вот только я так не смогла...

Еще больше погрузиться в работу, и чем больше дел — тем невольно счастливее я. Меньше мыслей — больше покоя.

Очередная неделя, очередной месяц...

Вот и всё. Точка.

... постучал кто-то в дверь.

— Да? — раздраженно скривилась я. Меньше всего хотелось, чтоб сейчас отвлекали. Рабочий день давно закончился, а дел еще по горло.

— Можно? — заливается едкой ухмылкой Грановский, просовывая голову в дверную щель.

— А есть выбор?

Смеется. Широко распахнул полотно и мигом ввалился внутрь.

— А вдруг Заболотный тут — опять получу по шапке за то, что тебя отвлекаю.

— Вот и не отвлекай, — неприкрыто грублю.

Вновь взгляд в документы, попытка вспомнить, на чем остановилась.

А тот заливается какой-то странной радостью, хохочет. Но и интрига так себе: ничего доброго он никому никогда не принес. Очередная возможность поиздеваться, и жертва, судя по всему, нынче — я.

— Поверь, — наконец-то совладав с собой, продолжил, — это тебя очень позабавит. Еще больше в работу нырнешь.

— Иди ты на х**, Андрюша! — не выдерживаю, задетая воспоминаниями позора, что так "по-товарищески", щедро он мне тогда вручил.

Еще сильнее давится смехом:

— Или ты уже знаешь?

— ЧТО?! — гаркаю на него, едва сдерживаясь, чтоб уже не кинуться на него с кулаками.

Глаза в глаза.

— Еремов победил.

Обмерла я, словно расстрелянная.

...

Что-то еще говорил Грановский, какие-то шуточки травил, с которых сам и смеялся, но затем... когда у меня уже не было сил сдерживать слезы... обмер, что-то буркнул себе под нос, живо развернулся — и смылся восвояси.

Еремов. победил.

ЕРЕМОВ ПОБЕДИЛ.

Все никак не могло это уложиться в моей голове.

Еремов. Мой Еремов. Еремов Григорий Викторович, 1974 года рождения, тот, кто еще совсем недавно считался местным "криминальным авторитетом", теперь... — мэр. МЭР... нашего города. Высшее должностное лицо городского округа и руководитель мэрии города.

Стереть слезы и подойти к окну. Открыть форточку. Вдохнуть прохладный, ночной летний воздух.

Еремов окончательно вернулся. Опять город в его руках, вот только... уже официально. И Фирсов уже ему ничего не сделает. Теперь... как бы уже самому Максиму не влетело, если он не бросит сие гиблое дело. Вот она... ирония, или даже сарказм, плевков... судьбы.

В голове такая свалка, такой беспредел, что даже мысли сбиваются, погоня одна другую. Хаос. Дурман. Прострация...

Нет сил больше ни на что. Какая уж тут работа?

Собраться кое-как, закрыть кабинет — да вытолкнуть себя на улицу.

Черти что...

И что дальше? Вот ЧТО?

А ничего! Как жили... так и будем жить.

Так и будем...

Добраться до остановки, дожждаться нужного автобуса и прыгнуть в салон.

Повезло, или благо позднего времени: почти половина сидячих мест — свободные.

Протиснуться за не очень-то вежливую, учтивую даму ближе к окну и опуститься в кресло. Взгляд за стекло. Дождаться кондуктора...

А тот не спешил, а тот... словно нарочно издевался, тянул резину, заставляя меня всё еще сознанием плясать в этой чертовой реальности.

Пять минут, десять — и лишь потом расплатиться за проезд, вставить в уши наушники — и победно уткнуть бесцельный взгляд в ночные, мимо пролетающие, виды засыпающего города...

И снова мысли тугой пеленой, отчего даже не сразу заметила, что рядом произошли перемены. Женщина ушла, а вместо нее взгромоздился какой-то тучный мужчина с огромной поклажей. Да так, что и мне досталось, что «придерживать». Тычет, колет, пинается каким-то громадным коробком, из последних сил обтянутым черным пакетом. Бросить на противного соседа недовольный взгляд — и опять отвернуться к окну. Однако странное, жуткое чувство внезапно засело у меня внутри: будто кто-то, стоя чуть дальше, в стороне, смело, откровенно, вызывающе пялится на меня, да то ли «любуюсь», то ли взывая к вниманию.

Черт, кого еще принесло? Лишь бы не очередной нерадивый кавалер...

И не охота же даже смотреть — то, б***ь, так бесит, раздражает, выводит из себя, что уже готова с кулаками на него (аль на нее) броситься. Едва сдерживаясь, дабы в голос не выругаться матом, перевожу, устремляю взгляд на нахала — или разуверюсь в глупостях, или же укором остужу пыл подонка. Доля секунды, движение глаз — и оцепенела, заледенела я, распятая в кресле. В груди сдавил спазм, лишая права на вдох. Изумленно выпучила глаза, не моргая.

Еремов. Буквально в двух метрах от меня стоял мой Еремов, держась за поручень, и откровенно сверлил меня взглядом, словно желая испепелить им, здесь же, на месте, не щадя.

Не знаю, сколько прошло времени... пять минут, полчаса, вечность, одна остановка — три, десять, но внезапно дрогнул мой супостат, переведя взор на миг куда-то за окно. Его губы зашевелились. Различаю слова, хотя и не слышу:

— Выходишь?

Дернулась невольно. Взгляд по сторонам, на улицу.

Мигом, что черт из табакерки, вскочила я с места — отчего громадная поклажа «соседа» враз едва не грохнулась на пол, проделав кувырок.

Ошарашено уставился на меня мужчина.

— Пропустите, пожалуйста, — сухим, осиплым голосом шепчу (живо выдираю из ушей наушники и прячу оных в карман). Ожидание.

Не сразу соображает, не сразу реагирует, не сразу поддается... незнакомец. Но минуты — и я наконец-то вынырываю из ловушки. Страшно подойти к огню, к своей бездне, но выхода нет — ждет, выжидает, заманивает в свои сети.

Двери распахнулись — мигом вылетаю на улицу, едва ли не пойдя кубарем.

Но еще шаги по тротуару, по инерции — и замираю, застываю, словно пойманный, пристыженный вор.

Шорох отовсюду — еще недавнишние пассажиры, уже прохожие, усердно торопились домой.

Но слышится и несмелое движение где-то сзади.

Секунды, мгновения — и замирает за моей спиной...

Руки дрогнули в попытке обнять — но коснуться не отваживается.

Вновь перехватило мое дыхание... Невольная дрожь взорвалась внутри, разливаясь волнами по всему телу. Страх вскарабкался по спине и залез в душу.

Не может быть... Нет. Это бред.

Такого... просто не может быть — мне чудится. Галлюцинация. Я просто... сошла с ума.

От недосыпа, нервов, перенапряжения... Но обернуться и того страшнее. Страшнее внять, что права: и Он действительно — вымысел...

Легкое дуновение теплого ветра — и вмиг дюжий запах алкоголя и знакомых, до боли, до слез, сигарет, вперемешку с нежным, терпким ароматом грубой силы, морем обволокли меня, унося в свой плен сладкого, умопомрачительного дурмана, уверяя, что если это и выдумка — то безмерно реалистична, и в ней в пору утонуть...

Еще мгновение — и наконец-то мы остались одни. Под покрывалом ночи и в плену усталой тишины. Движение ближе — и всепоглощающее тепло обдало меня, казалось, заживо прожигая кожу. И вновь попытка быть смелым — и в этот раз он сильнее себя: бережно коснулся моих плеч.

Не отталкиваю. Не сопротивляюсь... Отчего тотчас прижался всем телом, губами касаясь края уха... шепнул пьяняще, завораживающе, сладострастно, словно тот распутный инкуб:

— Здравствуй, моя хорошая...

Зажмурилась, в момент болезненно стиснула веки я, отчаянно сдерживая слезы — но те проворнее меня... Скатились предательские по щекам, испуганно убегая от пожара.

Еще сильнее сжал, обвил руками, словно цепями, меня мой мучитель и зарылся носом в волосы. Томные, горько-сладкие мгновения и вновь осмеливается на слова:

— Зайка... прости меня. Прости, долбо**а... За всё прости... — шумные, нервические вдохи. — Ну, не мог, б***ь, я раньше вырваться... Не мог. Как бы того не хотел — НЕ МОГ! Даже сейчас... Выборы? Да, е**** его в ро*, это — та еще война! Я с трудом ее победил... и не только ради себя... Тома, прости меня. Прости, идиота... Прости меня, если когда-нибудь сможешь. Что в лесу тебя одну тогда бросил... Что про ту с*ку, Евсеева, не поверил... Что всю ту х**ню... тебе пришлось пережить — из-за меня... и из-за того уroda тоже. Что всё пришлось пройти одной. Прости, родная...

Молчу. Дрожу и всхлипываю, не в силах сдержать боль, жалость к себе, горечь, что вмиг прыснули из меня, словно из пробитого гнойника, высвобождая место для чего-то нового, и старого... Для чего-то важного и единственного, по истине, существенного...

Внезапно дрогнул, пытаюсь от меня оторваться — в момент отчаянно реагирую, тут же хватаю его руки своими и удерживаю на месте. Смелый взгляд вперед, на серый, полупрозрачный пластик стен остановки — словно в зеркало: ловлю с ним наше отражение... — бледную картину на темном, беспробудном полотне. Как наши грезы на холсте жизни.

Устало откинула голову назад, обвисая в его объятиях, упиваясь сладким дурманом и потаенным грехом.

Нежные, сводящие еще больше с ума... ласки губами, от уха робкой дорожкой по шее. Невольно поддаюсь, уступаю его напору, все больше подыгрывая затее.

Но еще миг — и силой разворачивает меня к себе лицом.

Глаза в глаза.

(Господи, неужели? неужели не сон? не сумасбродство? не выдумка?)

Жадно, повелительно впивается поцелуем в губы, тотчас врываясь в меня языком. Отвечаю, отчаянно, бешено, голодно. Словно и я не я... и честь не моя.

Подхватывает на руки и куда-то тащит в сторону: на остановку. Усадил на скамейку и мигом забрался под юбку. Испуганно хватаю его за руки, вынуждая остановиться. Отрываюсь от его губ и рычу, шепчу, молю:

— Гриш, котик, не здесь... Нельзя. Не на людях же...

Не слышит, сопротивляется, напор все сильнее и грубее.

Уверенно хватаю в свои ладони его лицо и вынуждаю замереть. Взглянуть мне в очи:

— Пошли домой, — нежным шепотом. — Пожалуйста... — тугая пауза, не хочет, злится, противится. Давлю дальше: — Ты же теперь публичный человек. К чему скандалы?

Секунды нервных, возбужденных вдохов — и сдается, обреченно, обижено зарывчав, застонав. Резво отстраняется, хватает за руку — и молча, силой тащит в сторону дома.

...

Чертов лифт. Едва схлопнулись створки, как тотчас зажал Еремов кнопку «стоп» — и накинута на меня, словно дикий зверь.

Визжу, смеюсь, отбиваюсь... Попытка протиснуться сквозь его хватку вбок и вновь выбрать нужный этаж.

Но этому нахалу уже и все равно — давно под юбкой, нагло тащит вниз с меня белье...

— Гришенька, зайка, мы же уже рядом...

Раскрылись двери — и силой пнуть, оттолкнуть от себя своего пылкого властителя...

Выскочить наружу. Лихорадочно сражаясь с замком — открыть дверь.

Не успели переступить порог, как дико взревев сквозь смех, словно ополоумевшее животное, тотчас Еремов набросился на меня и повалил с ног, на пол...

Грубые, резкие движения, сдирая с меня одежду. Уже безумствую и я, стягивая с него пиджак, расстегивая рубашку, брюки. Короткий поцелуй в губы — и, схватив меня за бедра, немного подал на себя. Уверенное, стремительное действие — и уже в следующее мгновение ворвался в меня, взрывая вместе с шальной, сладкой болью переливы звонкого счастья. Жесткие, требовательные, дерзкие напоры, движения, рывки, лишь иногда прерываясь на украдкой поцелуи в уста, шею, грудь, что взрывали внутри нас еще больше страсти, бешенства и ненасытности — громкие стоны вожделения и едкого наслаждения уже оба были не в силах сдержать...

Мы победили, время победили — и теперь оно покорилося, уступило нам.

Эпилог. За широкой улыбкой

Эпилог. За широкой улыбкой

Говорите, сложно забыть юбилей Еремова, который гремел в 2014 году? Видели бы вы, что творилось, когда этот гад женился... Там уже не только милиция на ушах стояла, но и весь город...

Чего только стоила паника гостей, когда свадебный кортеж после ЗАГСа ко входу ресторана прибыл удачно, в полном составе, однако в последнее мгновение — лимузин с женихом и невестой сделал разворот и покатился прочь, дерзко наплевав на всех собравшихся (и очень даже разной величины и важности личностей) — ошарашенных и бранящихся... И длилось это безумие несколько часов, пока голодное животное хоть чуток не насытилось своей новоиспеченной женой... и мы не выбрались из пробок.

Дальше — пьянка, разборки, много разборок — и чуть ли не по любому поводу (и уже без Еремы)... Драка, много драк... со смачным таким рукоприкладством.

Недалекие друзья, решившие "удачно, круто, ядерно" пошутить, устроили "маскишоу" — и под эту шумиху "своровали невесту"... С*ка, Кузнецов — не ожидала, что и он на этот бред подпишется. Благо, конечно, узнала сразу — а потому нервничать не пришлось. Мне не пришлось. А вот Ереме — тут историю без мата сложно описать. Ад, сумасбродная эксплозия... Там уже даже ни начальник милиции, ни главный прокурор города (наши же гости) не смогли успокоить это чудовище своими обещаниями, клятвами и уговорами, что, хоть это — дело не их рук, всё быстро сейчас порешается, и жену мэра доставят обратно в лучшем виде. А после — уже даже сознавшийся в грехе Борис не смог остановить сию сорвавшуюся лавину... Чудом меня вовремя доставили, вовремя вернули... С*ка, буквально на минутах — а иначе бы с десятков трупов, для начала, этот мой безумный организовал: и тех смелых (что сдерживали), и тех глупых (что организовали), и тех добрых (кто силился привести Еремова в чувства, остудить). Только когда меня увидел, только когда я сама на него вызверилась благим матом, за тот беспредел, что там успел учинить, только тогда мой местами неадекватный, ополоумевший муженек, попустился и выдохнул... Только тогда смог прийти в себя.

Силой, едва ли не за шкуру Ерему в автомобиль — и рвануть долой, в сторону своей "брачной ночи"... Немало мне пришлось потом приложить усердий, усилий, дабы вконец погасить его пыл, дабы "заслужить прощение" за шутку... Шутку, против которой я сразу категорически выступила — но разве пьяным "друзбанам" объяснишь, что "кукушка" Гриши совсем уже "не та", на полную катушку сорвана (особенно после побега), и подобными вещами не стоит шутить уже даже им, родимым... И если с виду Еремов — бессердечный, бездушный, черствый герой, то относительно меня, семьи (и, кстати, этих же сказочных долбо***в тоже)... — остался... чутким, ранимым человеком.

А дальше ждала нас... веселая, невероятная жизнь.

Да, мы — не праведники, но, что бы хорошего ни делали, как бы ни старались, обязательно находились злые, завистливые умы, которые обязательно всё выворачивали и обращали против нас. И неважно, что на белое говорили черное, нет. Предрассудки брали свое — и другие верили, верили... непреклонно.

И оно-то понятно, ведь даже если святой придет к власти (не говоря уже о нас, сомнительных), за старым шлейфом ошибок и мерзких поступков предшественников толпа уже не заметит ни чистоту, ни свет. Предвзятость, страхи, сломленные мечты — они продиктуют свое отношение...

...жена мэра в милиции работает — "...ну, оно теперь понятно, как он победил".

Жена мэра уволилась — "...ну, оно понятно: муж наворует, обеспечит, чего напрягаться?"

У жены мэра проблемы со здоровьем, а семью хотят полноценную, большую, потому одного ребенка суррогатная мать родила, а второго — взяли из детдома, так как и сам мэр был, рос беспризорником — "... нагулял, другая ему родила, поди скоро и жену бросит", "... взяли бедного ребенка из детдома, еще один бандитом вырастет", "...а своего они больше любят — сразу видно", "показушники хреновы, ради рейтинга и не на такое пойдут".

Господи, чего стоило мне пережить все эти нападки, слова, прямые обвинения...

Гриша тоже был уже на грани. Для меня даже сделал (хотя я была против, так как и без того сильно люблю наших детей) — анализ ДНК, доказывая, что родителями «ребенка из пробирки» являемся непосредственно мы двое, Тамара и Григорий Еремовы, а суррогатная — на то и суррогатная, чтобы исключительно... выносить плод.

Жене мэра сделали повторную пересадку сердца — "...одни годами ждут, а тут бац — и сразу вне очереди пробилась, да еще и второе, не чудо ли? А кто-то и первого не может дождаться..."

Исключительно за деньги и не в нашей стране, буквально едва ли не силой заставляя, уговаривая, мотивируя меня моим же желанием и дальше жить, заботиться о любимой и любящей семье, Гриша убедил меня пойти на такое. Но и за это нам прилетело. И не кисло прилетело, хоть и всячески мне было запрещено читать газеты и смотреть телевизор.

Жене мэра сделали легкую хирургическую пластику тела — "...стареет мать", "...да какая она мать? ни одного не родила, все приблуды!", "...деньги есть — можно и о внешности подумать, ботекса себе накачать, или что она там себе сделала?"

Опять-таки Гриша, опять-таки его деньги, скопленные еще до мэрства. Да, во многом, нечестным путем. Да, мерзко... Но что есть.

"...любовнику жены мэра, Фирсову Максиму Дмитриевичу, дали повышение, подполковника и вскоре он стал начальником отделения вместо Заболотного, а тот покарабкался выше..."

С Фирсовым мы никогда не переходили черту дружбы, что до появления в моей жизни Еремова, что после. Да и не виделись с Максом уже давно: последняя встреча была как раз перед увольнением, и то... не особо он хотел со мной говорить, так как считал... что в какой-то мере я его предала, вновь предала, хотя ненависти все же не выказывал.

Обида, которая, надеюсь, со временем пройдет...

Но... чего грустить? По большому счету, когда уже начинаю не реагировать на всю эту черноту, что зачастую незаслуженно летит в нашу сторону, — становится жить проще. Пять лет пролетят быстро — осталось уже немного. Конечно, точное решение, будет ли баллотироваться на второй срок Еремов — еще неизвестно, ведь это не только от него зависит. Но то, что и он, и я, и дети наши сыты сполна всем этим — тут уж не поспоришь.

А потому не зря куплен дом в Швейцарии, и мы потихоньку учим новый язык. Когда мой герой окончательно набалуется с властью, искренне надеемся осесть там и зажить

полноценной, тихой, мирной, счастливой жизнью...

Больше книг на сайте - Knigolub.net